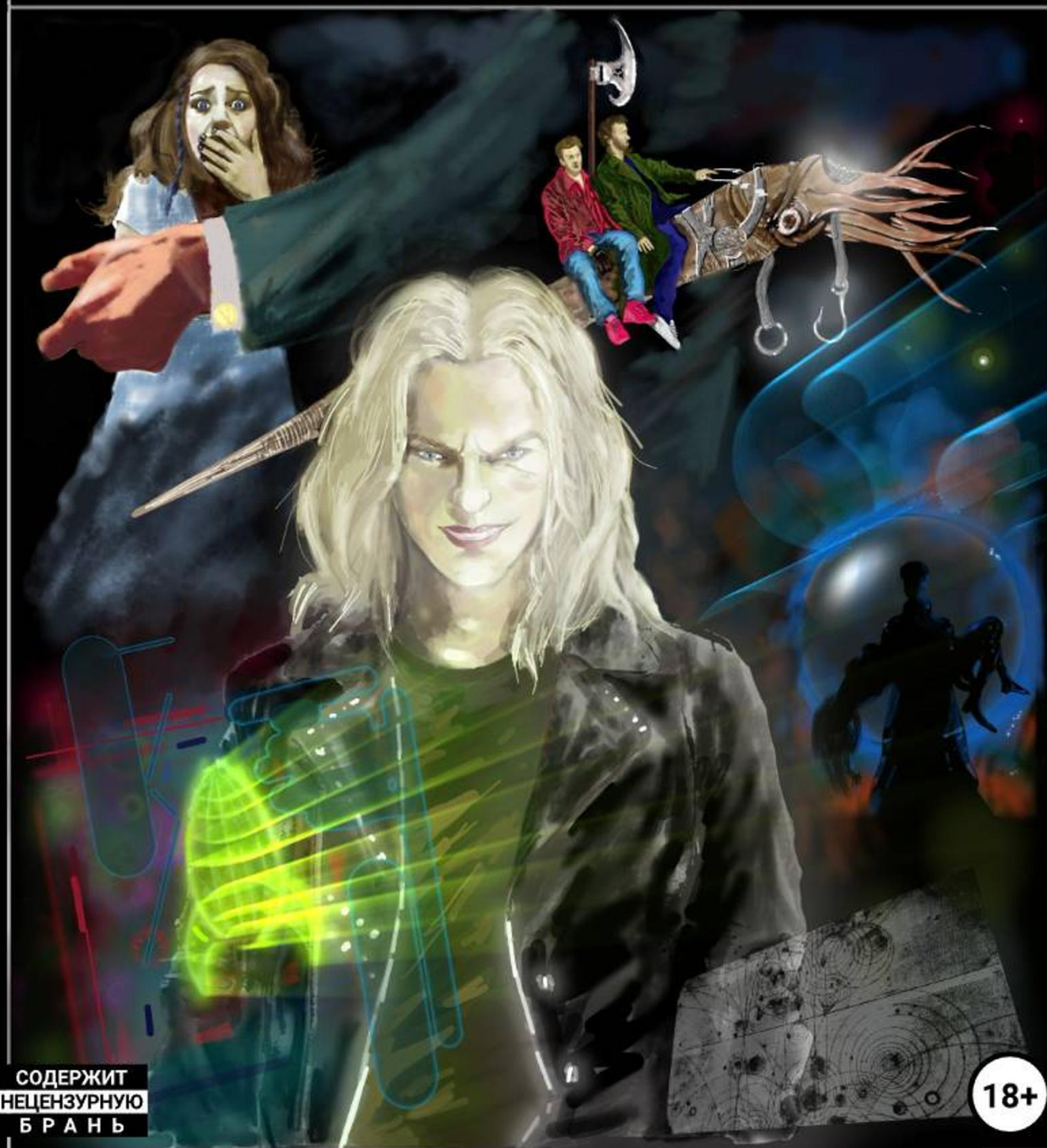

О С О Б Ы Е

П Р И В И Л Е Г И И

Вадим Савостьянов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Савостьянов

Особые привилегии

«Автор»

2026

Савостьянов В.

Особые привилегии / В. Савостьянов — «Автор», 2026

Герой неожиданно становится свидетелем уникального события в ночном лесу. Ему бы в чудо поверить, да вот беда: мужчина - выпускающий редактор научно-популярного журнала, и верит только тому, что можно подчинить эксперименту и логике... Ему будет предоставлен такой шанс, однако странный голос из телефона предостерегает его от попыток прикоснуться к тайне, ибо у героя теперь "особые привилегии" с которыми лучше вообще не выходить из дома...Всё начинается с таинственного голубого круга, и, если вы не боитесь, войдите в него, чтобы прогуляться с героями по окрестностям мрачноватого "синего мира"... только соблюдайте крайнюю осторожность, поскольку мутант, возможно, бродит ещё где-то там: среди наползающих друг на друга языков клубящегося тумана, среди жалобных голосов птиц, среди законов, неподдающихся никакой логике...Так поскорей же вступите в голубой круг и захватите в дорогу знания, они помогут выпутаться из неприятностей под названием "Особые привилегии".

© Савостьянов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Маленькое вступление	5
Глава первая	6
глава вторая	34
глава третья	49
Глава четвертая	68
Глава пятая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Вадим Савостьянов

Особые привилегии

Маленькое вступление

Приключение, каким бы многообещающим и волнительным оно ни было, всегда с чего-нибудь начинается. С чего-то незамысловатого – наподобие заброшенного пустыря, приютившегося за околицей вашего дома, или с красивой бабочки, которая, при помощи взмахов изящных крылышек, заманит вас на солнечную поляну посреди дремучего и трескучего старого леса.

Началу могут посодействовать резиновые сапоги, бегущие вприпрыжку вслед уплывающему по вешнему ручейку кораблику из бумаги, или заляпанная страница увлекательной книги, обнаруженной на чердаке в ворохе старого хлама, покрытого толстой, как шаль, паутиной. Быть может, хорошим началом послужит достойный внимания кинофильм – история о том, как мужественный герой, снискавший доверие прекрасной дамы, одолевает воинственную свору жадных пиратов – эдаких, чуточку обаятельных, проходимцев и недотёп. В награду за смелость герой, как это заведено, получает лишь толику славы и поцелуй – увядающие атрибуты всех романтических повествований.

Как бы там ни было, а начало всегда существует и в нашем случае – это таинственный голубой круг. Войдите в него... Если не боитесь.

И – добро пожаловать в сказку...

Глава первая

Я вернулся из Швейцарии в восемь вечера, в состоянии лососа отскакавшего десять каскадов против течения и готового отойти в мир иной. Летал туда в качестве своего рода экстренной помощи – выполнял задание сотрудника, сошедшего с дистанции раньше, чем это предусматривалось планом редакции – и, если бы не долетел, он мог бы рассматривать свой недуг в качестве сошедшего из нирваны пророческого чуда. Вообще-то, этот бодрячок и крепыш исколесил весь мир, зная не понаслышке, чем коварна лихорадка Денге или Чикунгунья, но обыкновенный апрельский грипп оказался ему не по зубам.

Пока я путешествовал по Швейцарским кантонам, собирая материал для большой статьи, – на родине отзвенели пасхальные колокола; пока я занимался наукой, отходил апрель и в Россию, наплевав на границы и таможенные посты, потянулись крикливые орды перелетных птиц. В то время когда уставший до чертиков в печенках, но преисполненный ликования по поводу приближающегося отбытия новоявленный журналист, уже и сам готов был расправить крылья и тронуться в путь, телефонный провод, пылящийся под кроватью в моем номере Цюрихского отеля, принес из России весьма дурную весть.

Тихий голос, абсолютно бесстрастно – без раздражающих помех и неожиданных прерываний, не всхлипывая и не дрожа, – донес до моих ушей простую вещь, которую понял бы с первого раза и человек с интеллектом блохи: моей семейной жизни (как и долгой российской зиме) наступил конец. По поводу зимы я никогда не сомневался, а вот семейная жизнь виделась мне в другом свете. Я переспрашивал раз за разом: кто это, мол, так неуместно шутит, но голос в трубке терпеливо внушал мне, что сказанное им следует воспринимать серьезнее, чем это на первый взгляд представляется, а когда я устал и сорвался на крик, она повесила трубку, оставив меня корпеть у подушки в полном недоумении. Этот мягкий убеждающий голос, кажется, принадлежал моей жене.

«Мне жаль, Матвей, но ты – не герой моего романа», – сказала она мне однажды вечером, когда, лежа в постели, мы шутливо болтали, посматривая вполглаза миллиардный по счету ромком из числа тех, что любят забираться в наши телевизоры по вечерам.

Это было шутливо, это было жестко, это было так по-ромкомски! Именно эти ее слова светились передо мной красным светом, когда самолет заходил на посадку, а вовсе не – «Пристегните ремни и молитесь».

По телефону она говорила, что мы тактичные разумные люди. Мы многое в этой жизни понимаем, мы готовы уступить: она мне все и я ей все, вот так – без лишнего шума и суеты, будто пришли из кафешки и разбежались. Словно не было двенадцати лет семейной жизни, словно не было детей. *«Ты будешь видеться с дочерью, когда захочешь и сколько захочешь – ты хороший отец, Ниночка тебя обожает!»* Когда захочешь, но не всегда.

Ты выбрала весьма подходящий момент, для того чтобы поставить точку: позвонить мне в Цюрих накануне отлета. *«Я думала, что ты развлекаешься с коллегами-журналистами...»*, а я не знал как отделаться от занудного доктора Майера с его ненаглядными кварками и глюонами. *«Я думала, у тебя там шампанское в коктейль-холле»*, а я думал о том, как убедить менеджера «Paradise Bank» вернуть мне карточку, которую слопал их треклятый банкомат. Ничего не скажешь: мы разумные, мы все понимаем...

Две недели брифингов и презентаций в компании непьющих Циглера и Розетти, и весьма пьющего Майера вкупе с его собутыльником Блаттом – профессоров, получивших полномочия от лица всего человечества, раскапывать тайны вблизи того места, которое именуют не иначе как «передовой край современного естествознания». Исписанный до корки путевой блокнот с заметками, впечатлениями, выводами. Статья почти завершена (я решил, что завтра заеду в редакцию и дам необходимые указания по поводу подготовки ее к печати, а заодно испрошу

двухнедельный отпуск, пусть и за свой счет), наметки я обработаю сам и представлю в редакцию готовый обзор.

В Тулу я приехал около десяти, взял такси до Косой горы и, на корню пресекая любые попытки водителя меня разговорить, в угрюмом молчании добрался до дома. Когда расплатился и отпустил машину, встал столбом и минуты три смотрел на освещенные мягким зеленоватым светом полупрозрачные шторы нашего окна на втором этаже панельной пятиэтажки. То ли этот призрачный свет виноват, то ли я пресытился собственной злостью на Женю, но все негодование и обида испарились куда-то, а на их место ступила растерянность. Моя квартира, которую я сам выбирал, внезапно стала чудиться мне совершенно чужим местом. Комнаты, по которым деловито снует высокая женщина с каштановыми волосами, кудри которых настолько воздушны, что едва давят на ее плечи, – это разве мои комнаты? А сама женщина с задумчивым карим взглядом? Моя ли она? Что будет, если наши руки случайно соприкоснутся, почувствую ли я отторгающий холод, увижу ли отвращение в ее взгляде, когда нежные некогда пальцы, отпрянут, словно от прикосновения к стеблю колючего чертополоха. Что я скажу ей, когда позвоню в дверь? У меня даже злости не осталось.

Я вошел в подъезд, медленно с неохотой поднялся на свой этаж, и, вместо того чтобы позвонить, сел на холодную ступеньку, подогнув колени; пальцы мои рассеяно теребили дорожную сумку, тихая мелодия из-за двери соседней квартиры убаюкивала, разрушая волю к сопротивлению обстоятельствам. Глаза, словно магнитом, притянуло к какому-то фантику или лоскутку, лежащему себе неприкаянно подле моей двери. Я протянул руку и подхватил это. Несколько секунд рассматривал, гладил бархатистую на ощупь структуру, а потом раздавил, окрасив подушечки пальцев красным соком.

Я любил свою жену, не сказать, как любил. Она сделала меня счастливым в мои тогдашние тридцать три года, в тот момент, когда я уже думал, что холостяцкая жизнь – мой удел. Она согласилась стать супругой человека на девять лет старше себя, вместо того, чтобы выбрать в спутники более молодого кандидата. Родила чудесную дочь, но еще одного ребенка рожать не захотела – это послужило для меня маленьким сигналом, намекнувшим, что она в чем-то не уверена. Тогда я подумал, что жена сомневается насчет собственных сил, а теперь видел в ясном свете, что главным источником ее колебаний являлся человек, от которого предстояло родить, другими словами – ее собственный муж.

Становились неожиданно ясными и многие другие вещи, которые по незнанию я относил то к усталости, то к капризам взрослеющей женщины, а то и к шуткам-прибауткам. (*Мне жаль, Матвей, но ты – не герой моего романа.*) Мы оба с ней любили хороший юмор, но судя по ее звонку в Цюрих, она в этом деле преуспела больше.

Я приложил ладони к глазам и заплакал, моя бабушка часто делала так, чтобы снять с души накопившийся стресс. Наверное, повышенная сентиментальность передалась мне именно от нее, а может, и нет – если брать во внимание, что последний раз я плакал в третьем классе, отбив коленку на уроке физкультуры. Плакал со слезами, но почти без звука, что давалось мне довольно легко – хорошо плакать под тихую приятную музыку, особенно, когда оплакивать было что. Вскоре мне полегчало, бабушка оказалась права: теплые слезы – в соответствующий момент – смывали стресс не хуже, чем контрастный душ.

Закончив хлюпать, я принялся вытирать щеки рукавом пальто, стараясь не прикасаться к ним пальцами измазанными соком одного из представителей семейства *Rose*, лепесток которой я подобрал у двери своей квартиры. Кто бы ни был тот мужчина, что приносил сюда букет, он явно сообщал в таких вещах – я-то дарил ей в основном шоколад.

Минут через сорок, переодетый в теплую вельветовую куртку, я вышел из дома в прохладную апрельскую ночь. В руках нес набитую выше положенного нейлоновую сумку, которую мы обычно использовали для выездов. (Ту, с которой приехал из Цюриха, – кожаную и

дорогую – оставил в квартире, предварительно очистив ее отделения от документов, денег и записей со статьей.)

Достал брелок и на ходу открыл дверцу своего авто – у меня серо-стальная Камри – «сорока» – старая, но весьма толковая машина, с которой я всегда обращался почтительно, чем и объяснялось, по-видимому, ее превосходное самочувствие, а значит и вполне умеренный аппетит в отношении всевозможных ремонтов и запчастей.

Бросил сумку на заднее сиденье, стараясь не вспоминать сейчас, как моя дочь Ниночка, когда была еще совсем крохой, выделывала кульбиты на его мягком ложе, разбрасывала кукол и всякие мелкие безделушки, которые девочки обычно таскают в своих саквояжиках и рюкзаках. Уселся за руль, завел двигатель и аккуратно, задним ходом, дополз до выезда, поглядывая на удаляющееся от меня окно. Потом развернулся и устремил машину к шоссе. Спустя пару минут лабиринты улиц, отороченные столбами светящихся в ночи фонарей, выпустили меня на свободу. Прибавив газу, я помчался по скоростной трассе, словно ракета, летящая под светом бледных звезд к новому миру, который предстояло исследовать и покорить.

Вот что впереди меня ожидало: отмотать двадцать семь километров по шоссе, далее – три километра по извилистому грунту – в общем-то, не ахти какой путь, особенно если глаза слипаются, а до полуночи рукой подать. К тому же я малость проголодался – короткая схватка с женой вытрясла из меня последние силы, а в самолете я только поковырял котлету и переложил горошины из гарнира с правого края тарелки на левый, зато поглощал «Перье» с лошадиным чувством жажды – наверное, так мой затронутый стрессом организм подкреплял себя. Мне пришла в голову мысль, что, возможно, обыкновенная минералка обладает свойством куриного бульона, который, как известно, первая помощь при всякого рода недугах. «Надо будет взять на заметку, – рассеяно подумал я. – Может, обалденная статья получится ». Спустя некоторое время экранчик моего навигатора показал маленькую картинку, которую я замечал многократно на протяжении двух лет, но всякий раз игнорировал: придорожное кафе «Яблочная пицца» работающее круглосуточно. На этот раз странное название пробудило во мне не только интерес, но и аппетит. Конечно, рассудил я, никакой пиццы там и в помине нет, просто люди кинулись нынче, как один, придумывать чудные наименования, чтобы в глаза бросалось и дольше оставалось в памяти.

Стоянка перед заведением выглядела мокрой, кое-где – как овальные зеркала без обрамлений – поблескивали лужи. «Наверное, здесь прошелся мимоletный местный ливень, чтобы вычистить грязь к моему приезду», – подумал я, паркуя Камри. Стоянка, впрочем, не пустовала: на другой ее стороне – у бордюра – прилепилась замызганная Рено, модель, по сравнению с которой моя «сорока» была молоденькой первокурсницей. (Скорее всего, эту грудку металла пригнали откуда-то из восточной Европы, и к моменту путешествия машина уже являлась глубокой пенсионеркой.)

Когда я закрывал авто, то обратил внимание, что сбоку заведения существовало некое продолжение стоянки плавно перетекающее в пустырь. Закрепившись в этой нише, словно гигантское инородное тело, посапывая во тьме и с ужасом вспоминая во снах Сибирь, расположился необъятных размеров дальнобойный фургон. Красно-синие всполохи, отрываясь от светящейся вывески, падали на мостовую.

– Яблочная пицца, – произнес я. – Так и есть, навигатор не врет.

Звонкий колокольчик возвестил о моем приходе, и мне, почему-то, стало стыдно за произведенный шумовой эффект. Уголкем глаза, я заметил, что за столиками находилось несколько персон, однако не стал на них смотреть, меня же пускай разглядывают сколько вздумается. Я прошествовал к молодому человеку за стойкой – он уже начал бриться, но возможностью этой опрометчиво не пользовался, ибо его жидкие усики казались остатками театрального грима, а когда он дежурно заулыбался, оттопырились в моем направлении, вызвав в голове образ плешивой обувной щетки усердно натирающей чей-то башмак ваксой.

Никакой пищи, бургеров, шаурмы, роллов и нагетсов у них не было, зато отыскался неожиданно вкусный и вполне свежий яблочный пирог, знаете, такой – с сеточкой из теста поверх начинки. Я добавил к пирогу чуток взбитых сливок (от которых меня не затошнило, к моему удивлению, – хорошие сливки не часто теперь попадают), погрузил вилку в свое лакомство и принялся жадно поглощать кусок за куском, подливая в рот смазку в виде ароматного эспрессо – горячего и крепкого. (Я был фанатиком кофе, без этого писателю – все же выпускающему редактору тоже приходится иногда писать – оставались в качестве энергетической подпитки лишь табак да алкоголь.)

Я пристроился поближе к выходу – возле окна, из которого просматривался мой автомобиль. С этого места было видно весь зал, но я туда почти не смотрел, иногда сосредотачивался на телеэкране, который висел за стойкой у самого потолка. Паренек-кассир вперился в него взглядом и с видом знатока растворился в ночной передаче, рассказывающей о том, как следует с толком ловить серебристую рыбу (похожую на плотву переростка), вытягивая последнюю из мутных вод захудалой с виду речушки, обложенной наглухо штакетником из прошлогоднего тростника. Мне плохо было слышно голос за кадром, однако присмотревшись внимательно, я определил название рыбы: *Squalius cephalus* – или, говоря по простому, обыкновенный голавль. Наш журнал временами – когда интерес читателей к физическим экспериментам притуплялся или сама эта область испытывала период затишья – открывал рубрику, посвященную биологии разнообразных форм жизни, безотносительно к тому, ныне живущие ли это классы, или же давно вымершие ископаемые; был даже раздел посвященный несуществующим официально биологическим созданиям, к коим относились всевозможные йетти, плезиозавры типа лохнесского чуда и менее известные – зифиус и бондегезу. Криптозоология, так называлась, якобы, наука, описывающая и классифицирующая этих неуловимых персонажей соответствующих эпопей и монографий. Про себя скажу, что я бы с радостью открыл этот раздел, ибо с самого детства почитал лишь такую науку, углубившись в которую, маленький мальчик мог взять парочку ниток, пружинку, добавить одну-две дощечки и, погрузив все это в таз с водой, воочию наблюдать эффект реактивной тяги; то, что нельзя было измерить, понюхать или прощупать – оно как бы и не существовало, и серьезно рассуждать о таких вещах было для меня мучением, но для моего шефа важнее всего было постоянно находиться в тренде, а это обстоятельство, в конечном счете, определяло журнальные рейтинги. Он даже всерьез рассматривал возможность давать материал про гоблинов, троллей и остальную нечисть, оправдывая это тем, что про них когда-то писал сам Саймак, бывший при этом научным фантастом, но я встал в позу: дескать, этим уже много лет занимается Нил Гейман, а наш журнал не резиновый, да и куда скатится, добытый тяжким трудом, престиж, коли мы начнем втискивать на страницы окровавленную чепуху. Слава Богу, он выспался и отказался от подобной затеи. Исключением в этом плане являлась для меня страничка, посвященная теоретическим обитателям неоткрытых планет, томящихся без нашего внимания, где-нибудь на задворках Андромеды. Да и то, штатный художник журнала выделял таких уродов (лучше всего ему удавались изображения молекул, графиков и физических установок), что я бы предпочел позвать иллюстратора сказок про троллей, вместо его голливудских зарисовок.

Ужиная, я вполне освоился в помещении. Здесь было очень уютно и простора хоть отбавляй – никто не спует мимо тебя, рассеивая микробов по тарелке. Мне особенно понравилась отделка стен под матовую древесину. Развешанные по периметру круглые плафоны, наполненные желтым светом, превосходно смотрелись на коричневых панелях. Несколько прелестных картин бросались в глаза своей необычностью: не скажу, в какой технике они были выполнены, но изображения под стеклом переливчато вспыхивали, если смотреть на них под разными углами.

Два дальнобойщика, один из которых обликом походил на меня, – высокий и худощавый (хотя я худощавее, Евгения – так, кстати, родительница назвала мою, пока еще жену, – в шутку

окрестила меня «фанерным листом в профиль»), про цвет глаз говорить не берусь, но, вполне возможно, что они также копируют мои собственные: голубовато-серые и чуточку строгие. (На самом деле про строгость – это Нина придумала, сравнивая мой взгляд с таковыми у собственных школьных учителей. В моем же случае, это скорее была некая требовательность присущая выпускающим редакторам – а чем же еще стимулировать людей к работе, если одной зарплатой вечно всем не хватает, сколько не дай.) Второй дальнобойщик – упитанный низкорослый крепыш – показывался на глаза лишь изредка, поскольку приятели расположились, вопреки мне, в самом дальнем углу кафе – в потайном закутке, где колокольчик над дверью не так сильно бил по нервам. Долговязый что-то показывал своему другу на экране мобилки, размер которой едва не догонял телевизор над стойкой, тот, выныривая из-за простенка, не переставая жевать, делал вид, что сосредотачивается на картинке, кивком выражал одобрение и снова пропадал за стеной. Помимо рыцарей дороги, за три столика от меня, словно деля помещение надвое – мир в котором обитал я и полутемную клеть с дальнобойщиками – расположилась молодая пара. Это были с виду студенты или старшекласники: среднерослый блондинистый паренек и чуть проигрывающая ему в росте черноволосая девица. Парень сидел ко мне лицом, его спутница располагалась спиной, но когда я со своим подносом шел к столику, девчонка обернулась, показав при этом, что не дурна собой. В правой ее брови серебрился кликер, нос тоже был поражен «серебряной болезнью», мельком взглянув на ее спутника, который чуть с вызовом ответил мне тем же, я обнаружил кликер и в его брови. Боже мой! Подумал я, падая на сиденье, не долг срок, когда и моей дочери захочется себя так приукрасить, надо бы как-то к этому подготовиться, потому что, судя по сегодняшнему дню, женщины в моей семье явно обожали делать сюрпризы.

Поглощая пирог, я несколько подзабыл, что фактически пребываю на грани развода, теперь же насытившись и немного отойдя от нанесенного мне удара, раздумывал над тем можно ли худо-бедно, а как-то выправить ситуацию? Выгнать из жены того беса, который надоумил ее вытолкнуть меня с лодки семейной жизни? Я поднял идеально белую чашку и сделал глоток, полный терпкой горечи, рожденной под жарким бразильским солнцем. В целом я не большой любитель спиртного, но в данной неоднозначной ситуации, выпил бы капельку для расслабления мозговых извилин, быть может, какой-нибудь план родиться.

– Эй, парень! – позвал я вполголоса. – Такое дело. У вас тут спиртное не продают?

– Какое спиртное?! – вылутился на меня кассир. – Это кафе у дороги, у нас пока еще запрещено глыкать за рулем. Тут, знаешь ли, много любителей покатаются в темноте на великах без катафотов. В том году, вон, сбили одного. Да и подростки колесят на питбайках посреди ночи, так что не обессудь, спиртного не держим... Но, если тебе с собой, могу притащить медовуху из личных запасов.

– Нет, спасибо. Я имел в виду какое-нибудь слабое пиво.

– Ну, тогда извини, погребок пуст, – с легким пренебрежением молвил усатик, отворачиваясь к экрану, на котором из озера с затхлой водой вытягивали покрытых налетом щук.

«Гребаный крокодил», – подумал я, уязвленный его фамильярностью. И тут же вспомнил про свою привычку покупать к новогодним праздникам маленькие бутылочки с дорогим коньяком и виски. Я выпивал из очередного бутылка максимум половину, заворачивал пробку и ставил на полку серванта. Потом наступал очередной новый год, и покупалась другая бутылочка... Со временем на полке образовался приличный запас дорогого алкоголя. Жена потребовала однажды, чтобы полка была очищена от этих наполовину опорожненных сосудиков, и, немного покоцечившись, я сгреб весь запас и транспортировал в наш загородный дом, куда я в данный момент, кстати, и держу курс. Доеду до дома, а там разгуляюсь, резонно заключил я, но подниматься на ноги не хотелось: пища во мне и теплая атмосфера зала опутали конечности паутиной лени. Всматриваясь в окно, по ту сторону которого, играли в догонялки красно-синие всполохи, я силясь придать образности хотя бы одному из бесчисленных сочетания этих цве-

тов, но мне не удавалось – они, то ложились крестами, то превращались в кривые замкнутые линии, то красное превалировало над синим, а мгновение спустя все было наоборот, и сквозь эти игривые порывистые движения, мягкой поступью – как бы незримо – утверждала себя темнота, заставляя поверить, что именно она – дирижер этого полуночного представления.

«Боже мой, Женя, меня не было всего две недели! Неужели это не шутка?! Скажи, что ты не серьезно!»

«Прости, что по телефону это показалось тебе какой-то игрой...»

«Злой, бессердечной, но все-таки...»

«Не шуткой».

«Не откидывай так волосы, не откидывай так волосы!!»

«Почему?»

«Потому что, когда ты так делала, ты была моей. А теперь ты говоришь, что тебе неудобно со мной! Двенадцать лет, дочь... у нас могли бы быть еще дети!»

«Которых не будет. Положи тарелку, не мужское это дело посуду бить, к тому же мне убирать, а я так устала».

«Боже, до чего она красная, до чего синяя!»

«Что – синяя, что – красная?»

«Злость на тебя, Женя, злость на тебя. Синяя, как эта тарелка, красная – как этот букет. Шикарные розы он тебе дарит, и завтракаете, наверное, в постели?» «Ты бредишь, Матвей: навоображал всякого! Эти цветы подарили твоей дочери, она вчера выиграла второе место на областной математической олимпиаде»

«Ну, конечно...» «Завтра сам у нее спроси, Ниночка ночует у подруги. Вон, на камине диплом»

«А что она думает по поводу твоих выходов?»

«Что же может думать одиннадцатилетняя девочка, которая любит маму и папу. Конечно, она не понимает, конечно, расстроена. Но Матвей, не она замужем за тобой, а я. Если я останусь с тобой вопреки своему желанию, если сделаю так ради ее счастья, тебя это совсем не утешит!»

– Среди синего мрака и красной воды, мы гуляем неприкаянно – заблудшие души...

Я резко обернулся, перед моим столиком стояла девица с проколотым лицом. Я мог сейчас обзреть ее всю с головы до ног: одежда – потрепанные черные джинсы трубами, такая же цветом джинсовая куртка, надетая поверх серо-зеленого свитера с претензией на кашемир (а на деле – дешевая смесь из полиэстера, акрила и эластана), на стопах – ношенные переносные – грязноватые кеды, просто отлично, что преобладающим цветом в них был так же черный, ибо девица, судя по всему, презирала уход за обувью.

– Это стихи. Сама сочинила, – улыбнулась она неуверенно и слабо.

– Да я понял, что не Гете, – произнес я, и тут же пожалел: не было причины ее обижать. Поэтому, спохватившись, добавил: – Хотя я еще не слышал конец...

Она улыбнулась шире и увереннее:

– А вот конец лучше не знать, – промолвила девушка и подмигнула, отчего крохотный лучик, отразившийся от кликера, уколол мои глаза.

В это же время позади нее показался один из дальнобойщиков – тот, что повыше, подходя к стойке, мужчина осведомился, где у них туалет. Кассир приподнялся и показал рукой:

– Да вон, в том углу, где вы сидите, коричневая дверь.

– Мы сидим возле туалета?

– Не я выбирал...

– Тогда мы пересядем.

– Как угодно.

Когда он отчалил, я снова воззрился на девушку, которая явно что-то хотела от меня, но пока я не знал – что.

– Какие-то проблемы? – подтолкнул я ее.

– Вообще-то есть немного. Мы тут с дружкой поистратились, а подработки приличной не было в последнее время – все мелочь какая-то... Не подкиньте копеечку на бензин?

– А хватит ли копеечки? Бензин нынче дороговат!

Она потупила голову, черные прямые локоны скользнули на щеки, спрятав на половину лицо.

– Пожалуйста, всего две-три сотни. У вас добрый вид, а эти не дают, корчат из себя правильных, у самих кошельки лопаются от денег, я сама видела! – Коротким кивком она указала на друзей дальнотойщиков, пересевших подальше от коричневой двери.

Я строго поглядел на нее и произнес:

– Знаешь, не дело это на чужие деньги посматривать.

В этот момент кассир-рыболов очнулся и подал голос:

– В моем кафе не побираться. Место нашли. И рядом чтобы тоже ничего такого!

Девушка резко обернулась и выпалила:

– Твое кафе? С каких это пор? Твой отец занимается ульями и уток разводит, когда это он успел накопить на кафе. Или это ты ему подсобил, карманными деньгами?

Парень побагровел и вытянулся во весь рост:

– Какого хрена ты моего отца приплетаешь? Он, как и я, работаем, а ты с приятелем деньги клянчишь, ступайте лучше на хрен отсюда, а то гляди, сама знаешь – тут неподалеку дежурит патруль, как бы у них просить не пришлось.

– Эй, ну хватит собачиться. – Я поднял руки, точно рефери на ринге. – Вот держи. – Залез в задний карман, вытащил бумажник и дал ей пятьсот.

Девушка просияла:

– Спасибо огромное! Вы нас просто спасли! – На последнем слове ее голосок стал тоненьким, почти детским, это навело меня на мысли о дочери и стало немного грустно.

Я махнул рукой, девушка возвратилась за столик к приятелю.

– Слышала, чего сказал? Отчаливайте! – не унимался «усатик» и мне захотелось надеть ему на голову его же телевизионную панель. Спустя несколько секунд, парень и его спутница прошествовали к выходу, обходя меня, расхлябанная девица шепнула: «Спасибо!», а ее друг, поклонник светлых вещей, наряженный в джинсы и старую куртку с меховой оторочкой, задержался на миг, чтобы дать мне напутствие:

– Езжай осторожно. В этих местах много аварий.

И прежде, чем я успел удивиться, они уже отворяли входную дверь.

– Эй! Пойдите, – позвал я.

Парень обошел подругу, выйдя в ночь, а она промедлила, вопросительно глядя в мое лицо.

– Вы упомянули, что у меня добрый вид, – начал я, – а вообще-то, говорят, что строгий...

– О! Они хитрят, поддерживают ваш имидж, а на самом деле все знают какой вы, какой вы внутри, – улыбнулась она, и напоследок добавила с грустью: – Жаль, что так вышло... очень, очень жаль!

Колокольчик звякнул, и странная парочка растаяла в темноте. Я брыкнулся на сиденье, задумался: «*В этих местах много аварий*». Обращаясь к стойке, я спросил: – Это, что сектанты какие-то?

– Намного хуже: два безработных прохиндея, обирающие дурачков на дорогах, – донеслось мне в ответ.

Странно все это, ой странно. Что она там сказала? Ей жаль? Чего жаль?

Или кого?

Я допивал холодное кофе под урчание отъезжающего Рено и голос телеведущего, рассказывающего страдающим бессонницей, секрет ловли форели на самодельную муху из нитки и

конфетных фантиков. Пора было и мне отправляться в дорогу, если не собираюсь встретить здесь рассвет.

Когда я двинулся к двери, чтобы в свою очередь позвенеть колокольчиком, парень кассир бросил мне вдогонку упрек: – Зря ты монету им дал, развели тебя. Они таких за ночь с десятка отыщут. Я, вон, с двенадцати лет работаю, а эти мудаки за пару вечеров раза в два больше делают, чем я за месяц.

– С двенадцати лет работаешь? – Я взялся за ручку. – И сколько тебе сейчас?

– Девятнадцать. А что?

– Всего лишь? А рассуждаешь так, будто до пенсии – один год.

Я вышел на воздух, стало холоднее, чем раньше, а к утру и вообще могло похолодать до нуля. Как там Нинины крокусы под окном, надо будет проверить перед сном и, если возникнет необходимость, накрыть какой-нибудь тряпкой из старой одежды.

Проехав с полкилометра по шоссе, я обнаружил тот самый патруль про который упоминал «усатик». Полицейская машина притаилась на обочине укромной дороги, ведущей к деревне расположенной в двух километрах к западу – мой навигатор продемонстрировал лаконичную схемку из трех квадратиков с номерами, обозначающих ближайшие окраины поселения. Почти идеальный голубой овал – некий прудик или озерцо – предварял появление садов, отгораживающих изображения первых построек.

Когда я уловил свет включенной мигалки, фланирующий по плотно сбитому забору из тополей, выстроившихся вдоль шоссе, предусмотрительно убавил скорость (не смотря на то, что она и так была вполне допустимой) и, проезжая мимо, бросил взгляд в закуток. Красный свет вспыхивал в полной тишине; по ту сторону мигалки, тоннель из высокого кустарника и редких деревьев уходил в «точку», подчиняясь законам перспективы. На вытянутом треугольнике неба, в ту же точку убегали звезды. Я благополучно миновал полицейских, подозревая, что они меня даже не видели, поскольку Камри ехала тихо, а слух «ночных стражей», по всей вероятности, был настроен на частоту ревуших моторов питбайков, при помощи которых подростки разрушали покой деревенского захолустья, носясь под звездами от одного населенного уголка к другому, невзирая на погоду или сезон.

Спустя еще несколько минут плотный трафик на встречной полосе разрушил романтику ночи, окатив меня ярким светом фар. Потом – снова потемки и лишь белесая разметка дороги, проносящаяся под колесом. Опять яркий свет – длинная череда фонарей, скрывающая кулисы вдоль полотна, в которых прятались за темнотой крикивые ночные птицы, не знающие покоя юркие мышки, и, может быть, еще парочка-другая дремлющих полицейских машин.

«Ну, вот и дома», – произнес я себе под нос, сворачивая с автостреды на второстепенный путь в направлении городка Одоев – самого крупного поселения в этой округе. Теперь мне предстоял выбор: продолжить путь по М-2, в направлении, где южнее она сливается с автостредой Е-105 (не безызвестной Е-95) и далее пролегает через город под названием Плавск. Через три-четыре километра, я бы совершил маневр и, немного попетляв, оказался бы в поселке Рудничок, к которому административно относился наш сельский дом; с другой стороны, прямо сейчас я могу съехать на ухабистую, в ямах, дорогу – оставшуюся еще с тех времен, когда последний шахтер, отряхнув угольную пыль со своей каски, отправился в будку подавать на расчет – и чуточку растянуть удовольствие от ночной езды: я бы миновал тогда несколько полуразрушенных дачных построек, и, двигаясь дальше, попал бы на кладбище, в окрестностях которого покоились и мои родственники – бабушка с дедушкой и мама. Правда, ехать через место упокоения в данную минуту для меня представлялось несколько тягостным, поэтому вторую возможность я все же отбросил.

Вместо этого предпочел третий вариант: обогнуть лес дважды, благо длиною он был всего шесть километров. Сперва я двигался в направлении Одоева, достигнув правой стороны леса, спустился на полевую дорогу и выкатил к мосту через реку под названием «Смородина» – имя

было дано не случайно: когда-то давно, некий зверек, птичка, а, может, и человек, наевшись ягод белой смородины (которая, между прочим, – разновидность красной, а не какой-то отдельный вид), справил нужду на берегу этой вялотекущей речушки, чем положил начало довольно обширному по протяженности смородиновому саду, с которого впоследствии снимали щедрую дань все предполагаемые устроители речных насаждений. Впрочем, буйным он был во времена моей молодости, но болезни вкупе с расточительным сбором ягод превратили пышные кусты в неряшливую мешанину ветвей, опутанных береговым сорняком, самым зловещим из которых являлся дикий виноград.

Включив пониженную передачу, я правил левой рукой, другой – шарил по кнопкам магнитолы, стараясь использовать именно такое управление, так как при сенсорном нажатии палец все время попадал не туда, куда следовало. Нашел отличную радиостанцию – на ее волнах (сразу после двенадцати) транслировали отличную передачу: диджей выбирал музыкальный жанр и ненавязчиво, но по делу, рассказывал обо всем, что имело к этому отношение – историю, развитие, перспективы; знакомил с видными представителями данного направления, добавляя повествование, тщательно и со вкусом подобранными композициями. Это была легкая спокойная музыка – как раз то, что годилось для успокоения разгулявшихся нервов. Мне повезло: сегодня в репертуаре присутствовал саксофон, уютные модуляции потекли по салону Камри, казалось, что машина двигаясь через колдобины, покачивается в такт музыке. Я чуть убавил громкость, наблюдая за тем, как на экранчике навигатора медленно появляется голубая полоска реки, с двумя узенькими ответвлениями на правом конце, пальцы ритмично постукивали по рулю.

Когда я въехал на мост, снизил скорость почти до минимума, – чтобы понаблюдать, как разгребая воду грудью, по самому центру реки скользила ондатра. Стояла тишь, но очень скоро орды лягушек заполонят камыши, и кваканье станет круглосуточным шоу на берегах «Смородины», не исключая пару ее притоков. Когда я обогнул правый край леса, очутившись у границ, где степь незаметно перетекала в луг, а луг отдавал часть себя фермерским пашням, на меня из далекого далека брызнул на миг свет бесчисленных огоньков – городок Одоев обозначил свои владения – и тут же возвышение поля скрыло за пологим горбом горизонт. Начиная от сих пор, я приближался к конечной точке: дому, в котором родился и рос до двадцати лет. В загородный, этот дом превратился гораздо позже: как только не стало мамы. У нее было больное сердце, и отсутствие должного лечения, – от которого она неизменно отказывалась, считая, что все всегда будет проходить само – порядком укоротило отпущенные ей года.

Евгения обожала мою маму, ее было за что обожать: спокойная и честная женщина, трепетно относившаяся к чужим бедам и никому не причинившая вреда за всю свою жизнь. Правда, болезненно пугливая. (Особенно боялась автомобилей, грозу и, как ни странно, СПИДа, хотя отец покинул наш дом уже очень давно, а других ухажеров у нее никогда не было.) Моя жена, будучи ветеринарной медсестрой, без усталости уговаривала сперва мать (а видя, что это не срабатывает – и меня), заняться, наконец, здоровьем, но это привело лишь к тому, что мама перестала жаловаться на болячки, и даже напротив, задалась целью тщательно скрывать реальное положение дел.

В приоткрытое окошко машины проникла мошка и устремила ко мне, я отмахнулся и тогда, насекомое решило порхать на фоне колеблющихся красных стрелок приборов. Назойливое гудение подсказало мне, что мой непрошенный гость – комар. Я не мог оставить это без внимания: у меня была жуткая аллергия на этих созданий, место куда проникал их вездесущий хоботок, тут же распухало так, что люди думали будто у меня флюс и предлагали хорошего зубного врача. Эти создания не так безобидны, как кажется: *Aedes aegypti*, к примеру, передает желтую лихорадку, в то время как самка *Anopheles albimanus*, с удовольствием наградит вас малярией... Безобидными, я считал лишь тех представителей этой братии, которых находили обездвиженными в обломках бирманского янтаря. Наш консультант по биологии, делал

фотографии стая комаров – светлые искорки на фоне темного ландшафта – по этим кадрам, отчетливо было заметно, насколько синхронно поведение особей в стае. Что касается меня, то я (будь я главным редактором своего журнала) с удовольствием избавил бы страницы от подобной чепухи, однако мой шеф – приверженец равноправия.

Мошка пудрила мне мозги, порхая то к навигатору, то к шкалам приборной панели, пытаюсь убедить меня, что ее интересует исключительно освещение, но я знал их коварство, поэтому опустил стекло и принялся махать ладонью, выпроваживая вон маленькую тварь. Мошка не подчинялась, зато морозный воздух охаживал мое ухо, и в любой момент в салон мог проникнуть еще один кусачий гость. Разозлившись, я постарался махать интенсивнее и, войдя во вкус, мог бы переплюнуть вентилятор по количеству оборотов в минуту. Озаботившись комаром, я совершенно забыл о дороге, заметив его только в самый последний момент.

Я запомнил отчетливо лишь белый свет, в котором он застыл, словно образ в глазу после яркой вспышки. Испуганный его взгляд, отблескивал из темноты жидким серебром. Препятствием оказался некрупный подтянутый с виду, лесной олень, которые здесь, в небольшом количестве, иногда попадаются. Такой: со светлыми пятнышками на темно-коричневой шкуре. Еще секунда, и мы с оленем получили бы тяжкие повреждения: я бы лишился бампера и фары, он – своей жизни. Но оба мы были не лыком шиты, повели себя так, словно каждый день влипаем в подобные переделки: зверь сиганул вправо – на поле, я вывернул влево – в гущу кустарника, опоясывающего черту леса. Надавив тормоз, я рывком остановился, угодив в канаву, которая в свою очередь опоясывала кустарник, опоясывающий лес. Повернул голову и успел понаблюдать, как стройная оленья задница петляет по полю, улепetyвая в сторону железнодорожной насыпи, ограничивающей поле на дальнем плане. (По этому пути, когда-то возили руду от рудника до станции, расположенной в нескольких километрах южнее.) По самому верху вытянутого бугра, точно цирковые канатоходцы, приплясывали огоньки города Одоева. На другой стороне рельсового пути находилась опустевшая деревня Талка, и еще дальше – ее одичавшие яблочные сады.

Я чувствовал прилив страха: словно тело наполнили газом, и оно стало легче воздуха. Сердце стучало неистово и гулко. Я выпутался из ремней и вывалился из машины, которая накренилась на левый бок, ибо на четверть погрузилась в канаву; чувство того, что выбраться будет проблематично, заставило меня вспомнить весь набор не деликатных выражений, которые я за свою жизнь успел выучить. Чтобы опомниться, плюхнулся на бортик канавы, плясая на колесо.

«Проклятый олень, – горячился я, – что бы я делал, если бы сбил тебя, ну и денек!»

Что-то было не так: стук сердца отдавался в ушах, пальцы дрожали. Мне почудилось, что возник легкий укол в левой части груди – словно хирург тыкнул скальпелем не в то место. Через мгновение кольнуло опять, но уже сильнее. И тут появилась боль, похожая на зубную: тягучая, надсадная. Только шла она не от больного зуба – это было сердце. Что-то случилось с ним в этот момент, что-то нехорошее. Страх всецело обуял меня, следом за этим по телу распространился неимоверный жар, от которого даже кожу хотелось сбросить, не то что одежду. Коснувшись лба, я осознал, что на нем выступила испарина.

Боже, что же происходит со мной. Я ни чем таким не страдал, не курил даже... Это что передалось мне от матери? Вон, значит, как оно начинается: новость о разводе, пара чашечек крепкого кофе, а потом ты корчишься в придорожной канаве, в такой глухомани, что тебя не отыщут и с вертолетом.

И внезапно, на самом пике панического состояния, боль ушла. Стук стихал, прохладный ветерок остудил лицо. Все еще не шевелясь, я сунул руку подмышку и держал ее там – словно ограждая сердце от вмешательства невидимой силы. Скованный страхом, я пребывал в ожидании, но боль не возвращалась. Наконец, насидевшись вдоволь и обретя присутствие духа, я встал и прошелся туда-сюда. Все было так, как обычно. Может эти ощущения – не настоящая

боль, а какие-нибудь странноватые и пугающие до чертиков, последствия шока? Проявления невралгии на кончиках нервов? Подвигавшись как следует и ничего этим не вызвав, я уверовал, что испытал не сердечные, а нервные боли, те самые от которых ничего сильнее валерьянки не прописывают. Глубоко вздохнул пару раз, сделал легонькую – больше для проверки – зарядку: повертел головой, помахал руками (точно я птица и собираюсь вот-вот взлететь). Чуть ли не умирая минуту назад, я, к удивлению, ощутил после движений такую бодрость, что готов был выкорчевать сосну руками, и бросить ее вдогонку, сбежавшему в Талку, оленю – в качестве заслуженного наказания.

«Надеюсь, тебя сожрут местные призраки, если они тоже не покинули те места, переселившись вместе с живыми селянами», – подумал я совершенно беззлобно. Часы на моем запястье пропикали час ночи. Секунды через три музыкальная передача прервалась, чтобы сообщить полуночникам, лазающим по канавам, последние новости. Надо было как-то выбираться из ямы. Не долго думая, я сел за руль и попробовал задний ход: колеса неистово вращались, выбрасывая ошметки грязи, но траншея убедительно доказала, что является цепкой ловушкой. Я выскочил наружу, прихватив телефон, включил на нем режим фонаря и осветил вперед – вдоль углубления. На дне валялись сучья, несколько жестянок от консервов, а дальше – некая куча, похожая на муравейник. Отодвигая ветки и банки носком ботинка, я прошелся до муравейника, который вблизи оказался всего лишь выброшенной кем-то грудой компоста. Надавив на нее башмаком, убедился, что этот тюк травы – тело довольно плотное, в моей голове тут же созрел план.

Очень медленно я покатил вдоль траншеи, таким образом, что два ее колеса с левой стороны ползли по дну моей ловушки, а два с правой перемещались по верхнему краю. Не доезжая до компоста, я резко прибавил газу и вывернул руль вправо. Меня подбросило вверх, днище машины столкнулось с землей, и я посочувствовал его боли, однако все вышло как надо. Вертя очертенело, колесо, я лишь чутка хватил грязи с фермерского поля, однако в итоге снова очутился на ровном месте. Не глуша мотор, выбрался из кабины с фонариком, чтобы, хоть ради приличия, глянуть под днище Камри и тут-то она моему взгляду и попала – дыра размером с небольшой надувной бассейн, висевшая вертикально в глубине леса.

– Вот черт! – произнес я, быстро моргая веками, чтобы видение исчезло. Но действуя подобным манером, я, очевидно, лишь очистил зрение, ибо образ стал выглядеть живее и ярче.

«А теперь, если вам наскучила обычная музыка, мы угостим вас чем-то новеньким, я бы даже сказал сверхъестественным...», – донеслось до меня из динамиков в салоне автомобиля.

– Определенно! – вторил я диджею, поднимаясь с колен и медленно двигаясь вправо, чтобы получше разглядеть, что же там происходило – в дыре. Вообразите кинопроектор, набрасывающий образы на белую ткань, в затемненной комнате. Только ткань эта висит не на стене, а болтается прямо в воздухе над полом, да еще и окутана с краев каким-то синеватым неровным свечением. Языки этого синего дыма, то и дело напоздали на дыру с окраин, стремясь затянуть ее, словно рану в полотне мироздания. Но усилия их были тщетны: что-то мешало им спрятать образ и они безропотно угасали, предпринимая за тем новую безуспешную попытку.

– Какой интересный феномен, – бормотал я себе под нос, пересекая дорогу, чтобы войти в лес и детальнее рассмотреть явление. Как только я вступил в заросли, языки света по краям провала начали перехлестываться и завихряться, стремясь теперь не закрыть изображение, а словно бы разодрать пространство еще больше, но и это они не могли: дыра совершенно не прибавляла в размерах. Я медленно брел к ней, раздвигая молодые деревья и поросль, которая довольно чувствительно хлестала по рукам. Мой сбитый с толку рассудок, пока я двигался, свыкся с «чудом», начав воспринимать изображение в дыре, которое я упорно силился рассмотреть. Хотя сплетенные веточки и стволы, то и дело заслоняли обзор, все же я разглядел человека в коричневой кожаной куртке (материал ее отбрасывал световые рефлексy, улавливая лучи невидимого на изображении солнца или лампы дневного света), стоявшего спиной

ко мне; человек явно работал над чем-то, потому что поза его была напряженной, одна рука скрывалась за телом, в другой он держал какое-то устройство, напоминавшее дрель с гибким изогнутым проводом, убегающим вниз, – под плоскость на которую проецировалось видение.

Чем ближе я подбирался, тем мутнее становилось изображение – словно взгляд через выпуклую линзу: если отвести подальше, все начисто расплывается. В тот момент, когда я находился от дыры на расстоянии хорошего прыжка, – человек и все, что его окружало, слились в неразборчивый калейдоскоп пятен; оглядевшись по сторонам, обнаружил, что с этого ракурса языки синего дыма, кажутся обступившими меня самого с обеих сторон. Сделав небольшой шаг вперед, я поднял руку и ради эксперимента тыкнул пальцем в эту муть – подобно водной глади, изображение заколебалось, по стволам ближних деревьев пробежали световые зайчики. Я сделал еще тычок, и на сей раз это подействовало даже на туман: языки стали вытягиваться в «картину», а та начала отодвигаться от меня (будто ей не нравилось, когда ее трогают). Одновременно с этим, вся дыра стала уменьшаться, да под конец так стремительно, что когда она исчезла совсем, я ощутил порыв ветра, взметнувший с земли прошлогодние листья и хвою; в довершение раздался негромкий хлопок – дыра должна была занимать какой-никакой объем в пространстве, и, когда испарилась, воздух ринулся в пустоту (наподобие того, что происходило с погодой – когда теплый воздух, уходящий из центра циклона, замещается на холодный, приходящий с окраин)

Когда передо мной очутился просто темный лес, я немного оторопел. Не сдвинувшись с места, порыскал глазами, помотал головой – ничего необычного не заметил. Потом резко обернулся, предчувствуя дурное, однако мой автомобиль, как и прежде, стоял на дороге, включенные фары сажали аккумулятор.

– Хм! – издал мой нос. Я сделал последнюю попытку обнаружить дыру: стоя, где стоял – на левой ноге – вытянул правую и пошерудил в листве, под тем местом, над которым она висела, кто-то пошерудил оттуда в ответ, но я подозревал, что это всего лишь мыши. Тогда я распростер руки и попытался определить, какого она была диаметра. Размах моих рук, пусть около двух метров. Дыра превосходила этот размер, но не на много: возможно, на метр с небольшим. В лесу стояла сырость и я озяб. Делать нечего, повернулся и побрел к машине. Перед тем как отъехать, еще разок посмотрел в чашу – там держалась непроглядная тьма.

Поскольку милая моему сердцу передача закончилась, а из динамиков вываливалась какая-то лабуда, я выключил радио и далее ехал в полной тишине на десяти километрах в час, дабы сохранить остатки днища моей колымаги и не нарваться на еще одного оленя, мечтающего сделать меня виновником звериного ДТП.

Честно говоря, оленю и бобры сейчас занимали в моей голове не больше места, чем инфузория туфелька в ноздре бегемота, даже мой предполагаемый развод отступил на задний план, в сравнении с тем, что я увидел в лесу. Чем же это могло быть, терзался я в поисках объяснения природы видения. Поразмыслив чуток, нашел сразу несколько подходящих причин.

Ну, во-первых, это могла быть рефракция света в атмосфере (так называют преломление лучей в воздухе, капельках тумана, короче в любой среде, через которую может проходить свет). Именно из-за этого явления мы можем видеть иногда, плывущие по небу корабли, или даже – целые города. По той же причине, луна и солнце восходят и заходят не по тому времени, что предписывает теория – преломляясь в атмосфере, лучи раньше положенного формируют образ восхода на горизонте, а когда светила уже опустились за «край земли», рефракция еще демонстрирует нам их заходящий вид. Правда, моя версия не учитывала, что сейчас вроде не день, в то время как эффекты преломления света происходили при достаточном освещении, однако случались и ночные феномены подобного рода. Да и вообще, теория рефракции в атмосфере, не была сама по себе безупречна.

Во-вторых, это могла быть правдоподобная галлюцинация. Да, да, – совершенно обыкновенная, ибо, как известно, раз или два в жизни такие казусы могут возникать и у здорового

человека, как результат стресса. (Например, когда я учился, мой однокурсник поделился рассказом о том, как однажды, находясь сутки без сна, – результат загула – он, выполняя вечером реферат, который необходимо было сдавать утром, задремал на мгновение, а когда пробудился, увидел как из под стола льется сияние и на его колени сыплются опилки, хотя стол был полностью пластиковым.)

Ну и в последних, это мог действительно оказаться некий реально существующий необъясненный пока наукой случай из породы тех, о которых иногда сообщал наш журнал – за что следует благодарить шефа, с его неумной либеральностью – необычные феномены, типа «Фата морганы», только никакой рефракцией их истолковать было невозможно, ввиду чрезвычайной живости, реалистичности этих призрачных образов, а главное – все видимое подкреплялось точнейшим до мелочей звуковым сопровождением, полностью подыгрывающему видению. Например, если образ представлял собой детей, бегающих по лугу с воздушным змеем, то наблюдателю «чуда» слышались именно детские голоса и смех, а не голос из телешоу, рассказывающий как правильно приготовить суши. Если по дороге маршировал «призрачный» оркестр, то слышались именно те инструменты, которые и присутствовали на картине: например, если там были трубы и фаготы, то озвучивали образ именно эти инструменты, а вовсе не репер какой-нибудь, с наколками до ногтей.

Ну, вот, скажем, припоминаю один такой эпизод. Он известен аж с 1642 года – битва при Эджхиле. Посреди ночи, пастухи наблюдали противоборство двух армий, – сражение, выплывшее прямо из воздуха. Произойди подобное в наше время, можно было бы признать происходящее делом рук Девида Коперфильда, однако в те времена еще не были известны персоны телепортирующие Камазы, стадионы с людьми, и исторические сооружения, просто накрыв их гигантской нестиранной тряпкой. Короче, пастухи созерцали побоище, витавшее высоко над землей. Этот образ сопровождался совершенно точными звуковыми эффектами, которые сопутствовали любой тогдашней битве: ржание лошадей, крики, выстрелы из мушкетов и пушек.

Или молодой солдат – Сесил Эдвард Денни, повстречавший во время бури таинственную индейскую деревню, которая вскоре после этого растворилась у него на глазах. А те женщины – что прогуливаясь по лесу, увидели на поляне «фрагменты будущего»... случаев подобных этим было не так уж и мало. Поскольку физические объяснения не выдерживали критики, скептики обращались к психологическим, – банальная, мол, галлюцинация. На что, правда, верящие в чудеса, возражали: одна и та же галлюцинация не может буйствовать в головах двух или более наблюдателей, между тем подобные иллюзии частенько мерещились целой орде.

Я аккуратно вписался в последний поворот и устремил взгляд туда, где на пологом холме, словно старый маяк посеред морской пучины, отсвечивая побелкой вырисовывался мой дом.

Немало воды утекло с тех пор, когда этот холм тащил на себе целую небольшую деревню. То было время расцвета шахт и рудников. Переселенцы из разных краев, в поисках лучшего заработка двигались по стране и оседали в таких вот местах, где погода была не слишком суровой, не было особых проблем с водой и землей, на которой можно было прокормиться и людям, и зверям того рода, коих содержат из-за мяса, молока и яиц. Устроители подобных прибежищ, весьма щедро спонсировали хозяйственную деятельность, почти за дарма обеспечивая новоявленных поселенцев зерном, углем и строительными материалами, помимо прочего, закрывая глаза на предприимчивую самостоятельность некоторых растениеводов и мелкое воровство. В ту пору, шахтерский заработок был самым стабильным и разжигающим аппетит. Казалось, что уголь – это навсегда.

Но уже порядком лет, по округе не тащиться паровоз с углем и рудой. На месте шахт и штолен, выросли терриконы, расцветенные красными и желтыми охрами, которыми можно рисовать чудесные картины, но нельзя растопить печь. Шахты опустели – будто из засохшего дерева перестал течь живительный сок. Исчезла зарплата, истощились поля, которые требо-

вали теперь внушительных доз синтетического азота, и деревянная ложка, отныне не обрас- тала побегами, если ее вставить в землю и щедро полить. Люди покинули эти врезающиеся в чащу холмы, вместе с полезными ископаемыми: кто-то отправился искать другие шахты, кто-то вернулся на родину – в отстоящую, может быть, на многие тысячи километров, труднодо- ступную уральскую глушь. Часть населения, спустившись с холмов, образовала поселок, кото- рый назвали Рудничок.

Вообще-то, первые жилые дома и улицы Рудничка стали образовывать еще в бытность, когда жизнь на холме процветала. Но некоторым холмянам очень уж нравилась перспектива превратиться в настоящих горожан, пусть и не ахти какого великого города, а не прятаться в лесу, подобно каким-нибудь африканским пигмеям, снующим промеж курятников и куч бла- гоухающего навоза. С навозом, по словам бабушки, в те лета была прямо беда: каждая семья – все как один что-нибудь содержащие: свинок, гусей или чернобоких коров – норовила выста- вить свою кучу подальше от дома, что означало привалить ее к изгороди, рядом с дорогой общего пользования. Иные заходили еще дальше, размещая кучу и вовсе за пределами своего участка, что не нравилось никому, однако многие поступали подобным образом, оправдываясь тем, что кучу вывалили на вывоз, хотя последний мог затянуться на несколько зим.

Да и название поселка, было не совсем соответствующим действительности, ибо добы- вать фосфорит и пирит для агрономических целей, здесь закончили задолго до того, как при- была основная масса людей. Рудник перестал иметь экономическую выгоду в сравнении с мест- ным углем и вместо рудных, начали образовываться шахтные выработки.

Одна из заброшенных шахт, как раз сейчас медленно проплывала по горизонту вдоль правого борта Камри. Ее вознесшийся в окружении полей, обросший березами громадный тер- рикон носил гордое название: «Шахта номер тридцать». Все терриконы наших выработанных шахт имели названия с номерами, но никто не мог вспомнить, откуда этот номер появился.

Основное переселение происходило в шестидесятых. Часть жителей – включая моих бабушку с дедом – не захотела уходить с холма. Они не жаждали стать горожанами, кур и ого- рода им вполне хватало, для того, чтобы чувствовать себя счастливыми. Почему? Наверное, дело заключалось в их прошлом – в детских годах, прожитых в предвоенной деревне. В то нелегкое полуголодное время, даже мой дед – учитель немецкого уже в очень молодом возрасте – возлюбил всем сердцем не артикли с глаголами, а картофельные поля, причем настолько, что когда держал в руке выкопанную из земли молодую картофелину, застывал у лопаты и смот- рел на нее, улыбаясь чему-то, недоступному моему разумению. Помимо копки клубней, дед выучился на горного инженера, но всю жизнь проработал десятником на шахте под номером тридцать, большим начальником так и не став.

К концу две тысячи десятого года, шахтерская вотчина совсем обезлюдела, если не счи- тать нашего дома и еще одного, – соседствующего, более утопленного в тенистую опушку леса. В том другом, проживала старушка – ровесница моей бабушки, пережившая последнюю на несколько лет. Я поддерживал с ней отношения до самого конца, даже после того, как та стала забывать собственное имя, путать меня со своим сыном (который жил очень-очень далеко и много лет уже не навещался в наши края) и подолгу не показываться на улице, прячась от солнца за расписными шторами, выглядевшими немного по-детски с этими аляповатыми паровозиках на желтом фоне – шторах купленных с полувека тому назад. После смерти бабушки (дед отошел еще раньше), мама прожила пять лет, за год до ее смерти забывчивая соседка покинула холмы на крыльях ангела. Порывшись в ее бумагах, я обнаружил телефон, озаглав- ленный «Олег» – так звали ее блудного отпрыска. Он все же прилетел с Владивостока, походил среди десятка плешивых кур, потискал старинные фотографии в дешевых рамочках, опусто- шил со мной (и Женей) бутылку какой-то дальневосточной водки – ввиду поминок – а затем предложил выкупить все материно хозяйство за пару сотен тысяч, ибо жить он здесь не соби- рался, а покупателя на эти полуразваленные хоромы в лесу, попробуй еще отыщи; да если и

найдешь, то больше, чем он у нас просит, не выручишь. Пара сотен тысяч у нас имелась, и мы с женой решили, что лучше уж остаться совсем без соседей, чем заполучить в таковые какого-нибудь заводчика доберманов или любителя пострелять по бутылкам в своем дворе. Таким образом, наша семья оказалась единоличными хозяевами холма. В какой-то момент обладатели частных земель кинулись возводить двухэтажные особняки, и мой старый сельский домишко как-то утратил былой шарм на общем фоне новомодных построек. Даже в крохотном Рудничке появились обладатели двухэтажных коттеджей. Я принял решение расширить пространство жилища и добавить к дому еще один этаж. На мою радость фундамент и основание оказались достаточно крепкими, для того чтобы выдержать данную операцию. Прошло полтора года, старая одноэтажная постройка превратилась в претенциозный ухоженный особняк с газоном, розовыми кустами, гравийной дорожкой и гаражом. Старый забор из доски, заменил на стальной профиль, добавил несколько удобных скамеек, отливающих белизной, когда солнечный свет гостил на нашем холме, совершил одну глупость, позволив жене уговорить меня на посадку каких-то заморских кленов, которые, как считают, краснее наших и более декоративны. Прожив все детство в сельской местности, я доказывал, что кленов здесь и так – половина леса, и как помнилось, деревья эти вечно досаждали моим старикам, мечтая поселиться на участке, дабы распространить свою власть повсюду не исключая овощные грядки. Теперь же несколько жалких карликов, имевших при посадке стволики толщиной с карандаш, изрядно вымахали и, дав потомство, грозили заполнить пристенок с одной стороны дома, а их красный по осени цвет, приелся и бил по глазам своей безупречностью. Мне пришлось обнести забором и купленный соседский дом вместе с курятником, иначе люди из Рудничка растащили бы его на кирпичи, как они уже поступили почти со всеми бесхозяйственными постройками. (Если только переселившиеся хозяева или их наследники, сами впоследствии не сделали этого, оприходовав хибары, с целью выложить из них гараж, погреб или даже дом, где-нибудь на новом месте.) Я не придумал еще, что мне делать с приобретенным хозяйством, лишь очистил помещения дома от старья и запер, прилепив навесной замок.

Когда я подъехал к подножию, откуда ни возьмись, появился ветер. Судя по раскачивающимся стволам елей, он пришел с запада. Я надавил педаль, моя Камри поднатужилась и поползла по пологому склону. Там – наверху, была ровная площадка из гравия, прямо перед забором. На этом пятачке я и причалил, решив не загонять на ночь машину в гараж – все равно завтра мне предстояли поездки, а ночь уже подбиралась к своей середине. Когда я заглушил двигатель, шкалы из белого света и красные электронные стрелки потухли, спрятавшись в гнездо из стекла и пластика. Я выбрался наружу, нашел брелковый ключ и запечатал дверь. Новый порыв ветра вытряс из меня часть тепла, я рефлекторно запахнул куртку, хотя застегиваться не стал. Подхватил с земли сумку, отворил дверь и вступил в свои владения – «Ну, здравствуй, дом. Скучал?»

Снова ветер, в лесу зашкрипели деревья, перестукиваясь ветвями. Шепот, пришедший с вершин их, пока еще лысых, крон, я расценил, как приветствие. Пройдя к гаражу, отпер и поднял дверь, светя под ноги экраном смартфона, нашел щиток и запустил электричество. Пощелкал тумблерами – посреди газона и по краям забрезжил свет от нескольких фонарных столбов с плафонами, имитирующими старинные газовые фонари. Пятна света оживили скамьи и газон, по которому, точно струи воды, бежали гонимые ветром прошлогодние листья. Пока я шел по гравийной дорожке к веранде, по бокам которой светились неяркие светильники, настойчивый ветер подталкивал меня в спину; качели, расположенные с левой стороны фасада, раскачивались, лязгая цепочками, и это плохо влияло на мои нервы.

Взойдя на веранду, я уловил еще какой-то тревожащий звук: размеренное повторяющееся постукивание, словно позади дома кто-то ленивый работал молотком – удар, тихий стук, полное затишье... удар, стук, затишье. Постукивания усиливались при порывах ветра, и я сделал вывод, что они были природного происхождения. Только я вознамерился сойти на газон

и разузнать, как телефон, который я все еще держал в руке, неожиданно выдал трель. Я едва удержал его в пальцах, будучи поглощенным мыслями о происходящем у задней стены. С тревогой, повернул к лицу экран и увидел фото девочки-подростка под которым значилось имя: «НИНА».

– Да, слушаю? – с удивлением сказал я.

– Слава Богу, пап! Куда ты пропал, звоню час уже! – Сбивчивый голосок моей дочери надорвал микрофон. Я даже отстранил трубку от уха.

– Никуда не пропал. – Я глянул на строку телефона: звонков не было. – Возможно, когда я ехал вдоль леса, то потерял связь. Так что – не моя вина.

– Я думала ты злой на нас и не отвечаешь! А я так переживала! Я тут ни при чем, пап! Мама сама так придумала, я ее отговаривала!

– Значит ты на моей стороне? – сказал я с легкой улыбкой.

– А то. Я даже ругала маму... не сильно. Это шок, прям, какой-то: мои родители расходятся, точно как у Кати. Она уже даже прикалывается надо мной. Ну, типа, знаешь, – как товарищ по несчастью.

– Милая, кто такая Катя?

– Моя подруга. Я у нее сегодня ночую.

– Ах да! Мама говорила... Кстати, поздравляю с олимпиадой по физике. Ты крутая!

– Папочка, по математике. Не поздравляй, всего лишь второе место.

– Что значит «второе». Это ж по всей области! Второе в данном случае равноценно первому.

– Ну да, – промямлили в телефоне без особой радости.

И тут я спросил:

– Ниночка, а тебе дарили букет в подарок?

Что-то яростно грохнуло за стеной, когда мне в спину вонзился ворох листвы и маленьких веточек.

– Нет, только грамоту и небольшую медаль. – Немного помолчав, добавила: – Пластмассовую, но зато на голубой ленточке! Я срезала и вплету в волосы, когда в школу пойду.

– Хм... Значит не дарили. Что? Не вздумай! Вдруг кто узнает, что она от медали. Вот, скажут, как она относиться к премированию учеников. Еще оценки снижать станут.

– Да? А что же мне делать с ней?

– Аккуратно прицепи назад, или маму попроси, если не сможешь.

– Но я медаль уже подарила Кате, к тому же, когда я снимала ленту, пластмассовое ушко отвалилось.

Ветер взвил новую порцию листьев, где-то поблизости хлопала крыльями большая птица, краем глаза я уловил ее движение и повернулся. Это, блин, была очень-очень большая птица: размером с детский квадроцикл или, скажем, птенца птеродактиля. Хлопая крыльями, она, точно бледный призрак, промчалась мимо меня и скрылась за правой стеной фасада!

– Что за хрен, – опешил я, уставясь на невидимую траекторию, по которой она пронеслась.

– Что случилось, папуля. Ты живой там? А?

Я молчал, только слушал детский голосок из трубки:

– Паап... Нина вызывает Марс, Нина вызывает Марс...

– Слушай. Тут какая-то (*птеродактиль*) штуковина мимо пролетела.

– Какая штуковина, НЛО? Как, в том году, – над полем?

Я медленно, с опаской сошел с веранды, чтобы обойти ее справа и посмотреть за угол.

– Дочь, это было не НЛО, а спутник, летящий на скорости, примерно, восемь километров в секунду.

Я шел, прямо скажу, нехотя. Мой язык как-то внезапно стал сухим и скребся о небо, словно наждак.

– Ну да, как же. А почему он вдруг вспыхнул, а потом и вовсе исчез?

Я был рад сейчас, что она на телефоне. Это придавало мне смелости, но меня покорило тот факт, что моя умная дочь частенько строила из себя дурочку – ведь еще в тот раз я ей объяснил, что когда спутник меняет направление, он может отразить солнечный луч прямо в лицо наблюдателя. Либо просто, отработав положенный ресурс, сгореть в атмосфере, чем и объясняется его последующее исчезновение.

– Пап?

– Да?

– Это был НЛО? – В трубке слышался изо всех сил приглушаемый смех: она дразнила меня.

Мои ботинки старались не шуметь, ступая по иглам сосны и другой ветоши, но будучи сосредоточенным на двух делах сразу, я, соответственно, не преуспел ни в одном из них. Я уже завернул за угол и не увидел там ничего особенного. Стиснув трубку, брел дальше, – по направлению к задней стене. Что ж там за нечисть такая, раздумывал я, усиленно ища объяснение тому, чем бы мог быть этот летающий призрак.

– Пап, с мамой все хуже, чем ты думаешь.

– Правда? А что?

– К ней приходил другой мужчина.

Я застыл.

– Он приходил, когда я была в школе. Я вернулась, а он выходит из двери, а за его спиной – мама.

– Может, водопроводчик, – кисло сказал я.

– Уверена, что она так бы и сказала. – Нина продолжала сплетничать: – Выходя, он посмотрел на меня сверху (он очень высокий, выше тебя) и ласково улыбнулся...

– Ну, хватит выдумывать, – рявкнул я, – и вообще, почему ты не спишь, – уже скоро два.

– Я волновалась за тебя, мама меня уговорила переночевать у Кати. Ей надо было с тобой поговорить наедине. Вы поговорили, я знаю: звонила ей уже. Скажи, ты будешь бороться? Вместе со мной.

– Вместе с тобой? Ты о чем?

– Я буду шпионить и все тебе докладывать.

Я рассмеялся, потому что по ее серьезному голосу понял: настроена она основательно.

– Нина. Не надо вмешиваться. Обещаю, что наведу порядок в нашей семье и займусь этим очень скоро. А ты помоги мне в другом: я завтра возьму небольшой отпуск и давай проведем выходные здесь – за городом. Заодно и стратегию обсудим: как нам быть с нашей сбрендившей мамочкой?

– Это будет круто, пап! Только согласится ли мама, раз такое приключилось?

– Уверен, что мама целиком положится на твое мнение.

– Ну, тогда, окей! Так кто это был?

– Ты про что?

– Про твою штуковину! Которая мимо пролетела.

– Человек-мотылек! – Я знал, что она понимает о чем я, однажды мы вместе смотрели этот фильм.

– Ну, надо же, – притворно удивилась дочь, – ему вроде сделали операцию, и теперь он не способен к полету.

– Да, так и есть. Летел-то он не на крыльях, просто им кто-то из чего-то выстрелил.

Она рассмеялась и не могла остановиться.

– Пап, ты такой чудак. Это скорее бы произошло с тобой, а не с человеком-мотыльком. Ну, правда, кто у тебя там летает?

Я и сам хотел бы это выяснить, однако, вспоминая «дыру» в чаще леса, решил не делать этого, разговаривая по телефону с дочерью, – во-первых, мне могли понадобиться сосредоточенность и обе свободных руки; во-вторых, если что-то не хорошее произойдет со мной, не хочется, чтобы мои крики (и чавканье этого летающего нечто) преследовали девочку во снах до самой старости – уж лучше оставаться в неведении.

– Ладно, Нина, пора ложиться спать. Если тебе уж так приспичило, то это была большая сова. Она посидела у нас на заборе минутку и улетела.

– Ммм, большая сова тусовалась на нашем заборе! Жаль, что я все пропустила.

– Вот когда приедешь, мы поищем ее гнездо.

– Договорились! Пока, папочка! погоди, а что делать с ленточкой? Вплести в косичку?

– С ленточкой? А, от медали... выброси.

– Хорошо. Целую, до скорого!

– Целую. Пока.

Она отключилась раньше, чем я нажал на свою красную кнопку с трубкой, мой палец замер в бездействии. Значит, все-таки Женя нашла мне замену – и как мужу, и как отцу. Он даже входил к нам дом. Похоже у моей жены серьезный бзик, а не легкая хворь, обостренная приходом весны. Надо было подумать, надо было во всем разобраться. Мне не хотелось идти за угол – вдруг это будет моя последняя прогулка, а я еще вполне молод: мне всего сорок пять. Пускай, может быть, у меня отобрали жену, но есть умная дочь, которую отобрать невозможно. А что если не идти в ту неизвестность за углом? Пустить на самотек и пусть тварь летает над домом до посинения; скоро забрезжит рассвет, а привидения, как известно, гуляют лишь по ночам.

Я повернулся на месте – с вершины открывался чудесный вид на поля. Поселок Рудничок, рассыпался, словно пригоршня детских кубиков, не далее двух километров от подножия моей «крепости». Плотно сбитые ряды фонарей, вытянулись вдоль улочек, сплетаясь со статными тополями, кудлатыми липами и рябиной. На главной дороге, рассекающей поселок на две симметричные части, я заметил, мигающий желтым, светофор и понял, что где-то там – за деревьями и крышами, располагалась школа. Я посещал ту школу в бытность учеником, в ней я вырос, на ее зеленых лужайках играл в футбол и лапту. В ней же затесался в литературный кружок, на котором, в полумраке ранних осенних сумерек, мы рассказывали друг другу страшные истории (часть которых помнилась до сих пор), решал уравнения, скрепя крошащимся мелом по зеленой доске, впервые пригласил на танец одноклассницу. Наконец, из нее я уходил в неизвестное будущее, овеянный славой золотого медалиста.

Надо все-таки разобраться с этим, твердо решил я и пошел. Не дойдя до угла, включил фонарик.

– Эй! – позвал я, не рассчитывая на ответ в виде членораздельной речи, но даже животное (или привидение), должно как-нибудь среагировать на голос – особенно если его кличка, по счастливому совпадению, так и произносилась: «Эй». Моя задумка полностью оправдалась: из-за угла донеслось то ли приветственное, то ли угрожающее хлопанье громадных крыльев, и снова этот настойчивый перестук (клюва?). Я высунул один глаз, и не сразу понял, что же я все-таки вижу, чтобы понять мне потребовался второй глаз.

Передо мною, опираясь на наклонный кургузый ствол, сидел полутораметровый электрический скат. Животное расправило во всю ширь треугольные плавники и хлестало ими по ветру так сильно, что сотрясало все дерево, на котором оно нашло присаду. Хотел бы я заявить, что скаты в моем саду – обычное дело! Но, может быть, с тех пор как я переехал в город, они действительно завелись здесь, а я раньше просто не бродил вокруг дома в такой поздний час, чтобы их обнаружить? Вообще, когда живешь в глухомани, можно увидеть

потемну много чего такого (за одну только ночь), чего не встретишь в городе и за целую жизнь: к примеру, приткую ласку, возвращающуюся с ночного разбоя, бобра, ищущего, чем поживиться из, выставленной на улицу собачьей миски, огромную ночную бабочку, издали похожую на летучую мышь. А теперь, очевидно, и ската, отдыхающего на ветке, как какая-нибудь сойка или, сажем, сова.

Я нырнул обратно за угол, и помчался к сараю, поняв, что голыми руками ската, тем более электрического, не одолеть. Через пять секунд выскочил, держа в руках грабли для газона. На руки я нацепил перчатки из плотной резины, так как ручка граблей была деревянная и влажная на ощупь, а скат мог применить против меня электрический заряд.

Злой как черт, ибо мы все начинаем злиться, когда нарушают наши владения, кто бы это ни был, я поспешил к рыбе готовый низвергнуть ее с сука, и (в самом благоприятном случае) вовсе изгнать со своего участка. Я выключил фонарик, спрятал мобильник в карман, и застегнул его на молнию – чтобы не потерять (мало ли, может мне потребуется медицинская помощь). Мои глаза должны были привыкнуть к темноте, ибо за домом не было фонарей – на окраинах своих владений я целиком полагался на лунное освещение. Как только мои зрачки расширились должным образом, я шумно выдохнул и, вскинув грабли, понесся на врага. Когда я появился из-за стены, скат среагировал незамедлительно: захлопал крыльями-плавниками пуще прежнего, разинул огромную круглую пасть, попытавшись меня крепко пугнуть. Хвоста твари видно не было (наверное, запутался в ветвях), и это усложняло мою задачу: надо было следить не только за пастью, но и за всем сразу, ибо злосчастный хвост мог появиться из самого неожиданного места.

Хуже всего то, что я не знал как мне разговаривать с рыбой (если вообще следует это делать), но, обыкновенно, встретив злую собаку или медведя – не приведи, Господи – мы что-то извергаем изо рта: звуки разнятся в широком диапазоне смыслов – от ласковых уговоров, до гневных окриков и брани.

Не придумав ничего, что можно было бы сказать, а промедление могло стоить жизни (ибо острый хвост этой рыбы – точнее его жало – подобен пуле, смазанной сильнейшим ядом, а разряд электричества, выдаваемый животным-электрошокером, может достигать двухсот двадцати вольт), размахнувшись, как следует, я саданул его гребенкой инструмента по треугольной голове и, похоже... убил.

Тварь сплющилась, пасть закрылась, и только выставленные плавники еще подрагивали – очевидно, то был рефлекс. Я снова занес грабли, чтобы убедиться, что рыба повержена и испускает дух. Саданул еще разок, но теперь ощутил отдачу, как от чего-то твердого, наверное, это были его ребра или проглоченный якорь от корабля.

Я осторожно поднес к нужному месту грабли и подцепил кусок его шкурки гребенкой. Пытаясь высвободить инструмент, стягивал со ската шкуру, так, словно был профессиональным разделщиком рыбы. Как вообще он мог перемещаться среди деревьев, обладая такой нежной оболочкой? Я все тянул и тянул рукоятку, а шкура следовала за ней, как приклеенная, и, когда я принялся поворачивать инвентарь, последняя соблаговолила свернуться жгутом, точно мокрая тряпка, из которой выжимают воду. И в тот же момент понимание вонзилось в мой мозг тем самым якорем, который пылился у чудовища в желудке: никакой это был не скат, а всего лишь тряпье, которое летало по саду под воздействием порывистого ветра, разгулявшегося на вершине. Какая нелепость – воевать с простыней посреди ночи, досадовал я на свою глупость, жалея при этом, потраченное впустую время. Второй к ряду ночной эпизод, выветрил из меня сон, почище хорошего снотворного. Я отшвырнул грабли и кинулся выпутывать простынь из цепких древесных пальцев. Оказалось, что на самом деле это – пододеяльник, круглую прорезь в котором, я и принял за пасть. Разглядывая рисунок на нем: девочку в панаме, которая ловила бабочек на стилизованном лугу, повторенную многократно по всему полотнищу, я понял, что передо мной моя же собственная вещь – мама покупала такой на мое

детское одеяло, потом его постирали и хранили в шкафу в прозрачной пленке вместе с другими вещами. Но как оно оказалось здесь? Внезапно все встало на место: в конце осени Жень перестирывала белье и повесила этот предмет на веревку, вместе со всем остальным. Только, видимо, использовала мало прищепок, и в какой-то момент пододеяльник сорвало ветром, а после носило по округе черт знает где, и сколько. Узнав памятную тряпку, я принялся работать бережнее, и вскоре постельная принадлежность была полностью выпростана из ветвей. Я расправил ткань, встряхнув пару раз, свернул в плотный квадрат. Затем обратил внимание на дерево, которого вовсе не должно было быть здесь, и понял, что это приличный кусок ствола, отвалившийся то ли под тяжестью снега, то ли от ярости ветров, неистовствовавших в начале зимы. Отодвинувшись дальше, с болью в сердце обнаружил, что основной удар пришелся на крышу – наверняка покрытие из битумной черепицы повреждено и, судя по всему, мне еще и ремонт предстоит. Что ж это послужит дополнительным оправданием для отпуска. Хотел было подобрать грабли, но плюнул и побрел в дом. Мне не терпелось взбежать наверх, чтобы выяснить на сколько было плохо с поврежденной кровлей, но я завоzilся в предбаннике, натягивая старые белые теннисные туфли, заменявшие мне домашние тапочки – терпеть не могу, разгуливать по дому в носках.

Швырнув в корзину влажный пододеяльник, взбежал по лестнице и кинулся к двери той из двух верхних комнат, куда, по моим расчетам, пришелся удар деревянного молота. Оказалось, что это было второе по габаритам помещение из трех имевшихся на втором этаже – спальня моей дочери Нины. Выяснилось также, что повреждение имело статус сквозного: увесистый, шершавый от старости и наростов сук, спикировал с высоты, неся впереди себя, чуть менее толстую, дочернюю ветвь, которая при падении обломилась и обломок, прошив крышу насквозь, теперь торчал из потолка, как дизайнерский экспромт, украшенный для потехи пятнами желтого и бледно зеленого лишайника. На ламинате стояла небольшая лужа, в которой плавали крошки гнилой древесины и несколько жуков, не переживших катастрофу.

Я оглядел комнату в поисках еще каких-нибудь перемен. В остальном обстановка имела привычный облик: кровать заправлена, подушка – в форме голубого дракона – прижалась у стены под фиолетовой доской, с которой на меня смотрела, с многочисленных фотографий, моя дочь (были представлены все возраста и времена года). Помимо фото, там присутствовала куча наклеек из аниме, вырезки с физиономиями актеров и актрис, единственное животное – исключая выдуманных анимешных зверьков – сенбернар с бочонком, аккуратно изъятый ей в раннем возрасте из моего, между прочим, детского же журнала; несколько сердечек, тщательно выведенных жирным маркером прямо на доске, присутствовали за компанию, как и слово «АБАКА Р», – начертанное в уголке карандашом столь давно, что никто из нас (включая Нину) не знал, что оно могло означать.

Дверки коричневого комода плотно прикрыты; подле них, словно баррикадируя спальню, от сидящего в шкафу бугимена, застыл на треноге небольшой телескоп. В общем, все цело, ничего не разбито.

Я слишком устал, чтобы заниматься лужей, поэтому просто погасил свет и спустился в гостиную, дабы растопить камин и согреть свой маленький мир, пока он окончательно не окоченел.

Подле камина находился поддон в виде корзины с металлической ручкой, отделанной под старую бронзу, в нем – растопка и несколько поленьев. Основная масса дров хранилась в нише – под лотком для золы. Открыв стеклянную дверцу, я положил на решетку растопку (в виде щепы) и щедрую порцию дров. Они пахли смолой и были сухие, почти невесомые. Мне не требовалась бумага, ибо я использовал баллончик с насадкой, пламя которого с легкостью плавил алюминий. Растопив печь, я расстегнул куртку и позволил себе не закрывать дверцу какое-то время, подставляя огню озябшие пальцы. Не пройдет и часа, как в доме станет тепло

и уютно. Наконец, немного согревшись, я снял верхнюю одежду, но пока еще оставался в свитере. Прошелся до ванной, сполоснул лицо и руки. Когда растирался полотенцем, глянул в зеркало и отметил, как отросли мои темные кудри за две недели пребывания в Швейцарии. Голубоватые мои глаза, казались двумя крошечными рыбками, плавающими в мутной воде, – симптом усталости или стресса. Я побрился последний раз в номере – перед отлетом и теперь следовало повторить процедуру, однако решил не трогать щетину, а взамен этого, все-таки, пропустить пару рюмочек. Это были стратегические ходы: мой шеф наверняка заартачится, когда я попрошу пару недель передышки, мне предстоит его убеждать и щетина напополам с легким перегаром будут весомыми аргументами. Хотя с моим шефом, даже неподобающий внешний вид не был достаточным поводом, ибо и сам он любил выпить втихаря.

Когда вывалился из ванной, настроение несколько улучшилось, но тут жена опять провалилась в мой разум. Это же надо такое устроить. Впрочем, иначе и быть не могло, так как она всегда была немного «в себе», никогда не раскрывалась полностью. Я все время гадал, в чем причина такого поведения: от природы ли она такая замкнутая или виною тому наша девятилетняя разница в возрасте? Может, она даже меня немного стеснялась? Не считала нужным распахивать душу перед человеком из другого поколения? Или дело не в возрасте, а просто во мне самом, в моем характере? Работе? В моей увлеченности или мягкотелости.

Я уже упоминал, что на работе принимаю достаточно строгий вид – потрудившись в разных изданиях на более или менее начальственных должностях, я подспудно скопировал черты всех тех, до кого некогда стремился дорасти, полагая, что грозность (хоть и напускная) не позволяет распускаться сотрудникам, которых ты должен объединять в единый трудоспособный организм. Да и, в конце концов, на меня самого нередко орали – ну и я иногда срывался, что ж тут поделать. Хотя, наверное, девушка в кафе была права: никого-то я не обманывал, помимо себя – все вокруг (включая и мою дочь, которая рано уяснила, что если папа орет – это он так прикалывается) понимали, что при желании на моем кабинете можно повесить табличку: «Добряк», которую я сперва сорву и грохну об пол, а спустя время, отряхнув пыль, водружу на прежнее место. Такой тип мужчины мог не устраивать мою жену. Она, возможно, долго мучилась, терпела – подобно тому, как некоторые годами переносят боль, а теперь сорвалась и – вуаля, джин вылетел из открытой бутылки и принялся куролесить.

«Мне жаль, Матвей, но ты – не герой моего романа», воспоминание об этой фразе, действовало на меня, так, как если бы за задницу укусил верблюд. Да что она себе позволяет в моей собственной голове, – с возмущением, я бухнул сумкой об пол. Хорошо, хоть биться там нечему, всего лишь ворох одежды да записи со статьей.

Я осмотрелся и решил, что здесь было уж очень много света для ночи. На потолке из бруса висели две плетеные люстры, которые я погасил, поменяв на мягкое освещение бра, украшающих стену между камином и окном. Обстановка, между прочим, в моем доме довольно претениозная, вот, например, стены, украшенные декоративными панелями, имитирующими брус, – нежно пастельного цвета, хотя на верхнем этаже преобладал флизелин. Открытая кухня со ступенями, такая белая, что иногда даже готовить не хочется, дабы не портить ее девственный лик жиром от шипящей на огне сковороды или парящей, как заводская труба, кастрюли. Прежде чем разобрать одежду и записи, я решил, что не плохо бы оживить часы – напольную махину с бронзовыми циферблатом и маятником, подарок от издательства по случаю вступления в должность; припоминаю, что когда вез их сюда, из коробки постоянно тренькало. Открыл массивную крышку из стекла, перевел стрелки, повозился с гириями и качнул маятник (в котором лицо мое исказилось до неузнаваемости). Часы обладали одной особенностью, наделяющей их властью будильника: функция ночного режима. Можно было назначить время, до начала которого часы оставались тихими, словно мышки, ну а в означенный срок, уже расходились вовсю. Их бьющий по мозгам бой, был таким безжалостным, что даже самый завятый соня мог начисто лишиться способности засыпать смиренно. Я поставил будильник на восемь утра

– обычно я встаю раненько, но в данных обстоятельствах разумнее было поспать подольше. Совершенно забыв про вещи, я направился в кухню. Скользя по керамзитовой плитке, перемещался от шкафчика к шкафчику, пытаюсь вспомнить, где находятся шикарные коньячные рюмки, набор которых (шесть штук) обошелся не дешево, и до сих пор каждая из них была в полной сохранности. Наконец, они отыскались, я выудил одну – маленькую и пузатую, фирмы Crystalex, с золотым ободком. Под светом, сочащимся из гостиной, вещь казалась сделанной из перламутра, а не хрусталя. Бутылочки с алкоголем хранились в книжном шкафу. Намереваясь включить вилку холодильника в сеть, я с досадой осознал, что еды в доме нет совершенно. Стоит ли пить на голодный желудок? Это вредно. Но, когда очень хочется и напитки – высший класс... Да и много ли я выпью, прежде чем меня сморит сон? И так уже сплю на ходу. Когда шел из кухни, услышал сверху противный – с надрывом – то ли скрип, то ли визг. Сперва всполошился, но тут же вспомнил про дерево – злобная ветка, даже после смерти, продолжала работу по разрушению Нининой комнаты. Я только презрительно фыркнул, продолжая двигаться к полке с бутылочками.

Перетаскивая к столику у телевизора последнюю пригоршню крохотных пузырьков, я не преминул опустить жалюзи на окне. Не то чтобы я боялся, что кто-нибудь будет за мной подглядывать, – здесь и грабителей-то отродясь не водилось. (Для острастки над верандой висела фиктивная камера, которая хоть и бездействовала, но вполне могла охладить пыл одним только присутствием.) Летом мы ставили дом на сигнализацию, подключенную к интернету, и мне на телефон ни разу не приходило сообщение о проникновении на территорию или взломе. Жалюзи опустил лишь по той причине, что в свете последних происшествий, даже собственное бледное отражение на темном стекле, могло запросто побудить меня бежать в сарай за граблями.

В камине потрескивали дрова, изрыгая иногда, ради приличия, букетики оранжевых искр, но поджечь гостиную не получалось – дверца из закаленного стекла надежно заперла огонь внутри топки. Включенный телевизор раскрашивал в необыкновенные краски крышку столика перед моим диваном, а так же рюмку, наполненную ароматным коньяком, батарея полупустых бутылочек дожидалась своей участи. Когда мне надо было отпить, я лениво наклонился вперед к рюмке и, силясь не пролить, бережно доносил ее до рта.

«...Юпитер расположен довольно далеко от Солнца, так далеко, что оно выглядит скромным маячком на небе гиганта, один годовой оборот, занимает у планеты двенадцать земных лет...», – вещал из телевизора вышколенный голос диктора (надо сказать, я обожал познавательные передачи и почти всегда настраивался на такие каналы, исключение составляли футбол и велосипедные соревнования).

«...Юпитер огромен настолько, что внутри его газовой оболочки поместилось бы около тысячи таких планет, как Земля или Венера...»

Тиканье маятника за спиной, сливаясь с размеренным голосом из телевизора, расслабили мышцы, а реальность понемногу размазывалась. Вот так вот, наверное, и спиваются, рассуждал я, поглядывая на этикетки почти что декоративных «Джек Дэниелс», «Шивас», «Арапат», «Хенеси». Красуясь на столике, эти «девочки» выглядели, чуть ли ни как конфеты с алкоголем вместо начинки, однако не следовало забывать, про их содержимое, таящее не меньшую опасность, чем громадная бутылка темного рома, выставленная на какую-нибудь пиратскую бочку. «Нам бы, нам бы, нам бы – всем на дно...», – пела иногда мама, вспоминая мелодии своей молодости: «Нам бы, нам бы, нам бы – пить вино...»

– Дьяволу морскому... – машинально стали подпевать мои губы.

Звякнул сигнал в телефоне, говорящий о том, что прискакало уведомление. Может о взломе, хихикнул я про себя, прекрасно зная, что на зиму не подключаю дом к сигнализации и поскольку приехал в этом сезоне впервые, то никаких уведомлений и быть не могло.

Заплетающимся языком я прочитал: «у вас миллион двести пропущенных вызовов».

Я вылупился на телефон. Похоже, что реальность чересчур уж размазалась. Я прищурил глаза, но надпись сообщала все то же: более миллиона пропущенных звонков! Это было похуже ската на дереве, потому что он, в конце концов, превратился в тряпку, а послание в телефоне метаморфозам не поддавалось. Взглянул на время, когда поступили звонки, – начало второго. Где же я был в тот момент? Подумав, решил, что это как раз тогда, когда я нашел странную дырку в лесу. Миллион звонков? Но я не расставался с телефоном. Номер подписан не был, хотя я и так видел, что цифры принадлежали сим-карте моей дочери.

Я немного помычал под нос, повертел мобильник и пришел к окончательному выводу, что это был какой-то сбой на станции.

– GMS, мать его, кризис. Или GSM? – Я решил не забивать голову всякой чепухой, ибо она и так уже испытывала проблемы со свободным местом, и просто, очистив журнал вызовов, отшвырнул в сторону трубку и принялся разбирать сумку. То, что я в ней почти сразу же обнаружил, сперва озадачило, а затем заставило возликовать мое сердце – это был огромный, завернутый в целлофан, домашний бутерброд.

«...кратеры не характерны для венерианской поверхности, ибо атмосфера ее очень плотная и едкая, поэтому лишь достаточно большие тела могли достигать поверхности...»

Это был мой любимый сэндвич: персики, ломтик ветчины, карамелизованный лук и расплавленный сыр на пшеничном хлебе. Я гадал: когда Женя умудрилась засунуть его в сумку? Наверное, в тот момент, когда я ковырялся в столе в поисках своего ежедневника, нужного мне как воздух, ибо там содержались планы статей на следующий месяц и телефоны рецензентов, которые должны были их оценивать. Мне наскучила астрономия, поэтому я схватил телефон и принялся работать виртуальными кнопками приложения, представляющего собой эквивалент пульта моей телевизионной панели. Включив канал про природу, вспомнил о выпивке и сделал очередной глоток.

«...таким образом, пыльца переносится на другое растение».

На экране огромная фиолетовая пчела с большим трудом взбиралась вверх по стеблю травинки. Она, словно беженка с пожитками или торгующий с лотка предприимчивый зазывала, под завязку нагрузилась комочками желтой пыли и, похоже, сожалела о своей алчности. Снова воспользовавшись телефоном, открыл другое приложение: ведающее навигационным освещением в доме. Узенькая полоска бледной желтизны – светодиодная лента Arlight – вычертила контуры моей кухни и две ступеньки ведущие к ней. В полумраке я нашел большую тарелку – чистую и белую, как снег арктических полей, очистил бутерброд от целлофановой шкурки и, поместив на блюдо, переправил в гостиную.

«...буквально засыпаны мелкими рыбешками, упавшими с неба...» Я глянул на панель и пробубнил под нос:

– Неужели, ребята, и вы до подобного опускаетесь.

«...Ученые считают, что виновником рыбного дождя является смерч...»

В задумчивости взирая на телефон, я потягивал свой коньяк. Наконец, принял решение и набрал номер жены. Она ответила сразу, в голосе не было и намек на сон.

– Слушаю? – встревожено. – Матвей, это ты?

– Пока еще этот номер принадлежит мне.

– Что-то случилось? Как ты добрался?

«А мог не добратся». – Пробежало в мозгу. (*В этих местах много аварий*)

– Да, в общем, неплохо. Я хотел поблагодарить за бутерброд, у меня здесь шаром покати.

– Ты не мог до завтра с этим подождать! Ночь на дворе. – Голос содержал изрядную долю раздражения, что мне не понравилось, не вязалось как-то с заботой о моем желудке.

– Ты же мне жизнь спасла! Как я мог ждать.

Протяжный вздох, дескать: «Ну что ты на это скажешь». Я вообразил белую наволочку по которой разбегаются в стороны завитушки каштановых кудрей. Худое лицо, выглядывающее из-под копны, – озабочено, карие глаза что-то ищут на темном потолке.

– Просто я еще не отвыкла от роли твоей жены. Это, знаешь ли, не проходит быстро.

– Говоришь так, словно это насморк или гонорея...

– Прости, если тебе показалось. Не хотела. Ты внезапно сорвался, чуть ли не прямо из самолета. Я знала, что еду ты не купишь, ведь много лет это целиком моя обязанность.

Я услышал, как в трубке заворочались, – она перекладывалась на другой бок, верно настраиваясь на долгий ночной диалог.

– Подожди, ты что пьяный?

Контролируя свой голос, я промычал:

– Нет, конечно, с чего ты подумала!

– Просто вспомнила, что у тебя там коллекция всяких бутылок.

– Ох, а я и забыл. Возможно, теперь точно напьюсь. После такого-то. Ну, этого самого. Того, что ты мне устроила.

Она шумно выдохнула и сказала:

– Ты можешь заниматься, чем хочешь. Теперь не уделяй мне столько внимания, хорошо? И не оглядывайся на меня, когда хочешь такого, чего я не одобрила бы. Отныне ты свободен в своих желаниях.

Мне было не радостно слышать такое. Ох, как не радостно.

– А, может, я не хочу свободы.

– Тогда заведи кого-нибудь.

– Собаку?

– Женщину, Матвей, другую женщину.

– А, – протянул я, – значит, моя жена с каждым часом укрепляется в своем решении. Я-то надеялся, что в тебе возобладает разум!

– Я в твердом уме. А что касается тебя, если ты опять намерен ругаться...

– Ты привела в дом другого мужчину. Может он и сейчас там – под одеялом, пожевывает твои волосы, рыскает пальцами по коленке.

– Кто тебе рассказал. – На миг ее голос казался смущенным. – Нина?

– Конечно, она звонила мне миллион раз.

– Что?

– Ничего.

После молчания Женя заговорила:

– За это прости: я тогда просто на крыльях летала. Он приходил ко мне, это так. Но мы просто посидели, поговорили и ничего, что ты вообразил, и близко не было. Игорь нормальный, просто стесняется своей квартиры – это маленькая съемная комната, неухоженная.

– У него и жилья своего нет! – возмутился я.

– Он еще молод. И если есть куда стремиться, то появиться и жилье, и все остальное!

«Молод!»

– И насколько же молод твой избранник?

– Достаточно молод. Он мой ровесник.

Черт! Этого я и боялся: их сближал даже возраст, общность поколений; они могли понимать друг друга на уровне жестов, в их головах образ бытия выглядел практически идентично, короче, – этим ребятам было о чем поговорить за завтраком. Ах, черт! А могло ли быть по-другому? Если уж Женя и пошла на разрыв, то точно бы не из-за какого-нибудь толстосума-банкира (хотя и этот вариант не исключался, если банкир оказался бы человеком с удовлетворительной кармой).

– Матвей, я устала. Спать хочется, может, продолжим как-нибудь на днях?

– Один момент! Я просто никак не возьму в толк – откуда такая внезапность? Какой-нибудь озаряющий фильм? Любовный роман?

– Вот всегда ты такой, – промолвила она с укоризной.

– Какой. Скучный?

– Скучный, – согласилась Женя. – И едкий.

– Прости, но я хочу понять.

– Да что же тут понимать! Чтобы все не выглядело неожиданностью, тебе нужны были скандалы, непрекращающиеся ураганы? Но я не могу так! И я посылала тебе намеки – знаки неудовлетворенности жизнью – да только ты вечно где-то витаешь. Просто, если не хочешь видеть чего-либо, – никогда не увидишь. А теперь, извини, я иду спать.

– Одна просьба! Ты непустишь Нину в Рудничок на выходные? Она выразила желание здесь побывать.

– Если Нина не против, то я – тем более. Это все?

– Спасибо, – буркнул я (вот уж не думал, что буду когда-нибудь благодарить за возможность увидеться с дочерью). – Сладких снов.

Вон оно как, значит. Она отчаянно махала руками, а я, посвистывая под нос, раз за разом пролетал на своем кукурузнике над ее необитаемым островом, игнорируя все, что мешало моему счастливому вояжу. Это кое-что объясняло, пожалуй, даже более чем, кое-что.

Не стоило так же скидывать со счетов и фактор необычного появления на свет моей ненаглядной. Женя родилась в индустриальном городке, на севере области. Из достопримечательностей, там были только фабричные трубы из которых ежедневно била серая вонь. Леса и поля она не любила. Работала ветеринарной сестрой в поселке Скуратово, что не далеко от Косой горы. К животным относилась без сюсюканья, рассматривая их, скорее, как маленьких человечков, которые ничем не хуже больших и, следовательно, нуждаются в не менее профессиональной медицинской опеке. Таковой она и была с ними: строгой профессионалкой.

Ее мать – истовая заводчица терьеров, может и любила дочку по-своему, но собак просто боготворила. Благо, что она почти всегда была страшно занята и редко навещалась в гости. В основном, она звонила в мессенджерах и справлялась насчет ветеринарных консультаций. Пару раз мы отправляли Нину к ней на каникулы, и по возвращении, все свитера и джинсы девочки были усыпаны собачьим волосом.

Теща хоть и разводила животных на продажу, особого богатства не нажила, ибо собаки требовали не только медицинских услуг, но и дорогих игрушек, отборного мяса с комплексом витаминов, бесчисленных выставок и фотосессий. Это была ее идея: сплавить дочь в ветеринарную школу, чтобы сэкономить хотя бы на медицине и вырастить достойного наследника для своего табунка кабелей и сучек.

Когда я упомянул о факторе необычного появления супруги, то, разумеется, не имел в виду что-то совсем уж из ряда вон. Дело в том, что Женя родилась при помощи экстракорпорального оплодотворения, попросту говоря – из пробирки. И даже Женина увлеченная мать, не ведала того, кем был отец ее дочери. Конечно, я не считал, будто экстракорпоральное оплодотворение само по себе ответственно за те невзгоды, которые сопутствуют жизни человека появившегося на свет благодаря ему. Нет, ни в коем случае. Однако мог иметь влияние психологический момент: когда ребенок узнавал, тем или иным образом, про свое отличие (в плане рождения) от большинства сверстников. Да что там от большинства! В своей жизни я встречал лишь одного, и тем одним была как раз Женя. У ее матери существовала какая-то патология матки, и это не позволяло забеременеть обычным образом. Узнав об этом, ее жених передумал связывать жизнь с молодой продавщицей провинциального магазина и, превратившись в моряка дальнего плавания, так никогда и не вернулся из рейда. Оставшись в одиночестве, та предприняла такой вот отчаянный шаг – тем более, что закон позволял одинокой женщине пройти подобную процедуру.

Пока мама моей жены ожидала первенца, в ее доме (чтобы развеять нахлынувшую, внезапно, скуку – а на деле замаскированную депрессию) появилась первая собака: маленький энергичный терьер. Отзывчивый на ласку песик, покорило сердечко будущей мамы, которая, вероятно, осознала в один присест, что для счастья ей нужен был совсем не маленький человек.

Так и получилось, что Женя росла в прохладе материнской любви (ибо основное тепло забирали собаки), под защитой терьеров и в грохоте металла доносившегося ежечасно из-за стены завода, расположенного неподалеку. Все это Женя поведала мне в те минуты, когда удавалось поговорить по душам. Из тех бесед я также выведал, каким образом моя супруга узнала тайну своего происхождения.

Это случилось на дне ее рождения, когда на простом деревянном столе, покрытом виниловой скатертью, томился в окружении бесхитростных блюд, покрытый розовой глазурью торт – самое дорогостоящее из всего, что присутствовало на торжестве. Маму не особенно заботил праздник: украшать ужин Жене помогали подруги (одна из троих почти сразу ушла, ибо имела аллергию на шерсть). Под самый конец праздника, прошедшего вполне сносно, Женина мама вознамерилась устроить нечто вроде семейного знакомства, пригласив в комнату шесть или восемь своих питомцев. Собаки всех мастей (носившие не клички, а самые настоящие имена, напоминающие псевдонимы итальянских фокусников или циркачей: Бениссио, Джованни, Альберто), чувствуя себя полноправными хозяевами, принялись крутиться вокруг стола, выпрашивая еду, для чего забрасывали передние лапы на колени взвизгивающих девочек – Жениных одноклассниц, не привыкших к такому плотному взаимодействию с собачьим миром. Мать пыталась успокоить питомцев, но делала это так, словно разговаривала со священными разбушевавшимися духами (она неоднократно подчеркивала, что один неверный ход и собачье доверие будет потеряно навсегда). В итоге, один из псов – самый крупный и лохматый, по кличке (имени) Генри-Джеймс пятый, тяпнул за икру одну из подружек Жени, та с визгом вскочила, опрокинув при этом бутылку с газированной водой. Пробка бутылки оказалась не плотно закрытой и лимонная пена принялась охаживать все вокруг. Собаки радовались, девочки визжали, Женина мама кричала на Генри-Джеймса, чтобы он вернул туфлю, слетевшую с пятки укушенной фигурантки происшествия. Собаки не зря носили свои имена: они превратили праздничный вечер в полноценное цирковое шоу.

Когда все закончилось, нельзя сказать благополучно, Женя устроила матери разнос, не преминув затронуть и собачью тему, мать, задетая за живое, принялась энергично оправдывать питомцев, заявляя, что школьницы сами вели себя не лучшим образом. На пике схватки, мать вывалила ей все, что следовало хранить в тайне до скончания времен.

С того времени Женя переменялась, приняв на себя печать некоего отличия от остального мира, – стала менее смешливой и более размышляющей: словно беспечный ребенок превратился в задумчивого философа. Она и со мной-то отдавалась радости не в полную силу: ее смех был каким-то деликатным и никогда не сотрясал воздух.

Мать ее, спустя всего пару часов, пожалела о сказанном и принялась заверять, что все выдумала, однако в старом потрескавшемся саквояже хранилась аккуратно сложенная бумага – свидетельство о рождении. Сравнив фамилию отца с фамилией своей матери, Женя поняла, что они идентичны.

Таким образом, психологически моя супруга всегда находилась в состоянии качки и полный штиль никогда не наступал. Мне представлялось, что ни единожды не имея перед глазами образа своего отца, она, словно слепой крот, терялась в калейдоскопе мужских типажей, не представляя каким образом ей определить подходящего человека. Она пребывала в смятении, в вихре страстей сбивающих ее с толку: я не сомневался, что через какое-то время и Игорь получит от ворот поворот. Взросление, романы про любовь и фильмы, усугубили ситуацию. Скорее всего, ей на помощь пришли разнообразные женские форумы с их премудрыми советами на все случаи. Я прямо так и видел перед глазами пост, пестрящий грамматическими

ошибками: дескать, милочка, куда же ты смотрела! Так обесценить свою жизнь – это ж почти преступление против личности. Бросай своего зануду, пока не спеклась, а то и понять не успеешь, как будешь полоскать его вставную челюсть в стакане с содой. И, кстати, проверь-ка его телефон.

Наслушавшись доброжелателей, всплакнув в подушку, она, наверное, раскрыла какую-нибудь книжонку по психологии и ничего в ней не поняв, обратилась к живому психологу. Ну как, живому. Одному из этих веб-персонажей, что бдят у экрана на фоне красивеньких рамок с дипломами и регалиями, обитая, исключительно в интернете: первая консультация – бесплатно, за вторую придется пахать не один месяц.

Этот знаток женских душ, вероятно, разложил ее ситуацию по косточкам, предоставив ей в итоге вердикт: все, мол, из рук вон, как плохо, и давно следует произвести генеральный ремонт своей судьбы. Почистить карму, спилить заусенцы... Далее все пошло по накатанной, и вполне закономерно появился некий Игорь – вице-президент на руку и сердце, раскапризничавшейся принцессы. Неважно откуда вылупился этот птенец: с сайта для знакомств или просто принес ей на прием захворавшего хомячка, – я не собирался отказываться от жены вот так запросто. Она, по сути, обвинила меня в невнимательности, что ж, не спорю, это непростибельный промах с моей стороны и я собирался это исправить, а потом и убедить это метущееся создание, что она не ошиблась с выбором супруга двенадцать лет тому назад. А Игорь? Когда-нибудь, еще через дюжину лет, мы вспомним тебя со снисходительной улыбкой (может ты к тому времени и заслужишь мое прощение).

Почему-то сейчас я вспомнил про Нинины крокусы – мерзнут, небось, там, под окном. Чем же их накрыть? Принялся потрошить сумку, но все вещи были либо слишком тонкие, либо не достаточно широкие. Надо все-таки взглянуть на цветник. Подхватив куртку, я вырвался в прохладную ночь. Обойдя дом, нашел грядку и застыл перед россыпью белых и фиалковых колокольчиков. Раздумывая, обратил лицо к небу: на западе заходили Кастор и Поллукс, немного южнее желтоглазый лев прыгал в сторону Девы, словно хотел проглотить несчастную; над всем этим кровопролитием возвышался бесстрастный Волопас, отвернув в сторонку свое копьё, – ибо лишь Большая Медведица находилась под защитой мускулистого великана. Я выдохнул – изо рта вылетело туманное облачко. Что ж пора идти ко сну. Сняв с себя куртку, накрыл ею цветы и побрел в дом.

Уснул, не снимая одежды, – прямо перед экраном, и увидел сон, который являлся на самом деле былью – частью моего давнишнего прошлого. В этом сне был ответ на мои чаяния, но, как это и происходит во снах, истина не открылась мне целиком, оставив лишь туманный намек, говорящий о том, что мой разум пока не готов к правде.

В один из солнечных осенних деньков, перед самой женитьбой, мы поехали прогуляться среди озер, посозерцать живописные холмистые пейзажи, поросшие молодой сосной, вдохнуть аромат хвои, сохранившийся от летнего зноя, – скоро холодные ветры с севера унесут это благоухание в другие края и следовало ловить момент. Мы взобрались на кручу, врезающуюся в гладь воды, с которой далеко было видно окрест. Приблизились, чуть ли не к самому краю обрыва, и обнялись, шурша теплыми куртками. Я смотрел на пляж, где пена облизывала ослепительно белый песок, она – за мою спину, где вздымалась, рожденная ветром, волна и несколько чаек витало над треугольными гребнями, заунывно крича, будто плача по уходящему лету. Во сне я сказал ей:

«Это – как сон». Она согласилась, но добавила, что это больше, чем сон.

«Тебе хорошо?» – спросил я, перехватив карий взгляд. Она кивнула и дополнила: очень. Она еще сказала, что немного боится стоять вот так, вдруг ветер сдует ее вниз – в бурную синеву.

«Не сдует, ведь я крепко держу тебя. Можешь на меня положиться!» Она усмехнулась и спросила, уверен ли я, что это я ее держу, а не она меня. Ветер колыхал ей волосы, и они

то и дело попадали мне между губ, а я потихонечку сплевывал их – чтобы Женя не услышала. Потом, по-детски надувшись, сказала: «Эти чайки. Вот ведь, злые. Хватают маленькую рыбку прямо с поверхности!»

«Ну, это в их природе – таким образом, они добывают себе пропитание». Женя возразила, что в их природе и так слишком много всякой еды. Мне не хотелось говорить про птиц, я уже давно планировал сделать ей предложение: у нас, вроде бы, все шло очень гладко и дело естественно подходило к женитьбе. А она продолжала свое:

«Просто в них нет любви, они бездушные белые птицы. Поэтому и кричат так печально – словно вечно жалуются на судьбу!» И попросила, чтобы я перестал выплевывать ее локоны.

«Да забудь ты о чайках, зато в нас полно любви!» – горячо проговорил я. – Я прямо на коже ее чувствую».

«И – я». – Сказано было как-то обыденно, я посмотрел ей в лицо, но, увидев мечтательную улыбку, успокоился.

«Как ты ее чувствуешь? Какая она?» Смеясь, Женя ответила, что – салатная.

Над нашими головами минуту назад простиралось безумно голубое небо, но чайки и волны наколдовали тучи и они – огромные и жирные жуки, ползли с запада, неся под собой ледяную тень.

«Ну, все-таки – какая она? Что собой представляет. Хочется сравнить наши чувства!»

«Она похожа на весну».

«А еще?» Тучи сливались, уничтожая голубой цвет. Ветер взьерошил осины, и ворох золотых монет осыпал нас с головы до ног. Она поймала листок, словно дитя подхватывает мотылька с травинки. Я слышал шорох его, когда ее рука снова оказалась у меня на плече.

«Еще моя любовь похожа легкий пух: хочется подпрыгнуть и улететь куда-нибудь далеко-далеко...»

«Далеко-далеко?» Молодая Женя кивнула во сне.

«Я не пойму», – допытывался я, все больше и больше испытывая неотчетливую тревогу. – Ты можешь отвечать поконкретнее, что для тебя любовь, милая?»

Она надолго задумалась, а потом ответила:

«Она похожа на...» Я услышал, как хрустнули крылышки мотылька в ее ладони, и этот хруст все возматал, пока не превратился в рев взбеленившегося носорога.

Я выпрыгнул из дивана силясь понять, что это за гул разносится по комнате. Оказалось, что шум состоял из двух никак не связанных компонент: противного скрежета древесины из дыры наверху, и грохота неведомого устройства, которое мастер поместил во чрево моих напольных часов. Выдохнув с облегчением, я опустил задницу обратно на свое ложе.

Печка еле-еле теплилась и воздух в доме был не намного приятнее уличного – будучи внезапно затянутым в страну сновидений, я не озаботился тем, чтобы подкинуть в камин побольше дров.

глава вторая

Как только бой часов смолк, я сполз с постели и отправился в ванную. Душ мне принимать не хотелось – было слишком прохладно, чтобы плескаться с утенком, но моя гудящая голова требовала воды. Найдя небольшой пластмассовый таз, я нацедил его до краев холодной водой и дважды окунул туда лицо. Подождал секунду, затем повторил процедуру. Стянул с вешалки одно из махровых полотенец и интенсивно растерся. Бриться не стал, однако зубы почистил – запах перегара паста не отобьет, и мой шеф будет просто купаться в зловонной смеси паров. Думаю, он согласится на отпуск, – хотя бы для того, чтобы я быстрее убрался из кабинета, куда не провонял его до основания.

Когда вернувшись в гостиную, я увидел на столике свой бутерброд, мой голодный желудок запел соловьем. Умяв его полностью, подавил желание облизать тарелку – до того он был вкусный, а я – голодный. Запах персика и лука еще присутствовал в кухне, я подумал, что было бы неплохо выпить чашку американо, однако моя любимая кофеварка стояла на кухне нашей квартиры в Косой горе. Раз уж мы теперь живем порознь, необходимо было забрать машину, ибо без чашки крепкого кофе (именно из моей кофеварки, поскольку я лично делал для нее смесь из двух сортов зерен, и ни один аппарат не мог повторить рецепт) мой день казался прожитым зря. Что ж можно было бы и собираться в контору.

Только я поднялся на не твердые ноги, как со стороны входной двери раздался оглушительный дребезг, – так стучатся ваши соседи, если вы случайно залили их квартиру водой. Кто бы это мог быть, учитывая, что здесь я совершенно один и мои соседи это белки, хорьки и птицы? Наверное, это Даша – местная почтальонша. Я выписывал сюда несколько изданий, конкурирующих с моим журналом, и проглядывал их, когда выдавалась свободная минутка – надо же быть в курсе того, в каком направлении развивается научно-популярная журналистика. (Кроме того, хотелось знать: не тиснул ли кто из конкурентов, ненароком, цитату из какой-нибудь нашей статьи или, скажем, использовал наше фото, не испросив на то разрешения.) Вообще-то греметь так – смысла не было, потому что на моей входной двери, за оградой, висел симпатичный ящичек, в котором, при желании, могла уместиться годовая подписка Популярной механики. Кроме того, Даша никогда не приносила мне скопившуюся за зиму макулатуру домой, – в первое же появление в этой глухомани, я сам отправлялся на почту и забирал все добро лично.

«Может сотрудники отделения уходят в отпуск или их контору на ремонт закрывают?» – раздумывал я, идя в прихожую.

Отворив дверь, я не обнаружил там девушку почтальона, зато там оказался невысокого роста мужчина, приятной внешности и вполне безобидный на вид. Он смотрел на меня с опаской и, вместе с тем, рискнул ломиться в мой дом. Я бросил быстрый взгляд за его спину: нет ли там еще кого, однако мужчина был единственным человеческим существом на моем газоне.

Я оглядел его сверху донизу: от венчика светлых волос, топорщащихся на ветру, морщинок вокруг глаз и безусого рта (лет на пять помоложе меня – как минимум), до пыльных кроссовок, расписанных черным и красным цветами, имеющих на язычке надпись: «Solo». На клетчатой рубашке с длинным рукавом, я обнаружил еще одну надпись – на нагрудном кармане – «Pittieeee*Fr». Гардероб довершали линялые джинсы, небесно-голубого цвета, на коленях которых красовались два-три пятна, оставленные чем-то похожим на машинное масло.

Мужчина поднял руку на уровень плеча и растопырил пальцы – как если бы намеревался показать мне карту линий своей ладони.

– В чем дело? – пробурчал я, досадуя, что пришелец появился весьма некстати.

– Мне нужна помощь! – проговорил он дрожащим голосом и совершенно не на моем языке.

Отучившись в МГУ имени Ломоносова, на факультете журналистики, я свободно общался на четырех языках, а по роду своей деятельности освоил еще три (правда, исключительно, как переводчик печатной продукции, – текстов связанных, в основном, с около научной деятельностью), поэтому почти что автоматически установил, что мой посетитель изъясняется на английском. Правда, не на английском англичан или американцев: то был какой-то особенный диалект. (Либо человек пытался общаться не на родном языке, а на международном – в наш век по-английски не говорит разве только отшельник из таежной глуши, правда делают это везде со своими особенностями. Например, профессор Майер строил свою речь так, словно читал по радио ужасно скучную и занудную пьесу, а его коллега Блатт тараторил, как цыганка-гадалка, перемежая английские фразы с немецкими, что позволяло ему, не снижая темпа речи, выбираться с честью из любой коммуникационной западни.)

Мужчина перед моим носом, очевидно, не был русским. Он мог принадлежать, вместе с тем, любой национальности, какая только в голову могла прийти: от флегматичного эстонца, до блондинистого андалусийца. Если уж на то пошло, незнакомец мог оказаться даже корейцем, поскольку у них там в моде менять разрез глаз при помощи хирургии.

Забегая вперед, замечу, что в целом я достаточно хорошо разбирал его речь. Правда, относительно некоторых фраз, у меня оставались сомнения (смысл отдельных вообще был непонятен). Мужчина нес полную ахинею и не удивительно, что многое из его исповеди показалось для меня сплошной заковыкой.

– Что с вами случилось? Отстали от группы, заблудились?

Мужчина хмурился и поглядывал себе под ноги, из-за чего я сделал вывод, что и мой английский для него непривычен.

– Вы что, турист?

– Тарис?? – переспросил он.

Облокотившись плечом на дверной косяк, я промычал:

– Хм.

– Хмм, – повторил он с жаром и кивнул.

Мне не понравились эти кривляния. Оттолкнувшись от косяка, я строго посмотрел ему в глаза и как можно медленнее отчеканил:

– Кто вы такой и что вам угодно?

Моя медленная речь и тщательно подбираемые слова (из списка самых наипростейших) возымели действие: пришелец, наконец, проникся смыслом моей реплики и ответил:

– Не понимаю, как я здесь очутился. Все вокруг, – рукой он описал полукруг, – все чужое, необычное. Эти деревья – впервые такие вижу! Здесь так сухо, так мало воды... Я захотел пить и зачерпнул немного из ручья, но в воде плавают какие-то мошки и что-то похожее на заварку – зеленого цвета.

– Это Ряска, – вставил я, – род многолетних цветковых растений. Но вы продолжайте.

– Можно мне войти? Солнце припекает, от этого еще больше хочется пить.

Мне совершенно не улыбалось его пускать, но я рассудил, что если пришелец опасен, то стоять с ним подле открытой двери ничем не лучше, чем в гостиной. Я позволил ему войти, однако полностью запираяться не стал – оставил створку слегка приоткрытой. Пока шел за ним, подумал, что будет неплохо напоить гостя, коли его, так обуревают жажда. Я показал ему на диван, но потом спохватился – мало ли что у него к штанам прилипло, а мне еще там спать, поэтому повернул к нему кресло и пригласил сесть.

– Дать вам воды? К сожалению, кроме нее ничего в доме нет. На алкоголь не смотрите – у меня вчера был день рождения.

– Воды? О да! Ужасно хочется пить, из ручья я не решился, так как неизвестно какие здесь могут быть заболевания.

– Да какие заболевания, – крикнул я с кухни. – Живот поболит, да и все.

– Вот держите. Это поможет.

Он с жадностью проглотил весь стакан жидкости и вытер губы.

– Вот это – чистая вода! – похвалил гость.

– Спасибо, мы качаем ее из своего колодца.

– Полоца??

– Да неважно. Так что с вами приключилось. Рассказывайте, а то я тороплюсь.

Мужчина поставил стакан на пол, выпрямился и на мгновение задумался. Я обратил внимание, что он все время держит одну руку под рубашкой, отстегнув пуговицу на животе и засунув ладонь в образовавшуюся щель, – так он стоял на пороге, так было и по сей момент. Меня это смущало, однако чувствовалось, что в тайнике том не было чего-то массивного, напоминающего, скажем, пистолет или нож.

– Я, как обычно в это время и бывает, – начал он, несколько успокоившись, – работал на станции: принимал заказы на транспорт. Заправлял, откачивал дигидраль, чинил кое-что по мелочи.

«Дигидраль? Он, что заправщик?» – подумал я.

– Вдруг, в тот момент, когда я расправлял шланг, меня словно ударило молнией: все кругом озарилось светом! Я потерял сознание, а когда очнулся, понял, что нахожусь то ли на каком-то странном лугу, то ли в негустом лесу, вокруг мгла стоит или туман, а моя станция испарилась, словно та вспышка выжгла ее дотла, так что и следа не осталось.

– Может вы ушли со станции в забытье, такое случается, бродили себе по округе, пришли в лес и уснули. Поскольку были не в себе, то естественно вся ваша прогулка в памяти не сохранилась. Где находится станция?

– На Земле Куотррррвбу.

– Где, где?

Мужчина повторил сказанное ранее.

– Я не могу вас понять. Может быть, на карте покажите? – Я принялся разыскивать телефон, чтобы запустить программу-навигатор. – Вы вообще-то, из какой страны будете?

– Я живу в Куотррррвбу.

Отыскав телефон, я запустил все-таки навигатор и продемонстрировал ему экран:

– Это поможет. Подождем секунду.

Когда на экране сформировалась карта Щекинского района, я всучил ему телефон и сказал:

– Вот, ищите. – Мужчина схватил трубку, а затем принялся лупить ее так, словно никогда не видел подобной вещицы. В нетерпении я выхватил телефон и, наклонившись, стал медленно двигать карту туда-сюда, следя при этом, чтобы его глаза были направлены на нее.

– Узнаете что-нибудь: реку, дорогу, озеро? Может знакомое название... вы, вообще-то, читать по-русски умеете? – Он растерянно покачал головой. Я шумно выдохнул и прекратил совать ему карту. Заскрипела дверь в прихожей – я оставил ее приоткрытой, поэтому ветер играл с полотном, как рыбка с качающейся на волнах тростинкой. Створку в гостиную я вообще распахнул настежь, полоска падающего с улицы света, скользила по полу, заставляя отдельные доски наливаться сочными яркими тонами.

Я принялся ходить взад-вперед по комнате, периодически задавая ему вопросы: например, спросил какие города или поселки расположены рядом с его заправкой – он заявил, что поблизости нет никаких поселений; спрашивал о том, как называется место, где он работает, на что гость отвечал: «ЭКОПИТ-14». Я набирал название в интернете, но мне выпадало лишь: ЭКОЛОГИЯ... ЭКОНОМИКА... ПИТСТОП... БРЕД ПИТТ.

– Большая она, ваша станция? – Входная дверь грохнула, сработала защелка, и мы оказались отделены от переливчатого света дня с его неустанной беготней. Странно, думал я, что-то помалкивает моя ива наверху. Мне становилось жарко, и пот уже тек ручьем, как бы шеф

не отправил меня под душ, не дав даже рта раскрыть. Я взбежал на кухню, набрал и себе стакан воды, когда выпил, слегка охладился. Подхватив из-за стола легкий стул из алюминиевых трубок и серого дермантина, я снес его в центр гостиной и опустил зад.

– Так как велика ваша заправка или станция, как вы ее называете?

– Стандартная: 10 или 12 унофингер единиц в ширину. Хотя остров, конечно, не идеально выровнен: в отдельных местах может быть и 6 единиц.

«Унофингер? – задумался я, – вероятно, какой-то жаргон».

– Погодите-ка, заправка на острове? А что вы там делали, говорите, откачивали димидрол?

– Дигидраль.

– Ага. Знаете что: я регулярно бываю на всяких заправках и кроме денег, там ничего не откачивают. Я сроду не слыхивал ни про какой дигидраль, и островов здесь в помине нет, вы что, с Марса?!

– Я из Куотррррвбу!

– Ну конечно! Откуда же еще вам быть. Я пытаюсь найти ваше название в поисковой программе, но она выдает ошибку в написании.

Я встал и прошествовал к дивану. Раскопал ворох из одежды, блокнотов и документов, нашел свой ежедневник с обложкой под красно-коричневую кожу и ручку-роллер от фирмы Parker. Все это добро я выложил перед мужчиной на сиденье своего стула, вырвал чистую страничку из ежедневника, накрыл ею обложку. Дал ему ручку и попросил написать текстом название станции, про которую он говорил. Секунду-другую он вглядывался в предметы (особенно его заинтересовала ручка) и мне показалось, что и из этой затеи ничего не получится, но вдруг, он приложил ролик прибора к плотному листку и сделал несколько росчерков. Затем мужчина принялся сосредоточенно выводить на бумаге какие-то закорючки. Закончив дело, он положил ручку и глянул на меня. Я подхватил лист и несколько секунд разглядывал его каракули, потом посмотрел ему в глаза и со всею своей редакторской строгостью произнес:

– А ну-ка немедленно убирайтесь из моего дома.

Он прытко вскочил, в глазах появился испуг.

– Нет, нет! – запричитал он, – мне нужна помощь, прошу вас, я должен попасть домой!

– Выньте руку из-под рубашки, – рявкнул я. – Выньте чертову руку, что вы ее там держите. Это меня нервирует!

Он нехотя вытянул руку, и я отшатнулся – на большом пальце повис какой-то довольно крупный и противный на вид, жук. Насекомое напоминало массивное тыквенное семя, только не белое, а темно-коричневое. На одном его конце находился нарост, напоминающий шпагу, на другом – две увесистые клешни и ими же злодей держался за палец заправщика с Куотррррвбу, да так крепко, что прокусил бедняге кожу и красная полосочка крови (правда, уже подсыхающей) протянулась от ногтя внутрь ладони.

– Откуда это у вас? – нахмурился я, рассматривая существо. Немного времени у меня заняло для того, чтобы идентифицировать насекомое, – все-таки я два года проработал в издании специализирующемся на зоологии и ботанике, к тому же пересмотрел уйму передач, освещающих подобные темы, но как бы то ни было – насекомых я не любил.

– Оно прицепилось, когда я пытался попить из ручья, – ответил мужчина довольно будничным голосом, словно бестия совсем не доставляла ему беспокойство.

– Не мудрено, – изрек я назидательным тоном, – вы ведь ворвались в его владения. Это типичный *Nepidae*, проще говоря, – водяной скорпион. В здешних водоемах таких полно. Усаживайтесь в кресло, сейчас я освобожу вашу руку.

Мужчина округлил глаза, приложил руку с тварью к животу, а другой накрыл сверху: выглядело все так, словно он защищал бриллиант, который я собирался похитить.

– Вы ведь не причините ему вреда? – Его голос был исполнен тревоги.

– Вообще-то, еще как причиню. А что?
– Маленького приятеля нельзя убивать!
– Ага, так вот какие у вас приятели, – возмутился я. – А я тогда кто? Вы что, «зеленый»?
– В томе 131 (каноническом) сочинения «Жизнь людей и зверей» – Альберта Бремса – черным по белому сказано, что приятелей (и больших и малых) следует почитать, ибо на гармонии отношений основано правильное взаимодействие всех частей Абсолютума!

Название автора сочинения показалось мне смутно знакомым, но я не предал ему значения.

– Правда?! – попытался я пошутить, – а я думал, что вы просто палки в колеса вставляете, тем, кто нефть добывает.

– Ладно. Присаживайтесь, не причиню я вреда вашему другу. Я вырвал еще один листик и соорудил из него небольшой конвертик, затем вставил острое ручку промеж пальца и клешни насекомого, другую клешню ухватил своими пальцами и принялся разжимать объятя. Жук хоть и был силен, но разве что в сравнении со сказочным мальчиком с пальчик, поэтому я без труда отцепил приятеля, после чего он шлепнулся на пол, а я сгреб жука в конвертик и перегнул краюшек, чтобы бестия оказалась заточенной внутри. Я прищемил край при помощи ножки стула, стараясь не навредить жуку, потом встал с колен и сказал:

– Ну а теперь пошли, обрабатываем ваш палец.

– А это... – Он указал на конвертик.

– Это я съем на обед, ведь только ими и питаюсь. Поскольку он снова встревожился, я махнул рукой и поспешил заверить пришельца, что мы вместе выпустим его на волю, после того, как закончим с раной, и жук благополучно улетит себе восвояси.

– Как боб?

– Какой боб? – устало переспросил я.

– Летающий боб. Это тот транспорт, который я обслуживаю.

– Ну да. Именно, как то самое. А теперь пошли лечить руку. Как тебя, кстати, зовут?

– Хорн Алон.

– Почти как Ален Делон, – подмигнул я, показывая путь в ванную.

Я уже решил, что имею дело с дурачком – из той категории, что порхают по миру, как безобидные бабочки и видят повсюду только блаженство и красоту; прощают обидчиков на раз, даже если последние нисколько этого не заслуживают, и пишут письма Деду Морозу – справиться о том, не скучно ли ему там, в далекой Лапландии. Прежний вопрос: откуда взялся это больной, перестал меня занимать, ибо вполне логичным выглядело то, что именно такой тип мог забрести незнамо куда и оказаться неведомо где. Прибыл, наверное, с какой-нибудь туристической группой и пропал. Сейчас его, скорее всего, всюду разыскивают, и лучшим я счел, просто выставить его за дверь, следуя правилу, что найденные ключи нужно вешать там, где их потеряли.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что парень не мог (со своими летающими бобами) прийти из далекого далека, а значит тащить его в город, будет опрометчивой ошибкой. Этим приемом, я только отдалю момент его встречи с поисковой группой; пусть побродит себе на солнышке, а там, глядишь, к вечеру уже окажется среди своих.

Я усадил его на край ванной, поднял раненую руку, чтобы он ненароком не испачкал рубашку и двинулся к умывальнику, где в шкафчике за зеркальной дверкой хранилась аптечка. Мимоходом оглядел свое лицо – красную помятую дыню, на верх которой нахлобучили парик от куклы и нарисовали пару глаз. Ох, и вымотал меня иностранец, к тому же по его милости я опаздывал на целый час. Достав аптечку, высыпал содержимое на столешницу умывальника, выбрал из кучи два пузырька: перекись водорода и хлоргексидин. Покрутил в пальцах и решил использовать второе, ибо перекись обладала коротким действием, а я не ведал, сколько часов мужчина – Алан или Ален – будет еще бродить по округе притягивая к себе всякую нечисть.

Отрезав кусочек бинта, изваял из нее подушечку и щедро пропитал лекарством. Потом включил воду, намылил его палец и тщательно вымыл. Влил в ранку хлоргексидин, потом решил добавить и перекись – так как лекарства оказались прошлогодними – заткнул рану тампоном, а сверху придавил его же вторым большим пальцем, заставив парня сосредоточить усилия на тампоне, хотя бы на какое-то время.

Я собирался дать ему что-нибудь внутрь, типа обезболивающего, но средихлама тюбиков и пузырьков нашелся лишь витамин «С», в виде драже. За неимением лучшего, вытряс пару шариков и вручил Алану, сопроводив словами, что это самое сильное обезболивающее, которое только у нас выпускают: эффект плацебо, по-моему, это то за счет чего многие препараты годами не выходят из моды.

Проводив его до порога, я сунул ему конвертик с жуком и сказал, что раз он мне не доверяет, пусть сам выпустит насекомое на траву. Как только он сделал это и повернулся ко мне спиной, я захлопнул входную дверь и запер ее, прошел к окошку и распахнув створку обратился к гостю со всею мягкостью и душевностью, на которую только был способен мой голос.

– Послушай Ален.

– Меня зовут Хорн. Хорн Алон.

– Окей, дружище. Не обижайся, но помочь тебе я не в силах. Поброди по округе, поищи других людей, может и выйдет какой толк. Нет, правда, я сделал все, что мог, но понятия не имею, как доставить тебя домой. Я очень спешу, так что прошу, уходи.

– Хорошо, – изрек Хорн после недолгого раздумья. – Похожу по округе. Спасибо за все! Ты отличный парень.

Потом он поднял крепкую лапищу и, растопырив пальцы, застыл. Машинально, я повторил его жест, и это мгновенно подействовало: оставив мне на прощание образ своей грустной улыбки, Хорн Алон отвернулся к лесу и побрел нехотя за ограду.

Я вздохнул с облегчением, искренне считая, что так только к лучшему и пошел собираться в контору. Проходя мимо стула, я поднял листок, на котором остались каракули Хорна, рассмотрел его внимательно и подумал: до чего же доходит людское воображение, когда оно принадлежит больному на голову человеку. Хмыкнув, я бросил бумажку на стул, оставляя шедевр сторожить дом в мое отсутствие. Два этих странных солнца на бледных небесах, летающую тарелку, похожую на семечко череды трехраздельной, стилизованного человечка со шлангом в поднятой руке, и, наконец, причудливую надпись под изображением: треугольник, окружность с точкой внутри, перевернутый треугольник и птичка, похожая то ли на кенара, то ли на попугая.

По пути в Тулу я постоянно напоминал себе, что если попадусь в лапы гаишников, их острый нюх, вместе с некоторой помятостью моего лица, без труда помогут определить, что накануне задержанный позволил себе небольшой праздник, а этот факт я собирался сохранить в строжайшем секрете, исключая своего шефа, конечно. Поэтому машину вел аккуратно, соблюдая все необходимые правила и даже прибавляя кое-что от себя, дабы продемонстрировать всем и каждому, какой я фанатик образцовой езды.

Представляя широкую физиономию главного редактора, витающую над столом подобно восшедшей над руинами круглоликой луне, я внутренне съеживался и раздумывал – с чего же следовало начать наш нелегкий разговор (общение с шефом всегда было тяжким бременем для любого).

Потом мне припомнился сон, в котором мы с Женей гуляли по обрыву незадолго до свадьбы. Этот сон тревожил меня: в нем содержалось что-то такое... непоправимо трагичное, чего я хотел бы не знать, но с другой стороны, нутром чуял – важнее этой неуловимой детали не было ничего. Она что-то сказала в конце той бестолковой беседы: какую-то фразу, заключившую в себе основную идею нашего брака. Как я мог позабыть? Но, ведь, в то время мне

это казалось неважным! Пара молодых людей на обрыве, осыпаемая пожелтевшей листвой. Я играл с ней в ассоциации, пытаюсь выяснить, что чувствует любимая женщина ко мне – своему избраннику, к нашим с ней отношениям. Какой вообще представляется для нее любовь – это странное свойство, встроенное в бытие человеческое. Она городила какие-то глупости: салатная, как пух... сущая девочка, да и только!

Салатовая... как пух... а дальше? Что она сказала в конце – я не помнил. Имело ли это такое уж значение или я просто сгущал краски? Интуиция подсказывала, что вспомнить было необходимо, но этот ларец оказался заперт на сто замков.

Мой шеф – главный редактор журнала «Доступная физика», занимавшегося (в меру своих сил) популяризацией науки, и выходившего тиражом 90 000 экземпляров (не «Популярная механика», конечно, но все же количество тысяч звучит внушительно), смотрел на меня не радостно. Это был приземистый мужчина, шестидесяти пяти лет с широкими плечами и крупной головой, которая – из-за лысины – могла бы считаться уродливой, однако выглядела почти миловидной благодаря четырем завиткам детского пушка, худо-бедно прикрывающего поблескивающую плешь. Дополнительную грозность его голосу придавали глаза, цвета водянистого голубинового помета и седые брови такой густоты и неряшливости, что растительность на болотных кочках, казалась благородными хризантемами в сравнении с этими растопыренными кустами.

Шеф очень сердился и в раздражении сжимал кулаки, но вовсе не потому, что я опоздал на полтора часа – он полагал, что я еще за границей и вернусь лишь к среде. Он был раздражен из-за этих несчастных двух недель отпуска, которые я у него вымаливал. Не помог даже перегар, старик лишь напутственно заметил, что де закусывать надо как следует и по утрам тщательно прополаскивать рот. В его речи ощущалась не столько мудрость, сколько опыт, накопленный годами практики – все в редакции знали, что шеф был мастак закладывать за воротник. Хотя ум, как известно, не пропьешь – благодаря чему он и держался в главных редакторах уже пару десятков лет, и делал это с известным блеском (когда не занимался сбором дополнительных источников спроса на наше издание).

– Да в чем проблема-то! – канючил я, – пара недель погоды не сделает.

– Вот именно. А мне нужна погода. На носу сдача номера, кто будет заниматься рецензентами? Несколько статей сырые, нужно править, править и править!

– Править, править... – передразнил я, – у нас тут что, кузница или автосервис! Отдайте рецензентов Лизе, она их всех знает, разберется. Я отхлебнул из стаканчика глоток кофе, которое купил в забегаловке на соседней улице, и скорчил рожу: оно ничуть не походило на то, что делала моя кофеварка.

– Матвей, тебе не стыдно? Лиза – корректор.

– В нашей редакции даже уборщик мог бы быть отличным корреспондентом, – парировал я. – И, кстати, о корреспондентах, – не я ли мотался в Швейцарию собирать материал, пока ваш любимый путешественник лечил насморк?

– Грипп.

– Пусть так, но я не на прогулку съездил. Работы, знаете ли, хватило с лихвой! – При этих словах я вспомнил, как мило мы беседовали на вилле Майера, прихлебывая коньяк стоимостью в 7 000 долларов, и обсуждали перспективы развития современного виноделия.

Шеф откинулся на спинку потертого кресла и мрачно пихнул блокноты и ежедневник, которые я разложил перед его носом, словно сноровистая гадалка из ярмарочного павильона.

– Вижу, что ты хорошо поработал, поэтому-то я и против отпусков: ты ответственный работник, моя правая рука, на тебя можно положиться, а ты хочешь оставить меня одного выкручиваться тут? Разве сейчас подходящее время для этого? – Кожа на его кресле снова затрещала, когда упитанная туша подалась вперед.

Глядя поверх его макушки, я созерцал фотографии, украшавшие хрупкие обои позади кресла. Среди прочего, там был молодой шеф в блестящих очках с черной оправой, панаме и с крупным окуном растянутым в руках, наподобие складного метра. За плечами маячила удочка, леска которой повисла на кусте жимолости и может даже запуталась, пока не свой от радости шеф, вытягивал рыбину из водоема.

– Но... – начал я.

– Нет и точка. Ты глянь на свои бумаги, кто будет разбирать твой почерк, я что ли? Следует скомпоновать материал, подобрать рубрику и так далее. Короче проваливай. Займешься работой, и дурь постепенно выветрится. Вон.

– Шеф, – промямлил я, – так я же и собираюсь работать, только дома – за городом. Мне нужно побыть вдали от города эти две недели, очень нужно. – Потом я рассказал ему про свою непростую ситуацию вокруг семейного очага и с тихим ликованием наблюдал, как оттаивает его непробиваемый, как арктическая толща, взгляд. Он удивлялся, шурился, пытался просканировать мои мысли своим всеведущим третьим глазом и тот верещал, что я не вру и дело плохо.

Он и вовсе расчувствовался, когда я упомянул, что чистый воздух и небольшая рыбалка поспособствуют решению моих трудностей, а работа будет продолжаться посредством связи через интернет. Я даже не против прихватить кое-что сверх требуемого, чтобы разгрузить начальника от забот, а то вон – милый его сердцу, декоративный перец на подоконнике совсем завял, того и гляди останется глава редакции без диковинной пряности.

Шеф выбрался из-за стола, прошелся к окошку, но не для того, чтобы проведать горшок с цветком. Оперевшись на подоконник, он долго рассматривал улицу, на которой как раз и располагалась кофейня, торгующая этим мерзким кофе. Не знаю, что его так заинтересовало там: быть может магазин с трикотажем, или тот – соседний, где как раз проходила распродажа обуви. А, может, под окном прогуливалась необычайно красивая девушка? Наконец, он удостоил меня вниманием и произнес:

– Ладно, твоя взяла. Зайди в отдел кадров и оформи заявление. Чтобы через неделю статья была готова и, Матвей, меня порадовали твои слова, где ты упомянул, что возьмешь кое-какую дополнительную работу.

– Конечно! – вскочил я, ликуя. – Не сомневайтесь, что-нибудь прихвачу. Все будет выполнено к положенному сроку. До скорого!

– Принеси заявление!

Но я уже был наполовину вне кабинета и бросил через плечо:

– Оставлю в отделе кадров, она передаст.

Офис редакции занимал весь второй этаж старого здания, стоящего на одном из переулков Центрального округа, поэтому вокруг нас всегда царил шум-гам, к которому мы привыкли и уже давно не обращали внимания. Шеф не скупился на имидже редакции, поэтому просторный коридор, соединяющий офисные помещения и отделы, всегда был ухожен, чист и вообще выглядел – как на рекламной картинке: бежевые стены, ровные потолки, сверкающие, словно меловые уступы Вольских карьеров; очень современные светильники, пара бутылочно-зеленых кресел, дерматин на которых, не имел даже пятнышка (поскольку на них никогда не садились); линолеум на полу выглядел богато и не пучился, по углам стояли дополнительно две-три кадки с причудливыми кустами, широкие листья которых протирались от пыли нашей проходящей уборщицей, для нее, кстати, был оприходован небольшой закуток – рядом с бухгалтерией – который долго не находил для себя применения, теперь же там хранились ведра со швабрами. Особый шарм коридору придавало углубление в стене, украшенное фотографиями и рисунками. В основном, это были работы нашего художника Калинина, и, обработанные снимки корреспондентов, добытые в разных уголках мира. (Куда их заносил капризный ветерок читательского спроса, формирующий рубрики нашего издания.)

К кабинету главного редактора примыкала моя собственная берлога. Далее находилась комната, в которой трудились четверо задорных молодых ребят: два штатных корреспондента, дизайнер и художник Калинин. За ними были отделы бухгалтерии и кадров, потом – кладовая и туалет.

По другую сторону располагались комната отдыха – «курилка», как мы ее называли, хотя курить в ней категорически запрещалось, как, впрочем, и в туалете. Далее – архив, за ним отделы корректуры и верстки. Замыкая круг (напротив моей двери), худо-бедно уживаясь вдвоем в тесном закутке, отирались мои заместители.

Может показаться, что нашему журналу не доставало людей, но смею вас заверить, что издавать журнал не так уж сложно: к примеру, два наших корреспондента являлись лишь верхушкой айсберга, но существовала еще друга скрытая под занавес конспирации, многочисленная армия внештатных тружеников, большинство которых работало из интереса к делу. (Разумеется, полученную таким путем информацию еще надо было просеивать через сито, однако те, кто проявляют рвение бескорыстно, оказываются зачастую более талантливыми, организованными и компетентными, чем целый табун породистых профи.) В общем, мы как-то справлялись и ни на что не жаловались.

Первым делом я забежал к секретарю и написал заявление на отпуск, попросив отнести его на подпись шефу, когда я уже уйду: ну, скажем, через часок-другой (я хотел, что бы он забыл о моем присутствии в конторе, а то мало ли что придумает), потом отправился к себе, где пролистал календарь предстоящих публикаций. Затем пронырнул в кабинет своих замов, один из которых корпел за столом, другой был откомандирован в Санкт-Петербург, где на этой неделе проходил форум, посвященный возможностям и перспективам изданий, выходящих в онлайн-формате, прыжок во всемирную паутину мог пойти на пользу нашему журналу, имеющему до сих пор только гляцевую версию. Мы поздоровались, и я тактично поинтересовался, как у него идут дела. Мой зам – щепетильный человечек с гладко причесанными черными волосами и нервными пальцами, взирая на меня в астигматические линзы очков, заверил, что все идет без сучка и задоринки. Я знал, скольких бессонных часов это стоило моему сотруднику, поэтому, когда вызвался помочь с работой, не только его лицо, но и очки засияли от радости. Пока мы просматривали бумаги, помощник расспрашивал меня про Швейцарию, я ответил, что там хорошо: не очень холодно и повсюду тикают часы.

Лизы – нашей корректорши – на месте не оказалось. Я решил, что она пьет кофе в «курилке» или ушла в туалет. Ждать не стал, в туалет тоже не пошел – выбрал «курилку». Лиза и в самом деле оказалась там, да не одна: наш художник и фотограф составлял ей компанию, увлеченно дергая за рычаги стоящего у двери аркадного автомата, который молодые сотрудники купили в складчину на распродаже списанной техники. Когда я проник внутрь, его улюлюканье, сливаясь с музыкой производимой чревом игровой машины, и ударами пальцев по кнопкам – каждая из которых по размерам чуть-чуть уступала хоккейной шайбе – заставило меня вспомнить за что я не люблю верхние этажи торговых центров, где обычно и устанавливали подобных пластиковых монстров, пищащих, визжащих и грохочущих так, что заводской токарный цех, по уровню шума, мог показаться уютным городским садиком.

– Заканчивай в игрушки играть! – рявкнул я, морщась от недовольства. – Здесь, вообще-то люди работают и сейчас не обед.

– Еще пару минут, – воспротивился Калинин, – мне надо догнать Ефима – его рекорд держится уже два месяца, это очень необычно, не находите? Я должен убедиться, что здесь все чисто, а то знаете что...

– Ты можешь поставить на паузу?

– Нет, – соврал Калинин.

– Тогда я выдерну шнур, когда отыщу его.

– Секунду, нашел, как включить паузу, – испугался фотограф за свои очки.

– Отлично! Ступай в офис и прибери стол, я скоро приду и скину кое-какие фотографии. Это срочно.

Калинин заткнул автомат и повернулся:

– Ты хоть бы поздоровался!

– Для этого необходима тишина и внимание. Ступай. Мне надо поговорить с Лизой.

– Как там Швейцария, – бросил он, ковыляя мимо. (Калинин носил ортопедический ботинок.)

– По-прежнему сохраняет нейтралитет, – ответил я ему в спину.

Я прикрыл дверь и глянул на Лизу, которая сидела на мягком диване, сняв красные туфли без каблука и погрузив маленькие ступни в густой ковровый ворс. Эта симпатичная блондинка по своему темпераменту могла бы быть революционеркой или кладовщицей-товароведом, но выбрала тяжкую и неблагодарную участь стоять на страже правописания, исправляя нелепости, что нерадивые сочинители статей, по простоте и неведению считали грамотной формой изложения мыслей на бумаге.

Корпя над текстами не один год, девушка сохранила в целостности зрение и не носила очков. Взгляд зеленоватых глаз всегда был прямым и несколько легкомысленным, что не увязывалось с ее врожденным талантом выискивать ошибки и выправлять абзацы с такой же легкостью и прилежанием с какой кузнец выгибает железный прут, превращая бездушное нечто в изящный вензель способный передать целую историю.

Лиза захаживала в спортзал и была умеренна в еде, что стройнило ее талию почище корсета, ногти она стригла коротко и накладных не носила, предпочитая естественность. Обожала красную помаду, черные чулки и рваную челку до бровей. Могла дружески хлопнуть вас по плечу и сходить попить пивка после работы, но большего не позволяла, храня верность своему идеалу, нетленный образ которого держала в строжайшем секрете, по причине чего каждый холостой мужчина в редакции (может быть, даже сам шеф) в тайне надеялся оказаться «тем самым парнем», но тридцатипятилетняя корректорша не делала различий в общении ни перед кем, блюдя интригу до последнего.

Пока я брал один из трех стульев стоявших в комнате помимо дивана, Лиза натягивала свои туфли. Я подождал, пока она закончит, сориентировал в нужном направлении стул и сел.

– Привет, – сказала она с улыбкой, – с возвращением, блудный сын!

Я нахмурился, стараясь принять строгий деловой вид, но ее вытянувшиеся губы противостояли моим усилиям.

– Не такой уж и блудный. Вспомни, – лететь должен был другой человек.

– Виктор в тебя верит. Говорит, что ты отлично справишься.

– Ну конечно, просто ему опостылело мотаться по миру. Как он, кстати?

– Все уже позади, скоро выписывается и снова будет в строю, – усмехнулась она.

Покачиваясь на стуле, я раздумывал: могу ли ему доверять – ножки под сиденьем прямо ходуном ходили. Мои глаза пробежались по комнатке, от которой я уже успел отвыкнуть, взгляд задержался на старенькой кофемашине, которую приютили в уголке, установив на маленький складной столик. Лиза вычислила, куда я смотрю и спросила:

– Хочешь кофе?

Я мотнул головой:

– Если по части зерна ничего не изменилось, то нет.

Девушка рассмеялась.

– Да! Антонина Петровна – та еще бариста.

Она имела в виду нашего бухгалтера, которая загружала в аппарат самое дешевое кофе из «Пятерочки», имеющее на пакете отметку «Красная цена». Кроме нее обслуживать кофемашину за свой счет никто не собирался.

– Почему она не может покупать что-нибудь попрличнее?

– Ты же знаешь, что в бюджет нашего предприятия не заложен кофейный аппарат.

– Да, точно, – согласился я и кашлянул. Уставясь на меня ясными глазами, девушка терпеливо ждала.

– Хотел поздороваться и сообщить тебе, что уйду в небольшой отпуск, но буду продолжать дела, выходя на связь через интернет. Так что настраивайся на общение по веб-камере и не расслабляйся – деятельность наша с моим отсутствием не остановится.

Неожиданно, она наклонилась вперед и, мягко дотронувшись до моего колена, обеспокоенно спросила:

– В отпуск? Перед праздниками. А что произошло, ты ведь и так отсутствовал две недели.

Не успел я отодвинуть колено, а она уже убрала руку – словно маленькая птичка-попрыгунья, по ошибке принявшая за ветку человеческую конечность. Я задумался: делала ли она так раньше когда-нибудь? Дотрагивалась ли ненароком? Хм. Вполне может быть.

– Почему всем и каждому думается, что я на прогулку летал! – вспыхнул я, вспоминая фуршет с икрой и сыром «Стилтон» в конференц-зале отеля «Лимматоф» по случаю блистательно завершившегося эксперимента, проведенного командой профессора Йозефа Майера. – Лиза, мне очень нужно сейчас побыть в относительной тишине и покое. Я поживу за городом...

– В Родничке?

– Рудничке. От слова «руда».

Я продолжил:

– Мне надо заняться домом... На крышу дерево рухнуло – увидев ее испуганное лицо, я замахал руками и уверил, что никто не пострадал, да и дому нанесен лишь минимальный ущерб.

– Таким образом, мы с тобой, и с другими (поспешил я добавить) поработаем в несколько ином формате, чем обычно, ничего страшного от этого не случится.

– Думаю, нам всем понравится. – Я встал со стула, намереваясь посетить Калинина, который уже прибрал стол и ожидал меня. (А на самом деле ему не терпелось дожидаться момента, когда я оставлю его в покое, и он сможет вернуться к своим игрушечным драконам и гоблинам.)

– Мне не понравится, – игриво надулась Лиза, выбираясь с дивана. – Мне нравится видеть тебя в конторе.

Я резко повернулся, может, чуточку резче, чем следовало. Отметил проходя, что скулы на ее лице почти не выдаются, как это было у Жени. Вот бы и моей жене набрать капельку жира, чтобы черты не выглядели угловато. Ей нравится меня видеть? Это что, шутка или высказывание с подоплекой? Наверное, решил я, в свете последних дней мой разум по новому оценивает совершенно обычные ситуации: то, на что ранее я не обращал внимания, теперь проступает на первый план – навряд ли тех картинок-иллюзий, где фон и изображение меняются местами, если всматриваться очень пристально.

Я решил, что Лиза разговаривает вполне в своем духе, а мой предстоящий развод попросту намекает на то, что хорошо бы начинать подыскивать замену прежней хозяйки коттеджа в поселке Рудничок. «Ну, уж нет, – возмутился я. – Женю я верну, и рассюсюкиваться с другими женщинами не стану». Прямо сегодня и займусь этим делом.

– Ты так добра, – ответил я на Лизину любезность и быстренько покинул помещение.

– Вау! – стонал Калинин, разглядывая мои фото, доставленные из страны банков и шоколада – те самые, что должны были сопровождать статью о наиважнейшем научном открытии последних десятилетий. Мы соединили мой телефон с его компьютером и вывели на экран около десятка превосходных изображений. Наш дизайнер – долговязый тип, который вечно расхаживал в одних и тех же стоптанных кроссовках, интенсивно разжевывая никотиновую

жвачку (вероятно, как и кроссовки, эксплуатируемую многократно), также склонился над столом Калинина, столкнув на пол несколько эскизов.

– Это она?! – вытупился на меня Калинин.

– Похоже, – вставил дизайнер, чмокая губами.

– И как же они тебя пустили внутрь?

Я скромно пожал плечами и веско заметил:

– Ну, я ведь не просто журналист с аккредитацией, все-таки заместитель главного редактора успешного научно-популярного издания, а учитывая, что им надо растрюбить о своем успехе по всему миру, без некоторых исключений с их стороны не обойтись.

– Ты гений, шеф! – Для Калинина шефом являлся я, а нашего редактора он окрестил – «старикан», так как был лет на тридцать с лишним моложе. – Чертов гений!

Дизайнер подался к экрану и тронул ногтем одну из фотографий:

– А это? Это и есть – их прорыв, изобретение века?

– Именно, – важно ответил я, вспомнив, как хохотал физик Блатт, когда я сравнил поверхность устройства с глазом насекомого.

– Ну и ну! – продолжал восторгаться Калинин, грохоча под столом своим ортопедическим башмаком.

Наконец, презентация мне наскучила, и я сделал знак отсоединить мой мобильник. Художник перегнал фото в компьютер, вытащил из гнезда шнур и вернул мне трубу.

– Так что постарайтесь на славу, ребята, – наставлял я сотрудников, – может быть, это самый ответственный выпуск из всех, что мы до сих пор делали. Обложка должна соответствовать.

При этих словах я строго посмотрел на дизайнера, который порой позволял себе увлекаться, и добавил:

– Помни, тебе не комикс предстоит украшать.

Ребята заверили меня, что все будет, как в Швейцарии: тютелька в тютельку. Я кивнул, поблагодарил их за понимание и вышел вон.

Проходя к лестнице, я на секунду задержался перед стеной с фотографиями. Вспоминаю, что когда встал вопрос о выборе того, что втиснуть в рамки помимо экзерсисов нашего иллюстратора, мною лично были выбраны шесть фотокарточек из собственного, весьма объемистого архива. Эти шесть, сделал когда-то давным-давно человек, с которым я сотрудничал в бытность работы в другом издании. Человека того уже не было в живых, издание же до сих пор существовало, еле-еле удерживаясь на плаву, – в основном благодаря самым верным своим подписчикам, полюбившим журнал еще в школьные годы и скудным пожертвованиям, о нужности которых, постоянно приходилось напоминать. В те славные времена фотографии еще не научились добывать на стоковых сайтах и охотой за лучшим кадром занимались собственные фотокорреспонденты.

Послунявив подушечку пальца, я потерял жирное пятнышко на стекле, – как раз под лапкой молодой рыси (подтянутой и стройной), которую запечатлел свет, когда будучи довольной жизнью, она не стала противиться щелчку затвора фотоаппарата, а наоборот решила явить себя в самом занимательном ракурсе, поставив на бревно мягкие подушечки лап и смело разглядывая человека за объективом. А на соседней картинке, большая птица – скопа – выхватила из воды рыбину, чуть ли не в половину своего веса и деловито тащила к гнезду.

Как ему это удавалось, раздумывал я: без сценария, без плана, без долгих позирований и уговоров. Он, словно умелый рыбак, просто наблюдал за миром, как за поплавком, не дергаясь понапрасну, не суется, а когда наступал тот самый – наиважнейший, быть может, единственный в своем роде, момент – жал на кнопку и чудо запечатлевалось навечно. Вот он-то, как раз и был самый настоящий гений, а вовсе не я. (Как отозвался обо мне наш художник.)

Хлипенький старичок с самодельной фототехникой являлся самым, что ни на есть, настоящим поджигателем – не домов с имуществом, не сухих, как порох, торфяных болот, а покрытых толстой коркой льда, человеческих сердец. Эта птица, эта рысь, эта страшная жаба в арке из травы – все они узнавали когда-то в лицо своего невероятного летописца и биографа.

Где-то поблизости разговаривали по телефону – может быть шеф, а может, девушки из бухгалтерии рассказывали друг другу простой рецепт оригинального блюда. Из отдела верстки доносился грохот, чьи-то быстрые пальцы уничтожали клавиатуру... за стеной – внизу – шуршали машины, изредка гудя клаксонами. Какое-то странное успокоение охватило меня всего, может так подействовал вид фотографий старого друга или я предчувствовал... что грядет беда, и то было затишьем перед бурей?

Нежные пальцы легли на мое плечо, и на сей раз она не убрала руку, когда я повернул голову. «Делала ли она подобное раньше?» – мучил я самого себя.

– Ты что плачешь? У тебя глаза блестят от влаги, – спросила Лиза, принимая образ заботливой матери.

– Да нет, это росинки с травы, – неловко пошутил я, кивая на жабу.

Наверное, она уловила мое напряжение и перестала давить на плечо.

– Просто вспомнил одного человека, преданного делу до последнего вздоха.

– Ты – про Калинина? – удивилась девушка, бросив взгляд на стенку с изображениями.

Я поймал себя на мысли, что разглядываю ее руки сложенные под грудью – от чего та, с вызовом приподнялась под футболкой, – и мысленно отстегав себя кнутом, отвернулся.

– Некоторые изображения принадлежат не ему. Я работал тогда в другом журнале, тот парень снимал для нас потрясающие фотографии.

– Эти, с животными? – произнесла она, подходя вплотную, в связи с чем, мне пришлось немного отступить в сторону.

– Да.

– Ты никогда о них не рассказывал. Где сейчас этот человек?

– Его давно уже нет в живых, он был очень старенький. Старенький человек в плаще и с вечным фотоаппаратом на груди.

– Жаль. Сколько ему было?

Мне требовалось уже бежать, еще столько дел предстояло сделать. Я обошел Лизу, и, взявшись за ручку, приоткрыл дверь.

– Он умер не от старости. Его загрыз медведь, который, очевидно, не любил съемки.

Лиза резко повернулась и ахнула, приложив кончики пальцев ко рту.

– Он еще был жив, когда медведя удалось отпугнуть выстрелами, и хохотал во все горло, пока выпускал дух.

– Странно... Чему же тут радоваться?

– Ну, может, тому, что не придется многие месяцы терпеть унижение и боль: он никому не говорил, но на момент происшествия у него уже полтора года был раковый диагноз. Ладно, давай прощаться, – бросил я, выбегая на лестничную клетку. – Спешимся вскоре по интернету!

Быстро сбежав по ступеням, я поспешил к машине, обдумывая на ходу план покорения неприступной крепости, в которой спряталась от меня строптивая супруга-изменщица.

Первым делом следовало хорошенько поесть, так как вчерашний бутерброд уже давно переварился, а поскольку утром я спешил в контору, то не стал тратить время на завтрак. Мне нужно было что-нибудь начиненное под завязку белком, жиром и витаминами. Перебежав улицу, я ворвался в зал той же забегаловки, где часом ранее покупал кофе, однако больше я не собирался пробовать эту отраву, сосредоточившись преимущественно на пище. Зальчик был окутан полутьмой, народу мало, что было просто отлично, – не хотелось отвлекаться на лишнее.

Я заплатил за огромный беляш с говядиной, сырный салат с грушей и карпаччо, в качестве солидола (ибо не мог есть, не прихлебывая что-нибудь попутно) выбрал из холодильника маленькую бутылку «Боржоми». Примостился у окошка и принялся поглощать пищу, рассеяно взирая на перекресток – огни светофора гипнотизировали меня. Когда первый позыв голода был устранен и рассудок вернулся к жизни, я, попивая минералку, взялся за планирование предстоящего впереди остатка дня. (Ближайшее время было зарезервировано для стратегического удара, которым я собирался ответить на безответственное поведение супруги, дабы основательно повредить тот веревочный мостик, который она в своей голове уже проложила в будущее. В такое будущее, в котором мое существование категорически исключалось.)

Я такой человек, что ни за какие коврижки не станет изобретать велосипед, если такой уже существует, посему решил воспользоваться находкой Игоря и умиловить супругу огромным букетом.

Вскочив в Камри, я направился на улицу Ложевая, где находился приличный магазин цветов, под названием «Пион». Спустя четверть часа, я вывалился из дверей с большущей охапкой роз – таких алых, словно их дополнительно подкрасили, – завернутых в темно-зеленую плотную бумагу. Красивая, в тон лепесткам, широкая лента подпоясывала стебли, свисая на мой живот, словно щегольской кушак.

Вместе с букетом я приобрел нежно кремовый воздушный шар, на котором серебряной краской проступала надпись-послание: «Любимой жене». Прежде чем покинуть Тулу, я заехал только лишь в пиццерию, которая очень нравилась моей дочери, и взял две наисвежайшие пиццы «Мясное ассорти», одну из которых намеревался увезти с собой в Рудничок – ибо, когда еще удастся приготовить себе холостяцкий обед, – а вторую оставить в подарок.

Спустя пятнадцать минут, я был на подъезде к городку Косая гора. Мы с супругой предпочли когда-то жить здесь, а не в кишасей троллейбусами и такси, вечно неугомонной Туле, притягивающей к себе посетителей со всех окраин нашей области. С ее больницами, университетами, бесчисленными сувенирными лавками, торгующими расписными самоварами, пряниками и пастилой. Шум большого города претил нашей душе – покой же служил верным залогом сохранности слухового аппарата, даже в преклонные лета, а безмятежный сон по ночам, благоприятно отражался на нервной системе. Косая гора, вполне уютный, умиротворяющий городок: музей, школа искусств, мемориалы и есть даже футбольный стадион. Неподалеку, кстати, находится местечко, где сперва родился на свет известный литератор Лев Толстой, а потом – через полвека – Анна Каренина – милая девушка, с весьма трагичной судьбой.

Свернув на улицу Гагарина, я неспешно катил к дому из которого, не далее как вчера, выскочил в полном смятении, не видя перед собой ничего, кроме темноты ночи и призрачных маяков на столбах бульварных фонарей, уводящих меня в топь обсыхающих от вешнего паводка пустых полей.

Поднимаясь по лестнице, я машинально копался в кармане пытаюсь выудить застрявший в глубине брелок. Ключ от двери все еще принадлежал мне, и я им воспользовался, ощущая себя, почему-то, маленьким крадущимся вором, который подгадал момент, когда квартира окажется пустой. В принципе, зная расписание своих женщин, я именно это и сделал. Женя должна была находиться до семи на работе, девочка – как минимум до двух – получала порцию знаний за партой школы, стоявшей за пару кварталов от дома. Разувшись, я запер дверь, но ключ вытаскивать не стал, так как, кто его знает, – может Женя снабдила и Игоря подобным ключиком, благо у нас их было целых пять экземпляров.

Пройдя в комнату, я выгрузил букет и еду на запроваленную постель, а шарик просто отпустил, оставив его колыхаться по воле конвекционных потоков. Походив из комнаты в комнату, я не обнаружил каких-то особенных перемен и это меня обнадежило. Найдя одну из цветочных ваз, я щедро насытил ее водой и бросил на доньшко щепотку соли, поскольку так цветы дольше противостоят гниению. Налюбовавшись на сооруженную оранжерею, я мысленно похвалил

себя за эту феерию, постаравшись забыть, что идею подкинул ненавистный соперник. Потом привязал к колючему стеблю цветка шарик и отправился в комнату дочери, порыться в ящиках ее стола.

Моя дочь уже в ранние годы проявляла избыточную тягу к порядку, и теперь, достигнув одиннадцатилетнего возраста, нисколько не утратила способности складывать вещи на полуженные места, дабы потом не тратить часы на их поиски. Рядом с тикающим будильником, на котором была изображена какая-то стилизованная страшная рожа с глазами, похожими на человеческие, стоял декоративный кувшин с цветными фломастерами. Покопавшись, я извлек черный маркер с толстеньким стержнем.

Вернувшись в «цветочную», как я мысленно окрестил обновленное помещение, отловил шар и написал под серебряным посланием как можно красивее: «ПОДУМАЙ ЕЩЕ РАЗ!», а в конце подписался своим, разумеется, именем.

Затем я какое-то время рылся в шкафах, подыскивая себе необходимую в глуши одежду, ибо накануне собирался впопыхах. Добыл несколько пар носков из плотной шерсти (так как конец Апреля не шибко радовал теплой погодой), любимое демисезонное пальто, пару штанов и рубаш – вот и все, что я украл в собственном доме. Вернулся к шару и цветам, положил одежду на ту же застеленную кровать, сел в кресло и сидел минуты три, наслаждаясь тиканьем часов. Кое-что еще я решил сделать перед уходом, может этот шаг и был несколько сентиментален, однако и я – не гранитная статуя.

Порывшись в серванте, вытащил на свет подзабытую книгу, такую толстую, что ею можно было прибить не только муху. Книга была наполовину пуста, зато первая часть – хранила бережно память трех человек. Это был наш альбом с семейными фотографиями: вот я и Женя на природе. Стоим на фоне деревьев, а жена держит в руке ту самую гребенку, которой я пытался согнать с дерева напугавшего меня ската; вот Женя со своей матерью сидят на тахте, а три собаки подле них зачарованно поглядывают на хозяйку – в глазах бесконечное обожание; вот маленькая Нина, одетая для зимы (в крохотное, словно на куклу, пальто, с пришитыми на резиночках к рукавам, – чтобы не потерять ненароком – любимыми варежками). Как много у нас этих образов: прохаживаясь по ним взглядом, целый роман о жизни обычной семьи можно сочинить. Неужели история оборвется на середине, так неожиданно и скоротечно?

Минут десять я перелистывал еще не успевшие пожелтеть альбомные страницы, потом, повинувшись чувству, вытащил одну из карточек: Нина на зеленой лужайке – кусочек футбольного поля – поставила одну ногу на мяч. Два пальца поднятой руки изображают символ победы. Не скалится – легкая полуулыбка, не более; во взгляде – целый океан счастья.

Карточку я положил в свой бумажник, на память, кто знает, – может, другого случая уже не представится. Альбом я оставил на покрывале, рядом с букетом, открыв его на тех фотографиях, на которых были запечатлены самые волнующие и трогательные моменты: может она пересмотрит и поймет, что семейная жизнь – не мед, всякое случается, но нельзя же вот так, сломя голову садиться на новый корабль и уплывать к горизонту, когда старый всего-то немного протек и осел. Перед тем как выйти, подумал, что негоже оставлять пиццу на покрывале, поэтому перетащил ее в кухню. В задумчивости надел ботинки и вышел.

глава третья

Переодевшись в шерстяную рубашу, болоньевый жилет, вылинявшие джинсы и легкие теннисные туфли, я неистово греб прошлогодние листья, собираясь, как следует, облагородить переживший тяжелую зиму газон, выглядевший сейчас так, словно он никогда никому не принадлежал. Погода стояла просто прелесть: на небе ни одного облачка, легкий ветерок резвился, совершенно не тревожа кучки мусора, которые я увлеченно составлял на траве, как ребенок – песочные замки на морском пляже. Солнце, уже такое припекающее, успело к этой поре закатиться за опушку, но когда стволы сосен раздвигались, повинувшись ветру, дующему наверху интенсивнее, его яркие лучики устраивали перезвон, носясь между моих ног, вторгаясь под ресницы и выжигая оранжевые пятна на стенах коттеджа.

На террасе покачивалось вытащенное из кладовки ротанговое кресло-качалка. На его сиденье, поверх скомканного пледа, лежали ручка и ежедневник, а также один из моих блокнотов – в первый час по приезде я занимался тем, что пытался расшифровать свои записки к статье, в который раз укоряя себя за лень, не давшую сразу же привести скоропись в порядок. Потом я подобрал с накрытых крокусов, – которые уже основательно прожарились, вследствие резкого повышения температуры – свою куртку и замыл несколько пятен, оставленных влажной землей. Бросил в машинку утерянный пододеяльник, принятый мною за морское страшилище. Пока тот вращался в барабане, растопил камин, разогрел кусок пиццы и умял его, приняв, – дабы и в мое тело проникла толика разлившегося по миру благодущия – капельку «Шивас Ригал» из вчерашних остатков. Поблаженствовав таким манером за кухонным столом минут десять и, придя в восторг от состояния природы, за которой я подглядывал из окна, пока ел, твердо решил присовокупить к списку дел еще и уборку запущенного двора.

Было уже почти четыре часа дня, когда я закончил вычесывать траву. Не поленился даже пройтись под скамейками и, конечно, побывал в цветнике, наведя чистоту промеж рядов с плюгавыми розами (которые, к несчастью, неожиданно покрылись какой-то коричневой ржавчиной), пятнышками крокусов и гиацинтов, разросшимися так, словно кто-то нарочно подсадил мне еще, выкопав со своего участка. Посидел рядом с клумбой, где толстые стебли тюльпанов уже выбросили сизоватые бутончики, приготовившись облагородить их красным и желтым цветом. Думаю, их бы следовало теперь подкормить калием, что благоприятно отразилось бы на глубине тонов. Майский жук, неловко перешагивая по цветку ириса, не рассчитал и шлепнулся камушком к подножию цветка. Я пожурил беднягу за неуклюжесть, взял за бочка и водрузил обратно. Еще полчаса пролетело мимо холма, пока я собрал все что наскреб и сложил в два пластиковых пакета, намериваясь снести вниз и высыпать в канаву, вырытую для таких целей под пологом леса.

Смыв с себя пыль и пот, я переоделся в легкую нейлоновую ветровку, запер калитку и спустился к машине. Путь, которым я собирался проследовать в Рудничок, был не особенно популярен у автомобилистов: жителям поселка гораздо скорее было выехать на трассу, минуя лесистые заросли, где нельзя было развить достаточной скорости по вине многочисленных ухабов и рытвин. Ямы эти были оставлены колесами различных фермерских агрегатов, для которых, собственно, и прокладывалась колея через поле. Иногда здесь проносились мотоциклисты, чередуясь с рыбаками на старинных мопедах. Чаше – трактора, грузовики и комбайны, да и те не особо нас беспокоили (разве что трактор потарахтит пару дней, подготавливая пашню). Раза два в неделю показывалась почтовая машина из Плавска, для которой путь через поле был все-таки желаннее по причине экономии времени. Да еще – хлебовозка, транспортирующая пшеничный хлеб особого сорта, который был в чести у жителей Рудничка, – его выпекали в соседнем городке, где кроме мучного заводика и старинной церквушки (которую реставрировали от случая к случаю уже второе десятилетие), ничего путного больше не водилось.

Полюбовавшись простором, я решил, что сегодня ночью весь холм и опушка будут усыпаны яркими звездами, ибо ветер совсем утих, и погода обещала быть ласковой, по меньшей мере, несколько грядущих дней.

До Рудничка можно было запросто добраться пешком, что я и делал, будучи учащимся средней школы. Следовало лишь миновать поле, террикон заброшенной шахты, превратившийся за годы в березовую рощу, потом – железнодорожную насыпь (давно уже лишившуюся ржавых рельсов и маслянистых шпал), и вот ты почти прибыл: остается обогнуть старый алюминиевый завод, облюбованный крапивой, чертополохом и иван-чаем, и попасть на главную улицу, вдоль которой и вытянулось все селение. Только в отличие от себе подобных – в которых дома, точно лодки, причаленные к берегу реки, так и убегали в даль вместе с основной дорогой – поселок Рудничок имел дерзость раскинуть постройки и в ширь – образовав квадрат, как бы разбитый на два равновеликих прямоугольника.

Проплывая мимо террикона, я решил взобраться на гору и постоять там немного, повспоминать школьные деньки, ведь это мрачное с виду местечко являлось важнейшей площадкой для игр не одного поколения ребят, из числа тех, кого обуревала тяга к приключениям. Такие вечно приходили домой с замызанной обувью, покрытые репейником до ушей и плотным слоем паутины, перемешанной с семенами сорных трав.

Взбежав под шелест березовых ветвей – на которых уже распустились мелкие листики – на островерхую вершину террикона, я несколько запыхался. Высота от подножия составляла около пятнадцати, а то и двадцати метров. Крутясь на месте, я осматривал окрестности, в которых отчетливо проступали красные и серебристые крыши поселка. А вот и махина бывшего кинотеатра – который мы именовали «клуб», из-за того, что когда там не показывали кино, проводили, обыкновенно, всяческие увеселительные и общественные мероприятия. Маленьким мальчиком, я естественно не посещал собрания, но клуб любил всей душой по двум причинам: во-первых, с ранних лет меня завороживала жизнь на киноплентке, во-вторых, моя бабушка была важной фигурой в тогдашней администрации – в те времена, мэра мы выбирали из числа местных, а здание мэрии еще не успели сбагрить под частный дом. Нет-нет, бабуля не была какой-нибудь шишкой, решавшей вопрос о том, сколько дров положено собирать семье в местном лесу или каким цветом следует выкрасить столики и скамейки у магазинов, она даже не заведовала устройством зимнего катка – ее хлебом насущным являлась организация развлечений.

Ежегодно в поселке проходил так называемый праздник урожая, когда местные умельцы-садоводы стягивались со своими произведениями (представлявшими из себя, как это тогда было принято, центнер рекордного количества огурцов, гигантскую тыкву или, скажем, охапки диковинных хризантем) к широким ступеням клуба, подле которых устраивались специальные демонстрационные верстаки, – покрытые скатертями – и раскладывали все добро, отгороженными одна от другой, кучками. Действо происходило непременно в один из погожих дней октября, чтобы можно было с комфортом посплетничать и поржать на свежем воздухе, а после всего – выбрать победителя и отправиться пить пиво, пока вечер еще не иссяк полностью.

Бабушка пять или шесть раз выигрывала этот конкурс, иными словами, была абсолютной чемпионкой и авторитет ее в садовых (и свинячьих, ибо она снабжала отменным мясом половину поселка) делах был незыблем, точно корыто, сколоченное дедом так прочно, что черный годовалый хряк до самого убоя безуспешно пытался отодрать конструкцию от стены закуты.

Еще бабушка была завзятая хористка, правая рука руководителя хора, те – последние, приходили и уходили, а бабушка всегда оставалась правой рукой. Их замечательные выступления, украшенные пошитыми на заказ платьями, пестрыми от цветочков юбками, перестуком деревянных ложек, всевозможных трещоток и баяна (баянист хоть и позволял себе выпить, был настоящим виртуозом и играл исключительно по нотам, часто поправляя издававших виды,

беззубых, но беззаботно веселящихся старух), славились на всю область. Однажды на конкурсе, проходившем в Туле, они заняли почетное второе место, угадайте – чей хор занял первое.

Стоя на высоте, словно упершись макушкой в голубой свод, я наслаждался воздухом и птичьим гомоном, вчитываясь заново в подзабытую книгу детских грез. В конце концов, я так расчувствовался, что едва не вышиб из себя слезу, и на самом пике душевных переживаний это случилось во второй раз: мое сердце – там что-то кольнуло, а пульс начал расти на глазах.

Через мгновение я уже ясно слышал биение крови в руках и голове. Казалось, что пульсировало все тело. Следом пришел дикий страх – ведь я здесь совершенно один, случись что-то – никто не поможет, но отыщут, думаю, быстро, благодаря машине, которую хорошо видно с воздуха на фоне черно-коричневой (от угольной пыли) почве вокруг террикона. Мне вообще подурнело: мерещилось, что кружится голова и подгибаются ноги, а тело словно попало под ледяной ветер, покрывший кожу бесчисленными пупырышками.

Вспышка боли пронзила грудную клетку, и я упал, не выдержав ее натиска. Еще один наплыв боли и сумасшедший разгон пульса: даже сильнее, чем тогда – в лесу. Я принялся кататься по земле, пытаюсь движением, совладать с паническим страхом и в какой-то момент очутился у самого края вершины – откуда берут начало змееподобные трещины, по которым ливневые и паводковые воды прокладывают себе тропинки к стволам деревьев приютившихся у подножья колосса. Угольный песок, смешанный с охрами трех оттенков, не выдержал давления тела: пласты поехали вниз, увлекая и меня за собой. Шок от осознания, что я качусь со склона очень крутого холма, действовал, как нашатырь. Боль вдруг ушла – словно она была лишь, обманчивым наваждением. Я осознал, что если не приму меры, то окажусь у подножия с переломанными конечностями или черепно-мозговой травмой – вот какой опасной и нелепой оказалась для меня прогулка по памятным местам.

Я распластал руки в надежде схватиться за что-нибудь: камень, сук или кусок стародавней крепи, оставшейся на память от славных времен прокладки забоев. Тело террикона представляет собой плотную смесь различных песков – в основном угольной крошки, глинистых сланцев, песчаников и всякого мусора: толстые резиновые шланги, проволока, куски древесины – наполовину превратившиеся в труху. Там же попадают камни-голыши, размером от мячика для гольфа до средних размеров арбуза и некоторое количество битого кирпича. Щупая пальцами там и сям, я наткнулся на эти артефакты – иногда это было болезненно – и мало по малу мне удалось повернуться ногами в сторону спуска. Затем оттолкнувшись от склона, я перевернулся на спину и сумел принять сидячее положение – словно спортсмен, спускающийся на быстрых санях с горы. Потом мне просто повезло: путь мой пересекался с колонией из трех нор, которые вырыли вороны, собираясь откладывать там яйца. Судя по тому, что мое приближение не произвело никакого эффекта, норы были заброшенные – то ли для выведения потомства было еще рановато, то ли огромные черные птицы нашли себе более достойное место для гнезд.

Так или иначе, когда задница моя проезжала над крышей верхнего вороньего помещения, та, не выдержав веса человека, обвалилась, заставив мою пятую точку изменить траекторию и приземлиться на крыши остальных галерей, расположенных очень тесно одна под другой. Те, в свою очередь, также обрушились внутрь, в связи с чем, я окончательно остановился, погрузившись задом в мягкую смесь вонючей угольной пыли, смешанной, наверное, с остатками прошлогоднего помета и сгнивших отрывков, которые, по обыкновению, производят хищные птицы, пытаясь избавить желудки от всего жесткого и волосатого.

Так я и застыл: на своем почетном троне, уставясь на вытянувшееся в полнеба облако, висевшее, как казалось, в считанных метрах над вершинами деревьев окружившей меня рощи. Посидев так минуты две и не найдя в ощущениях ничего такого, что предписывало бы мне продолжать свои наблюдения за небом, я стал прикидывать, как бы добраться к машине так, чтобы получилось – целиком и без происшествий. Спускаться, отталкиваясь от моего текущего

местоположения, было неудобно и небезопасно – я мог спотыкнуться о камень и повторить свой номер с вращениями на бис. Решил осторожно подняться обратно, по тому же пути, каким съехал, а затем предпринять спуск по безопасной тропе. Так в точности и поступил.

Путь к подножию представлял собою преодоление все более низких и менее крутых склонов: ты словно бы сходишь по ступеням очень длинной лестницы. Когда я уже был на одном из промежуточных холмиков, мне выпало обходить широкую лужу – образовавшуюся от скопления, стекающих с верхних ярусов, вод, в невесть откуда взявшееся, углубление, – лежащую наподобие крошечного альпийского озера. Естественно, в этом водоеме никто не обитал, ибо вода в нем была пропитана чем-то удушливым, таким, что по запаху напоминало мазут. Коричневые пятна цвели по краям берегов, по поверхности сновали крошечные блики, которые привлекали внимание.

Я подошел к луже, чтобы получше оценить глубину дна, и когда опустил глаза, ахнул: там на самом краю пика, откуда я только что удалился, стояла фигура человека и явно рассматривала мою спину (а может и грязь на заднице штанов). Свет, отражаемый зеркалом воды, был достаточно скуден и фигура, контрастируя с ярко голубым небосводом, выглядела зловещей от черноты окутавшей ее с головы до пят. Я только успел уловить неряшливую растрепанность волос на его макушке и полуконус длинного одеяния – возможно, дождевик или пальто. В некотором шоке я обернулся и увидел лишь голубое небо, единственным черным объектом там был остроконечный пик террикона.

– Что за дела, – чуть слышно подумал я вслух. Ожидая, что фигура высунется из укрытия, я стоял стоймя на краю альпийской лужи и лихорадочно соображал, откуда там мог появиться пришелец. Я был уверен, что никаких потайных ниш или пещер наверху не было. Существовали, однако, и другие возможности, пускай и связанные с определенными трудностями: возможно, незнакомец услышал мои крики, когда я катился вниз, и прибежал помочь? Но почему он скрылся, не дав себя даже разглядеть, как следует? Мне захотелось прояснить это дело. Снова я оказался под самым небом, топчась на месте и всматриваясь во все стороны горизонта. Вершина вдоль и поперек была совершенно пуста – как лунная поверхность в те дни, когда по ней не разгуливают американцы.

Постояв, я решил, что мне или показалось, или человек действительно был на холме, но успел покинуть его пока я стоял внизу, раскрыв рот. Что ж, это не мое дело, если какой-то гуляка, типа меня, предпочитает оставаться инкогнито. Послышался гудок поезда, найдя его взглядом, я наблюдал, как длинный состав прокладывает себе путь через поля, прячась временами за рваной занавесью перелесков. Мерный постук стальных колес успокаивал, делать здесь было совершенно нечего и под шелест древесных стражей горы, я спустился к машине, не зацепившись ботинком ни за один камень.

Однако внизу странности продолжились, словно облюбовавший укромное местечко таинственный полтергейст крепко за меня взялся, устав от длительного воздержания. Сперва обнаружилось, что мои наручные часы показывают время другого часового пояса. Когда я достал телефон, то увидел, что время на нем так же не соответствует действительности: сейчас, определенно, не 00.01.

Другая странность заключалась в том, что фары машины ярко светились, хотя я точно гасил их перед уходом: подходил к капоту, чтобы протереть стекло, дабы не показываться в поселке на замызанной тачке, и потом, отойдя на несколько шагов, рассматривал результат – включенный свет я бы точно заметил.

Двери машины, однако, были по-прежнему наглухо заперты и, видимо, включение фар знаменовало появление какой-то неисправности в электросистеме, а точнее, в электронном узле, который этой системой заведовал.

Нырнув за руль, я включил радио, в надежде услышать какую-нибудь информацию о времени, поскольку интернет здесь отсутствовал и мой телефон не мог синхронизировать часы в автоматическом режиме. Динамики выдали смесь какофонии, состоящую из тресков, пищания, обрывков речи на иностранном языке – словно настроен приемник был на ультракороткие волны. Я стал проверять, но оказалось, что положение бегунка и диапазон подобраны верно. Очевидно, виновниками волнового беспорядка являлись те же помехи, которые отвечали за отсутствие интернета. Немудрено: повсюду сплошные кусты и перелески, к тому же эфир был плотно укрыт тенью создаваемой громадиной терриконом.

Хрипящий шум казался бессмыслицей и все же я внимал ему, надеясь, что вот-вот прорежется что-нибудь вразумительное. Внезапно треск истаял, раздался отрывистый, ударивший по нервам писк, после чего заиграла оркестровая музыка, на фоне которой доносилась едва слышимая тарабарщина, напоминающая то ли шуршание, то ли мольбу, произносимую тихим шепотком. Я вслушивался, приблизив ухо, но слов разобрать было невозможно: низкий говор постоянно плавал, то усиливаясь, то стихая совсем, к тому же на него накладывался голос из эфира, разговаривающий, скорее всего, по-польски, который временами еще и смеялся над какой-то понятной полякам остротой. Музыка, в которой солировали духовые, начала походить на траурную, что окончательно вывело меня из себя, если учесть, что на горе я, возможно, пережил сердечный приступ. Усердствуя сверх меры, я в конце концов заставил приемник умолкнуть.

Разворачивая машину, я приоткрыл дверцу, чтобы взглядом проконтролировать отсутствие незаметных препятствий, которые могли оказаться под колесом, и случайно глянул в промежуток между деревьями.

– Опять? – прошептал я, увидев, что поверх кустов выбивается всполох бледно-голубоватого света: точно такой встретился мне ночью в лесу и тогда он окружал некую брешь (*в пространстве* ?) в воздухе, повисшую над землей наподобие матового зеркала.

Я хотел было взять ноги в руки и укатить прочь, но желание сунуть нос не в свое дело возобладало. (А всему виной – моя природная любопытность напополам с журналистской выучкой.) Не знаю, может, подсознательно я думал о заманчивом материале для «Доступной физики», в который все эти происшествия могли бы со временем перерасти.

На сей раз, никакой дыры в воздухе я не обнаружил. Дыра оказалась в земле. Нет не такая, не необычная, а просто вход (к тому же на две трети заваленный породой, из которой, словно ребра скелета, топорщились остатки бревен и просмоленные головешки обшивки) в заброшенную много лет назад штольню. Каким-то загадочным образом эту пещеру не раздавило при формировании тела террикона, возможно, сыграли роль два фактора: весьма качественное укрепление свода ствола и его стен, и невозможность вывалить на это место (наверное, не позволяли березы) достаточную массу породы. Детьми мы проникали внутрь штольни и даже бродили с фонариками, пока не достигли того возраста, после которого наступает осознание, что такие прогулки могут оказаться смертельно опасными. Родительский комитет активно призывал сделать что-нибудь с пещерой, дабы отвести детей, но все на что сподобились власти района, которому территория принадлежала, это поставить ограждение вокруг входа и повесить красочную табличку с предостережением. Позднее и заграждение, и хохмоватый кусок стального листа, исчезли, как впрочем и вход в штольню: стены и потолок частично осели, сделав углубление малозаметным; разросшиеся кусты, пустырниковые травы и березовый молодняк отлично замаскировали ствол и я не думаю, что хоть кто-нибудь в наше время еще проникал внутрь.

«Но кто-то, по-видимому, проникал...», – раздумывал я, склонившись над входом и глядя на голубой свет, дымкой струившийся изнутри. Я пытался высмотреть хоть что-нибудь определенное, но это было так же бесполезно, как всматриваться в кофейную гущу, поскольку источник света находился не у самого входа, а прятался где-то за поворотом: в глубинных раз-

ветвлениях выработки. Я настолько осмелел, что достав телефон, хотел уже включить камеру и задокументировать феномен, как свет вдруг исчез, – словно скитающийся по туннелям призрак шахтера, погасил огонек на своей лампе. Покумекав хорошенько, я отказался от идеи лезть в глубину, так как очень хорошо помнил, что случается с существами, стремящимися навстречу яркому свету.

Вскоре, покачивая боками Камри, я выгнал машину из горного царства снов и, оказавшись на свободе, направил ее резиновые стопы в сторону поселка Рудничок: к улицам, наполненным живыми людьми, которые помогут мне пробудиться и сбросить с плеч навалившуюся не вдруг уверенность, что я один одинешенек на всей необъятной земле.

При подъезде к селению, мне встретила черда машин, – в том месте моя полевая дорога сходилась в связку с главной артерией: местным шоссе, покрытым новеньким (точнее уложенным в позапрошлом году) асфальтом. По вышеозначенной трассе, люди из Рудничка направлялись к ближайшим большим городам, на чьих предприятиях и трудилась основная масса работающего населения. В самом Рудничке работы почти что не было: места в продуктовых магазинах и супермаркете были давно зафрахтованы местными женщинами. Трое человек, опять-таки женщины, обслуживали почтовое отделение. Два рабочих места предоставляла парикмахерская, еще несколько – школа и детский сад – вот, пожалуй, и все учреждения, на которых могли подвизаться местные жители. В связи с таким положением дел доступность междугороднего сообщения присутствовала на первом месте в списке здешних приоритетов, во все времена. Одна часть селян путешествовала на личном транспорте, другая – еще большая – предпочитала автобусы, которых через Рудничок проходило аж целых три (один из которых считался транзитным, показываясь в поселении всего пару раз на день).

Супермаркет «Магнит» – игрушечная копия городского магазина (с маленьким ассортиментом и более низкими ценами) – до четырех часов дня не изнывал от наплыва любителей набить холодильник, но поскольку была уже середина пятого в зальчике стоял гомон и даже образовалась небольшая очередь. Звякнул звонок – девушка за кассой, обложенная с обеих сторон пакетами с сахаром, кукурузными палочками, рульками колбасы и пивными бутылками, по полтора-два литра, умаявшись, призвала на помощь другую сотрудницу. Та с расторопным видом выскочила из галереи контейнеров и стеллажей, убряхтанная в серую форменную жилетку с желтой надписью «Магнит», бывшую ей не по размеру и кинулась за кассу, утянув за собой добрую половину начавшей выходить из себя толпы. Я же вальяжно расхаживал между полок, доставая временами что-нибудь и складывая в висевшую на руке пластмассовую корзину. Мне требовался какой-то запас еды в доме, ничего уж такого особенного: сардельки, яйца, растительное масло, несколько банок пива и хлеб. Подумав, я еще добавил парочку упаковок штруделя с вишней, – в качестве десерта – бутылочку кетчупа и горчицу.

Почтовое отделение располагалось прямо напротив супермаркета, надо было лишь только перебежать через проезжую часть. В полутемной клетушке, размером в половину моей гостиной, помимо оператора за конторкой, присутствовал немолодой мужчина, нянчивший на груди охапку неоплаченный счетов. Я знал, где обычно обитают почтальоны, и сразу же прошествовал туда – в потайной закуток в углу основного зала. Меня приветствовали две дамы, занимавшиеся разбором газет по стопкам. На длинном столе образовалась неразбериха из нескольких ярусов бумажной макулатуры, вороха всевозможных посылок, квитанций и банок консервированной продукции, продажей которой почтовые работники занимались с переменным успехом, так как быть профессионалом во многих делах сразу, обычно, почти никому не удается.

– Даша, – кивнул я одной из работниц – двадцатидесятилетней девчужке с крашенными и стянутыми в хвост волосами, длинными ресницами и улыбочивым ртом.

– О, привет! – откликнулась девушка, оторвавшись от стопки с газетами. – Ты за журналами?

– Именно. – С Дашей мы находились в дружеских отношениях, ибо ее мать была моей одноклассницей в школе и, несмотря на то, что с той мы регулярно обменивались новостями в мессенджерах, для приличия следовало поинтересоваться ее здоровьем и состоянием дел.

– Все отлично, – бросила девушка, а сама принялась лазить по шкафчикам, заглядывать под стол, перекладывая стопки и посылки. Я поинтересовался, чем она занимается. Сказала, что ищет мою почту, сейчас в отделении неразбериха, к тому же пришла новая партия пакетов из Китая...

– Слушай, – сказал я великодушно, – я, наверное, покручусь тут неподалеку, прогуляюсь, а ты не торопись. Как выпадет минутка, тогда и поищешь. У тебя ведь есть мой телефон.

Девушка с радостью согласилась, а я вышел на воздух, раздумывая, куда бы мне податься в этом не особенно богатом на достопримечательности захолустье, где даже коров уже не водили по улице. Да и единственный памятник снесли под предлогом ветхости, променяв на клумбу, состоящую из неряшливого газона, с набором трав предоставленных самой природой и пары-тройки тюльпанов воткнутых промеж рядов с плюгавыми бархатцами, деградировавшими из-за отсутствия даже минимального ухода.

Побродив по улочкам, поглазев на прибывающих с работы жителей, среди которых не встретилось ни одного знакомого лица, я набрел на крошечную пекарню, которой раньше здесь не было. Заведение разместилось в бывшей конторе «Озон», очевидно перебравшейся в соседний городок.

– Мы открылись перед самой зимой, – сообщила мне стоявшая на выдаче девушка, светившаяся энергией и любезностью.

Вдыхая аромат свежих булок, доносившийся от разложенной под стеклянной витриной продукции, и, в особенности, из помещения, в котором люди в белых колпаках и фартуках колдовали над стеллажами с еще сырыми изделиями, я не мог сдержать своего восторга, ибо благоговел перед горячим и мягким домашним хлебом.

– Потрясающе! Теперь будете постоянно меня видеть. Надеюсь, качество останется на уровне.

– Сделаем все возможное, – проворковала она со смехом.

Помещенице стало потихоньку заполняться людьми. Увидев у стены несколько столиков, за которыми, как в какой-нибудь забегаловке, можно было что-то перехватить прямо здесь, я поспешил сделать покупки и, заказав еще чай с лимоном, юркнул на свободное место, принявшись с наслаждением поглощать пышущую жаром кулебяку, сдабривая хлебный комочек глотком горячего словно лава, ароматного напитка.

В какой-то момент напротив окна-витрины, остановился, судя по громоздкой коробке, приложенной к багажнику, курьер на электрическом велосипеде. На раме велосипеда был пристроен миниатюрный, но довольно звучный динамик и пока курьер разговаривал с кем-то у входа, его прибор пульсировал и громыхал, извергая «Lonely Day» для всех, кто не заткнул уши и не успел еще покинуть площадку перед входом. Наговорившись с приятелем, велосипедист, наконец, поимел совесть и, шелкнув невидимым тумблером, оборвал исповедь певца, где-то ближе к последней трети баллады. Подтянув портки, курьер вознамерился попробовать свежих булок и направился, как это было мне видно, прямо к нам в зал. Тихо прозвенел колокольчик, фанат «System of a Down» перевалился через порог, придержав входную дверь, словно боялся, что без этого финта что-нибудь от нее отвалится и ему придется оплачивать за свой счет процедуру возвращения этого «что-нибудь» на прежнее место.

Парень был долговяз и неуклюж, к тому же худой, как корова страдающая бруцеллезом. Главное украшение лица – нестриженная борода, объединившаяся в комплекс с черными усишками. Взгляд какой-то тревожно-настороженный, словно опасается, что вот-вот под ногой пробежит черная кошка. Гардероб – мятые вельветовые штаны, серая плотная куртка загрязненная спереди, которая выглядит, как униформа дворника окончательно забившего на свой

внешний вид. Это был Дмитрий Силаев, один из моих школьных друзей, который прежде тоже жил на холме, пока родители не увезли его сюда, вместе с мебелью и всем домашним скарбом. Дмитрий был моложе меня на три года, несмотря на это мы крепко дружили в детстве, сколько излазили канав, сколько шалашей соорудили. Почему он такой грязный?

– Работа курьера не сахар, – без эмоций сообщил Дмитрий, расположившись напротив меня спиной к окну, обрамлявшему его велосипед.

Минутой ранее – пока курьер ожидал своей очереди, а две пожилые дамы перед ним наперебой расхваливали чудесный бездрожжевой хлеб – я, подойдя к нему, пригласил составить мне компанию. Мой школьный приятель помпезно вгрызлся в сосиску в тесте, придерживая ее, почему-то, снизу второй рукой, хотя я сомневался, что она так уж много весила. Я предложил ему чай или кофе, но он помотал головой, поразив в очередной раз почти болезненной вежливостью и тактом, присущими ему с самого детства.

– Иногда по двенадцать часов работаем, бывает, что и не до стирки.

– А униформа.

Дмитрий пожал плечами.

– На моей фирме униформа не полагается.

Он развозил продукты питания в Одоеве, работая в доставке торговой сети. Я даже не поинтересовался ее названием. «Пятерочка», скорее всего, или «ВкусВилл». К моему удивлению, зарабатывал он не так уж и много, как того стоило ожидать от рекламных баннеров.

– Там указывают максимальные заработки, но не наиболее вероятные, – пояснил курьер. – Мне, при моих обстоятельствах, да еще и на велосипеде, такая деньга не светит. Зарплата от многих вещей зависит: например штрафов, расстояний... Перекусываешь, опять-таки, на ходу, а цены в кафешках бешенные.

Я сочувственно покивал.

– А, может, стоит сменить работу?

По его быстрому взгляду, брошенному исподлобья, я понял, что говорить такое не стоило. Есть люди, которые вырастая, так и остаются навеки заложниками своего детства: витают, как беззаботные канарейки среди свободы полей, среди голосов бесконечного лета... Распоряжаться собственным временем, лелеять воображаемые концепции – для них было превыше хорошей зарплаты. Жить по-иному они не могли и не стремились к этому, ибо все остальное помимо фантазий напоминало им клетку, пусть и с позолоченными прутьями.

– Да что ты. Нет. На меня никто не лаает, как на прежней работе, никто не подкалывает, ни кто не требует выйти на праздники и выходные... все только и говорили вечно: а что тебе дома делать? А что тебе дома делать... Словно, у них есть дела, а меня они могут представить исключительно с напильником или у мусорного бачка, как это бывало, когда я работал в цеху или убирал улицы.

– Слушай, – предложил я, – может, пива выпьем? Все какой-то толк будет, чем глотать этот чай без кофеина.

– Немножко можно, – согласился он. – Инспектора меня не останавливают.

– А прямо здесь можно?

– Вообще, нет. Но я упрошу. – Он встал и подошел к кассе. Подождал, пока отойдет покупатель и, наклоняясь над стойкой, тихонько заговорил. Девушка, с прежней улыбкой, сперва отрицательно мотала головой, но чуть погодя смягчилась и, дав напутственные указания, отпустила моего приятеля.

– Она разрешила, – доложил он. – Только недолго, и сказала прятать бутылки под столик. Как тебе?

– Отлично! – усмехнулся я, вспоминая, как тайком поджигали сигареты на последних рядах кинозала и прятали их под сиденья, когда подтянутая билетерша врывается в зал, учуяв дымок через щель приоткрытой двери.

Я поднялся.

– Сейчас принесу. – Но тут же застыл на месте. – Ох, черт! Машину-то я в другом месте оставил – у «Магнита». Не торопишься? Я мигом.

Он остановил меня.

– Да ладно тебе, не несись. У меня в корзине заказ. Там как раз пара банок «Балтики», буду проезжать через магазин, восполню.

– Я заплачу...

– Да ладно, уймись – я в состоянии угостить старых друзей. Садись, я пойду, откопаю пиво.

Смирившись, я опустил назад и сию же секунду затренькал звонок мобильного. Это была Даша, хотела отдать мне почту и спрашивала, где я нахожусь. Я назвал ей место и предложил забрать журналы в другой раз, но она убедила, что ей совсем не трудно принести их в пекарню, спорить я не стал. Вернулся Дмитрий, кутая под своей курткой две, еще прохладные жестянки с лагером. Как только мы раскупили пиво, в дверь вошла Даша, неся охапку моих журналов, все десять штук. Поздоровавшись с Дмитрием, который коротко кивнул, так как Дашу знал лишь по месту ее работы, девушка бухнула стопку на столик, ножки которого едва выдержали вес.

– Такой кипой можно гвозди заколачивать, – пошутила почтальон, будучи, по-видимому, слегка раздраженной, в конце суматошного трудового дня. Я заметил, что как раз ради этих целей и выписываю столько макулатуры. Она подивилась – видя, что текст заголовков написан не по-русски – неужели я так хорошо разбираю эту тарабарщину. Я ответил, что долго учился этому и постоянно поддерживаю форму. А сама она не желает пойти поучиться?

– У меня уже есть среднее специальное.

– Я знаю, но, может, существует желание закончить институт.

Она весело рассмеялась.

– Ну знаешь, я не того полета птица. Науки меня убивают: я колледж-то еле осилила, многое по сто раз пересдавала... нет уж, спасибо. Замуж, вон выйду, и часть проблем решится сама по себе.

– Только не жди принца, – вставил Дмитрий. – А то можно никогда не выйти замуж.

Девушка хитро прищурилась.

– Принцы? А что это такое. С детства не люблю сказочки.

Даша торопилась доставить квитанции. Я передал привет ее матери и, притормозив девушку, купил для нее несколько сдобных плюшек и беляшей с разными начинками. Даша отказываться не стала – сельские почтальоны уже давно привыкли к чаевым и нисколько от этого не смущались. Потресея хвостом волос и похихикав для приличия над несколькими моими репликами, девушка подхватила пакет и торопливо испарилась.

Я возвратился к приятелю, вытащил из-под стола свою банку и принялся, прихлебывая лагер, листать журналы, одновременно слушая Дмитрия вполуха.

– Я приобрел привычку, – повествовал курьер, крутя между пальцев сросток из двух сосновых игл, который он вытащил из-за шивороты куртки, – путешествовать на работу, окольными путями: срезая дорогу через лес.

Быстро пролистывая страницы и проглядывая глазами текст, я обнаружил несколько упоминаний об открытии Майера и некоторых событиях связанных с «Бродягой-14». Все они были короткими и предваряющими – лакомая приманка для читателя, мол, ожидайте: вот-вот выйдет развернутая статья. Я знал, что корреспонденты от каждого из этих изданий, присутствовали вместе со мною на презентации, какой же материал им удалось раздобыть? В общих чертах информация должна была быть примерно такой же, какой обладал и я, но в этом то и вся суть: у каждого журналиста найдется парочка собственных трюков, про запас.

– ...всегда останавливаюсь у края леса: в тени опушки, там, где болото.

Я кивнул и сделал глоток.

– И что?

– Это заходящее солнце – я всегда беру вечерние смены – там больше платят – оно такое яростно-оранжевое и энергичное перед самым закатом, словно этот миг – последний день его жизни! Катится по горизонту, точно гигантское колесо, а под ногами цветут барашки...

– *Primula officinalis*, или первоцвет, в них любят прятаться феи, – патетически вставил я.

– Когда в детстве мы грызли их стебельки, ты так не умничал, – сощурился он.

Я хохотнул, едва не выплюнув пиво.

– Тогда я не знал даже их правильного названия. Но извини, продолжай.

Так или иначе, все основные игроки в нашем деле, решили не торопить события и дожидались, так сказать, проявления всей картины целиком – с должными подтверждениями – не довольствуясь слухами и недомолвками полученными частным образом. В том же ключе действовали и мы.

Прихлебывая из банки, я уже предвкушал работу над статьей. Не терпелось разобрать свои записи, пока они еще свежие и можно по памяти восстановить какое-нибудь заковыристое сокращение или шифровку. Пройдет еще немного времени и, как я про себя знал, придется разгадывать каждое слово в моих блокнотах и мучительно вспоминать: что же такое меня восхитило или насторожило, что я исписал целое поле настолько бисерным почерком, что требовался, по меньшей мере, школьный микроскоп, дабы с его помощью убедиться, что это именно почерк, а не попытки расписать ручку. Сделаю несколько черновых набросков, решил я, и отошлю Калинину – пусть поскорее переправит мне макет с отобранными фотографиями... Будем дорабатывать, пока не начнет выглядеть, как жемчужина Марии Антуанетты или ее же чайный сервиз.

– У нас совсем небольшая комната: шесть или семь стульев, туалет, умывальник. Там, в общем-то, чисто и можно перекусить.

– А? Прости, задумался.

– Я про комнату отдыха рассказывал... где мы, курьеры, заказов ожидаем. Смотри кто в данную минуту свободен, – каждый раз состав отличается, словно мы хоккеисты какие-нибудь. Но в любом случае – это все хорошие люди, возраста разные, но духовно мы сплочены и о другой работе я не помышляю.

Я, молча, кивнул и спросил:

– А что, жив еще тот гигантский тополь за школой?

Сперва он не понял, а потом откинулся на спинку стула и, сотрясаясь от смеха, проговорил:

– Это тот, на котором мы строили шалаши? Где ты был в самом низу, под этим... как его, Ваней... Ваней.

– Ваня Абрамс. Фамилия еще та, – покивал я.

Это был грузный мальчишка, с большим животом и волосами цвета пыльной соломы. Сколько себя помню, постоянно носил байковую рубашку в красную клетку, с рукавами закатанными до локтя. Бесконечно дробил на части старые мотоциклы, и иногда, даже ездил на них непродолжительное время – настолько уж они были у него древние. Однажды этот гад набузовал солярки в банку из-под селедки и положил туда отмокать какую-то ржавую деталь. Та банка оказалась под моей кроссовкой, когда я сунулся к его сараю, чтобы проведать маленьких котят... Ох и влетело мне тогда от бабушки – мало того, что новенький кроссовок напрочь провонял топливом, так еще и меня посадили под арест аж до следующего утра! Ведь для ребенка пробыть без улицы и друзей в чудесный летний вечер, когда столько забав подготовлено, даже пару часов – немыслимое дело. То дерево, про которое мы вспоминали, слыло легендарным: не просто шалаш, а целых пять ребячьих построек было сооружено в глубине его кроны. Когда-то, еще до нашего рождения (а может и при нас, но до того, как нам пришлось

в голову строить домики на деревьях), над тополем основательно поработали пила и топор, укоротив его вершину и вынудив разрастаться не ввысь, а в ширь... Ствол сильно раздался в объёме, кора его превратилась в подобие скорлупы грецкого ореха: вся морщинистая и потрескавшаяся; дерево сделалось коренастым, породив несколько ярусов ветвей, на своей оттяпанной макушке. С годами ветви весьма утолщились, некоторые обломились, образовав пеньки, – на этих-то изогнутостях, сращениях, пеньках и дуплах, мы умудрились соорудить многоэтажную конструкцию, названную впоследствии шалашом. Самые старшие занимали наиболее высокие от земли, и более удобные ниши, мои же непритязательные хоромы располагались на самых нижних ветвях, прямо под задницей того мальчишки – Вани Абрамса. Он, к сожалению, был большой мастак поесть и манерами не отличался, периодически загазовывая весь наш дворец, поскольку к эпицентру, из которого выходил этот газ, примыкала непосредственно моя голова, то представьте, какого мне было тогда.

– Нет, – отчитался мой друг, – не сохранилось то дерево: спилили недавно. Хотя пень от него еще стоит и даже оброс свежими веточками.

Жаль, отличное было лето тогда. Дмитрий давно съел свою еду, и я угостил его беляшом.

– А как твоя мама? Слышал от кого-то, что она не выходит.

Плечи его как-то поникли, на лицо набежала тень, и жевать он вовсе перестал. Отложил беляш и принялся полировать пальцы салфеткой.

– Да нет, выходит, только очень-очень редко.

За стеной загудела машина. Дмитрий резко повернулся к окну, по-видимому, испугавшись за свой драндулет, бывший ему чуть ли не родным братом. Один водитель перекрыл другому дорогу, и теперь они выясняли отношения приспустив стекла. Все обошлось мирно, наговорившись всласть, водители колымаг обдали друг друга пылью и разбаррикадировали перекресток.

Успокоившись, курьер продолжил:

– Ты знаешь, Матвей, она ведь ослепла.

– Да ты что?! Не слышал.

– Да. Сперва у нее началась глаукома, и зрение становилось все хуже и хуже. Мы применяли капли и консультации получали, но – без толку. Шесть лет уже минуло, как она полностью ничего не видит.

Его голос дрогнул, ладонь накрыла глаза.

Я тронул его руку и сказал, что все понимаю, если не может пусть не рассказывает, но он продолжал, ибо в силу природной замкнутости, приятель мой, плохо сходилась с людьми и, соответственно, поговорить по душам ему было не с кем.

– Люди пеняют мне – почему я до сих пор не женат. На работе ребята иной раз подтрунивают: заведи подружку, она тебя образумит. – Его глаза уперлись в столешницу, я видел, как они поблескивают из-под волос. С дюжим усилием моргали веки, пытаясь не пролить и капли выступившей на них влаги. Он уже понемногу всхлипывал и ситуация становилась неловкой. Зачем только я спросил... С другой стороны и правильно сделал: может быть, ему нужна помощь, а такие как он никогда за ней не обращаются, поэтому пусть исповедуется, решил я.

– Я натянул для нее бечевку, – продолжал он, – от постели до туалета. Она не сказать как рада, говорит: однажды ночью шла в ванную и закружилась голова. Она только прихватила чуть эту веревочку (а та – тонкая, посильней надавить – и порвется) и спаслась таким образом от падения. Постоянно теперь об этом рассказывает, словно чудо пережила.

Дмитрий шмыгнул носом и закашлялся. Вытер глаза рукавом, теперь он говорил спокойнее, но тихо, чтобы никто из посторонних не разобрал:

– Она не использует туалетную бумагу, понимаешь? Нашла какую-то тряпку – старый носовой платок и вытирается... говорит, что с бумагой ей много труда – она ведь не видит ничего. Сделает дело и сразу в ванную, платок стирать. Иногда на пальцах остается что-нибудь

и мне приходится замыывать стенки. На обоях уже несколько дыр протер... – Он хохотнул, и добавил: – А они, говорят – женись! Подружку советуют привести, черт их возьми.

– К тому же у нее теперь и сердечная недостаточность: дышит как паровоз.

Когда он упомянул про сердце, мое настроение упало ниже некуда – я вдруг вспомнил про свои приступы и раздумывал, чем же меня обрадует кардиолог, когда я к нему попаду. Следовало по возможности не тянуть с этим, и я решил записаться на субботу, провернув сразу два дела: забрать дочь на выходные и выяснить, наконец, что же творится с моим самым важным из всех органов.

– Дружище, сочувствую. Мы с тобой потерялись как-то, даже телефонов друг друга не знаем. Ну-ка, записывай номер...

– Да я с радостью, – ответил он без энтузиазма, доставая из кармана старый мобильник.

Мы обменялись номерами, и это был не просто жест: я намеревался следить за его чаяниями и если придется, а, думаю, что наверняка, оказать любую посильную помощь.

– Слышишь, – произнес я с нажимом, – хоть что-то, особенно это касается денег. Если будет нужна какая-то сумма, обращайся не раздумывая. – Я сдал его запястье, подкрепляя этим решимость слов.

От меня не ускользнул тот факт, что, выслушав мои напутствия, курьер Дмитрий Силаев воспрял духом – это проявилось даже в том, что он подобрал недоеденный пирожок и взял с собой перед уходом. Денег он не попросил.

Я позволил себе посидеть еще минутку, очаровываясь запахами ванили и свежей дрожжевой закваски. Все дела мои в этом заведении были завершены, я поднялся, собрал в пакетик скомканные салфетки, банку и огрызок кулебяки, которую мне уже не хотелось. У входа стояла железная урна, с молчаливой покорностью, принявшая от меня подношение. Клятвенно пообещав ей увидеться снова, я тихой поступью отправился забирать машину.

На втором этаже дома, я обустроил небольшой закуток – укрытую гавань исключительно для работы, безо всяких оглядок на эстетику и модный дизайн: четыре стены, массивный стол, основным достоинством которого было наличие множества выдвижных ящичков и ниш, что позволяло хранить папки с бумагами, не прибегая к помощи вычурных стеллажей или полок. Стул, на котором я работал, пара розеток в стене, и мягкое кресло – вот все, что наличествовало в окружающем меня пространстве.

Вооружившись очками, которые я использовал лишь для чтения и которые делали меня похожим чуточку на киноактера, из-за своих маленьких прямоугольных линз, я просматривал файл, содержащий присланные в редакцию наброски писулек, коим предстояло стать, при благоприятных обстоятельствах, основой содержания будущих номеров журнала.

Получасом ранее я пролистал свои блокноты и переделал все основные тезисы в удобоваримую форму полноценных предложений. Расшифровав каракули и наскоро придуманные сокращения, внес кое-какие намеки на пунктуацию, произвел разбивку на абзацы, но прочитав черновик, остался недоволен изложением материала: следовало добавить побольше пафоса и подчеркнуть грандиозность описываемого открытия – все-таки это почти революция в мире атомной физики, долгожданный прорыв, а я так простенько все это преподношу. Я списал свою вялость на отсутствие хорошего отдыха в последние дни и решил, что за неделю-полторы ситуация со статьей разрешится наилучшим образом.

Но прямо сейчас, исследуя письма наших адресатов-авторов (или тех, кто не имел никакой надежды оказаться в их числе в силу либо отсутствия таланта или необходимой квалификации, либо причудливости и крайней радикалистской направленности своих воззрений на научную деятельность), я начинал сомневаться в том, что моему мозгу удастся получить хотя бы толику отдыха за время отпуска.

«Развитие физики микромира зашло в тупик, основная причина – надуманность положений частной теории относительности Эйнштейна, которая... с возвратом к абсолютной системе отсчета, в качестве которой предлагается...» «...линейный разряд пропустить через металлическую конструкцию, согласно схеме...» «Предлагаю экологически чистую процедуру выращивания высококалорийных бобов, полученных методом скрещивания...».

Открывая письмо за письмом, я чувствовал вживую, как прямо сейчас закипает мой разум. Обыкновенно, все эти послания разбирают другие сотрудники, а ко мне на стол попадает уже финальная, избавленная от патетики и прочей мути, выборка. Я и не представлял, из какого винегрета приходится по крупницам выщелачивать тот благотворно влияющий на читателя состав текстов, каким можно было бы заполнить пятьдесят-шестьдесят страниц глянца. Боже, начинал я впадать в отчаяние, разве мне с этим справиться в одиночку? И зачем меня угораздило подписаться на дополнительную работу? Но без этого шеф не одобрил бы мой отдых. Отдых? Кто говорил об отдыхе, это же самая настоящая каторга, да еще с пытками в придачу! Мне срочно нужен был кофе. Надо съездить и забрать из квартиры мою кофеварку, без кофеина я даже не помню кто такой Эйнштейн.

Потом я решил, что посещать кардиолога в субботу – идея не из лучших, удобнее сделать это раньше, как раз и кофеварку смогу забрать. В начале восьмого раздался звонок, это была Женья, как я и рассчитывал, – придя с работы и обнаружив букет, она не могла бы меня проигнорировать. Желая получить побольше свободного пространства и воздуха для разговора, я подхватил трубку и быстро спустился в гостиную.

За окошком уже стемнело. Там наверху, в моем кабинете, окон вовсе не было, дабы не нарушать рабочую атмосферу прелестями природных красот.

– Да дорогая, – прильнув к трубке, проговорил я.

– Я бы предпочла более деловой тон, и исключи, пожалуйста, это слово из лексикона, по крайней мере, в отношении меня.

Я бы разозлился, не будь ее голос таким поникшим, что в определенной степени меня заинтриговало: а не цветочки ли мои выбили женушку из седла? Если так, то это ж просто отлично, значит, я сумел нажать на кое-какие клавиши в ее душе.

– Деловой тон? А у нас с тобой дела?

– У нас с тобой дочь.

Туше.

Она сделала паузу и продолжила:

– Спасибо за букет. Только, как мне кажется, поздновато уже украшать нашу спальню.

Прижимая трубку к уху, я возился со створкой окна, намереваясь впустить в дом немного вечернего благоухания.

– Не за что, – скромно ответил я. – Пытаюсь исправить свои ошибки, каждый ведь ошибается. Как ты их находишь, правда, чудесные?

Я еще не успел отойти от окна и благодаря этому очень ясно различил звук донесшийся откуда-то со стороны задней стены дома – там определенно кто-то чихнул.

– Что за хрен, – пробормотал я.

Вдруг опять кто-то чихнул. Навострив уши, я ждал возле подоконника, однако звук больше не повторялся.

– Цветы чудесные. Ты ведь и сам знаешь. За такие-то деньги. Почему ты раньше не дарил их мне? Даже когда мы только начинали встречаться...

Встревоженный, я выбрался на крыльцо. Двор был погружен во тьму, следовало запустить освещение и как можно скорее.

– А? Наверное, я просто не считал все эти цветочки за нечто существенное. Думал: ну постоят два дня и отправятся в мусорный бак.

– Вот видишь, какой ты не романтичный, – произнесла жена назидательным тоном. Я уловил нотки мягкости в ее голосе, и это упрочило мои соображения по поводу урегулирования отношений. Однако в бочку с медом, она все-таки добавила наперсток яда.

– Мне жаль тебе говорить, Матвей, но твои попытки задобрить меня, бессмысленны.

Проникнув в гараж, я нашел щиток и принялся зажигать свет во дворе, все это время напряженно ожидая, когда промеж лопаток вонзиться томагавк и выскочивший невесть откуда индеец чихнет и снимет с меня скальп.

– Ты уверена? – сказал я только для того, чтобы ее голос продолжал говорить, а сам лихорадочно осматривал осветившиеся закоулки. Внезапно лампы принялись мигать: даже фонарики на террасе и те подмигивали.

– Понимаю тебя полностью, – говорила Женья, – но мне не хочется, чтобы ты понапрасну тратил силы и питал какие-нибудь иллюзии...

Свет потух разом. Даже внутреннее пространство в доме превратилось в пугающую черную дыру.

– ...целиком исходящие из твоего же собственного воображения...

Телефон заверещал над ухом, я вздрогнул и впился в него глазами. На смежную линию поступил звонок с неизвестного номера. Я смотрел и недоумевал – номер, с которого звонили, состоял не из цифр.

«Так не бывает», – сказал я себе.

Но они были прямо на экране: собака, тильда, решетка, хеш... – все эти обозначения прячущиеся среди остальных осмысленных и с детства знакомых символов на клавиатуре.

Я тут же нажал клавишу «отменить». Однако же звонящий настаивал на ответе. После четвертого нажатия звонить перестали.

– ...вспоминала наши прожитые годы. И, думаешь, легко мне было по ночам...

– ПРОСтии ЧТоо вмешивающуюсь, но ОтВечать ты не ТОРОПИШЬсяяаа.

Услышав это из трубки посреди ночного двора, было очень трудно не выпрыгнуть из теннисок, но каким-то чудом я удержался.

– Кто это? Женья!

Рванув к щитку, я едва не повалил разный скарб, что был разложен и расставлен близко к моему пути; глаза, успевшие малость привыкнуть к темноте, помогли избежать столкновения. Сунув руку в ящик, я принялся неистово щелкать тумблерами.

– Алло? Матвей? Ты пропадаешь...

– Ты не слышала голос?

– Какой голос?

– Кто-то на секунду вклинился в разговор... и у меня тут проблемы со светом.

– Ничего я не слышала... может, мне перезвонить?

Я не горел желанием остаться наедине с темнотой и неизвестностью, мне почудилось, что если она отключится, перезвонить уже не получится.

– Нет, нет. Уже все нормально, продолжай.

– Точно? Ты говоришь как-то странно, ты там как, в порядке?

– ННеет не в порядкеее... ты в большой БЕДЕеее, ты даже не представляешь ее масштаааБЫЫЫиии...

Вот черт! Опять. Голос неизвестного звучал неимоверно пугающе. Я даже не мог понять – мужчина это или женщина, с одинаковым успехом, говорить мог также и ребенок. Все дело было в искаженной, до крайности изменчивой интонации, словно говоривший находился в острой фазе гебефренического синдрома или, что показалось мне наиболее правдоподобным, голос пропустили сквозь контуры специального прибора, одного из тех, которые позволяют исключить возможность распознавания личности.

– Засыпать и гнать от себя пошлые мысли, не подходящие для замужней женщины, особенно, когда она сама противиться им – это ли не мука... – вещала Женя на одном из концов моего, как оказалось, всемогущего аппарата, а странный, пугающий бас-фальцет-баритон-сопрано, продолжал страшать меня с другой стороны, возможно, из самой преисподней.

– Будет ЛЛУЧШЕ не выходить из домаааааАААооо... Неее выходить из доММааааоооо... ОСТАВаайся на своем холмеее...

– ПОКА НЕ СДОХНЕШЬ!

Я рванул к выходу из гаража, зацепился носком туфли за порог и нырнул на газон, трубка выпрыгнула из мокрой ладони и заскользила по траве, намереваясь найти какую-нибудь норку и затаиться в ней, но я отследил траекторию. Подхватив аппарат, понесся к террасе, залетел в прихожую и запер замок, залетел в гостиную – запер замок.

– Образы, фантазии... опять-таки. Не задумывался, почему мне так нравятся сериалы про семейные отношения...

– Не выходи из домаааааа... даже не пытайСЯЯЯааа...а...

Я лихорадочно ковырялся в трубке, пытаюсь найти вайфай.

– ПОТОМУууу чтоо, вне дома – Опаснооо! На улице, в лесууууУ, на ЭВЕрестееее, в кратере вулканАААААааааооо, в МариансКОООй впадинеее... ОПАСНОоооооуууууууу!

Я наконец-то открыл нужное приложение, направил трубку в определенную точку и надал на экран. Навигационный свет активировался, обрисовав окрестности кухни и разогнав удушающий мрак. Одновременно с этим несколько светильников вспыхнули на потолке, и цепочка настенных фонариков выплеснула капельку люменов белого света, отвоевав у темноты тесное пространство вдоль ступеней лестницы ведущей наверх. Часть освещения не питалось от уличного щитка, а получало энергию посредством прикрепленной снаружи солнечной батареи, благо светило сегодня перевыполнило недельную норму и энергии накопилось с избытком.

– Опаснооо... везде... опаснооооООО... НЕ для тебяяяААА...

– Мы ведь женщины тоже люди, хотя из нас рисуют неизвестно что...

– ДЛЯ ВСЕХ ДРУГИХ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

– Почему? – решил я.

– Что почему, Матвей?

– ПОтому что Ты – СМЕРТЬ.

– А я думал, ты – смерть. – Этот наглец начинал здорово меня бесить. – Говори что надо и... (я едва не сказал «проваливай», но во время вспомнил, что Женя, услышав это, воспримет сказанное на свой счет), и будь что будет, – нашелся я, наконец.

– Какая смерть? Тебе плохо там, что ли?

В трубке постоянно слышались шорохи и другие шумы, напоминающие постукивание металлических предметов. Я решил, что следует закончить оба разговора – что касается Жени, то я, отвечая безумцу, могу сказать что-то такое, что окончательно оттолкнет от меня супругу, и, самое страшное, – она может решить, что доверять мне дочь нельзя ни при каких обстоятельствах; ну а с голосом говорить явно бессмысленно, поскольку он мелит какую-то чушь.

– Да нет, дорогая. Ты неверно услышала.

– Матвей, я же просила не обращаться ко мне так, – она произнесла это без особого нажима, что придало мне немало дополнительных сил.

– Хорошо, я просто по старой привычке.

– Ясно.

– Слушай, мне надо свет налаживать, поговорим как-нибудь потом...

– Хорошо. Ты осторожно там, электричество больно бьет.

– Ладно, поберегусь. Пока.

«Целую», – мысленно прибавил я, когда мы разъединились.

Теперь я и голос остались один на один, но я планировал остаться совсем один, поэтому рывкнул со всей злостью:

– Иди в ж... кретин! Я в полицию уже звоню...

– Не ХОДИ в ДЫРУуу.

Я остолбенел. Откуда этот гад знал? Внезапно мне вспомнилась черная фигура за моим плечом, выросшая на пике горы, словно демон сотканный из мертвого угольного крошева.

– Почему? – повторил я свой вопрос.

– Потому что, теперрррь у ТТебяЯЯ особые привилегии...

– Какие еще особые привилегии?

– РАЗРУШАТЬ МИрыыыы...

– ЦЕЛЫее ВСЕЛЕНныЕеее...

Это могло продолжаться всю ночь, поэтому я стал давить на сенсор, пытаясь убрать идиота из моего телефона, но трюк не срабатывал. В ярости я занес руку, чтобы швырнуть трубку о стену, но потом понял, что возникнет необходимость, сразу же покупать новый мобильник, поэтому я взял себя в руки и произнес:

– Слушай, дружище (*кретин недоделанный*), в целом я твою мысль понял и я подумаю. А сейчас сделай милость и отключись (*ублюдок эдакий*), а то я прямо сейчас разобью телефон, что ни к чему хорошему не приведет. Поэтому давай прощаться, ну, в самом деле, ты свое дело сделал...

Словно простуженная змея шипела и хрипела на том конце, надрывая динамик, но голос молчал.

Застыв в центре комнаты, я терпеливо ждал продолжения, и оно последовало: в трубке пикнуло, и связь умерла. Как только незнакомец ушел, весь отключенный свет – и на улице, и в доме – разом включился, как будто бы таинственный звонок поглотил тонну энергии, для того чтобы попасть ко мне в телефон. Выдохнув, я перевел дух.

Я, было, уже хотел отложить устройство и крепко все обдумать, как вдруг вспомнил про звуки чихания из глубины сада. Следовало пойти и установить, что за чертовщина там происходит, а поскольку я совершенно не мог припомнить, где лежит фонарь, пришлось снова использовать мобильник в качестве последнего. Похоже, что эта трубка приковала меня к себе на веки вечные.

Поковырявшись в кладовке, я отыскал знакомые грабли, – те самые, с которыми вышел на бой против ската (похоже и их стоило занести в дом, чтобы не рыться всякий раз в кладовой).

Вооружившись, я обследовал обе стороны дома и заросли позади, однако никого не обнаружил. Дальше простирался участок бывших соседей, тот самый, который я приобрел для своих нужд и пока только тем и занимался, что окашивал траву в каждый свой приезд. Секунду я размышлял, а потом сделал вывод, что чахоточный, скорее всего, пробрался в пустую хату и затаился. Но на двери висел крепкий замок... Мог ли он сорвать его? Только при помощи хорошего инструмента, но зачем ему, при его инструменте, пустое жилье – он бы влез, скорее, в мой дом. Следовательно, он проник не через дверь, а значит, нужно было идти и брать ключи, поскольку замок, вероятно, по-прежнему на двери, и я не собираюсь лезть в дом через ту же нору, которой воспользовался незванный посетитель.

Держа в руке мощную связку, грабли под мышкой и освещая пространство крошечным светодиодом, я прокладывал себе путь сквозь старые стволы яблоневого сада, уклоняясь на ходу, от острых и крепких, как пики, обломков ветвей, огибая кусты одичавшего крыжовника, и, проклиная незнакомцев, приставших ко мне, как проснувшиеся от зимней спячки клещи.

Подкравшись к жилищу, я убедился, что замок висел на своем месте абсолютно не тронутым. Поскрипев досками, взошел на крыльцо и приник ухом к полотну, но за дверью держалась полнейшая тишина.

Как-то незаметно взошла луна, она помогла мне со светом в этом лабиринте из сплетенных палок – скелетов оставшихся от некогда пышущего здоровьем, цветущего сада. Белесые лучи облизывали еще более безжизненные кривоватые жерди – остатки стоявшей неподалеку самодельной изгороди. Я вслушивался. Справа – в глубине леса – дважды прокричала сова, ликуя над трупиком пойманной мыши.

Спустившись с крыльца, принялся обходить дом и с первой же попытки обнаружил то самое место, через которое и проник мой посетитель (при условии, что я не ошибался по поводу местонахождения простуженного человека). Сбоку фасада когда-то располагалась пара оконных переплетов – самодельные деревянные короба, прошпаклеванные мхом, соломой и еще черте чем. Вследствие усадки стен, одну из коробок перекосило, и стекло лопнуло, отчасти осыпавшись, отчасти повиснув акульными зубьями по периметру створки. Пришлось лишь удалить все мешающее и вот он готов – доступный проход, через который пробраться внутрь – плевое дело. Я не собирался топтать здесь грязь целый вечер, поэтому решительно направился на крыльцо, чтобы отпереть дверь. Про себя я уже решил, что пришелец, по-видимому, – обыкновенный бродяга, перемещающийся от селения к селению, в поисках сиюминутного заработка и ночующий там, куда приведут его ночь и луна. На сей раз такой пристанью стал мой участок, может даже, он использовал это место не единожды.

Отворив, как можно тише, тяжелую дверь я вдохнул запах старой одежды, с толикой плесени и еще чего-то напоминающего перестоялую брагу или компот пятнадцатилетней выдержки; все это навело меня на мысль: а насколько тщательно я обследовал закоулки, прежде чем запечатал это место. Освещая себе дорогу фонариком и не забывая про грабли, я обследовал помещение за помещением, начав с того места, где находилось разбитое окно. Ничего не найдя, я уже приготовился покинуть лачугу, как неожиданно до меня донесся громкий, протяжный храп, заставив замереть на месте.

Он лежал в дальней комнате – очевидно, там находилось самое теплое место в хате. Накрыв ноги большим обрывком обоев (от него-то и тянуло плесенью); от поясицы до шеи, мужчину покрывало пальто, в котором когда-то щеголяла на танцы почившая хозяйка жилища, – наверное, порылся в старом сундуке, который я упустил из виду, выкидывая другой хлам. Я приготовил себя к тому, чтобы гаркнуть, как следует, и когда проснется этот тип, выдать какую-нибудь мощную нравоучительную тираду, но неожиданно засомневался – а стоило ли его вообще будить.

Мужчина спокойно посапывал, явно не имея намерений врываться на территорию, где полыхают фонарики, – чтобы мешать мне, коротать ночь за телевизором. Я не думал, что обладателем странного пугающего голоса в трубке являлся этот нищий путешественник, у него и мобильного-то нет, ведь связь стоит денег. Если я разбужу его, он начнет оправдываться и канючить, все кончится тем, что ему удастся меня разжалобить, и в итоге мы придем к тому же самому... Внезапно тип захрипел и закашлялся, однако не пробудился. Очевидно, запарившись под импровизированным одеялом, он завозился и, двинув локтем, сбросил с себя пальто. Я хмыкнул – неудивительно, ведь он и сам был одет в толстую куртку, с воротником подбитым курчавым мехом... И тут я остолбенел, даже согнулся пополам, чтобы найти подходящий ракурс и убедиться, что мне не привиделось.

Это был он, сомнений не было, ведь мужчина, представший передо мной в окружье дыры, находился именно в таком положении: спиной ко мне. Ах ты блин, вон значит как. Получается, тот феномен вовсе не мираж, не галлюцинация, если персонаж ее мог очутиться по эту сторону дыры. Значит, она была...

«Не ХОДИ в ДЫРУуу»

Дверью?

Проходом?

Я медленно приближался к спящему, стараясь не расшатывать доски. Подойдя вплотную, занес телефон над его головой, чтобы постараться высветить профиль, и здесь меня снова ждал сюрприз: лицо мужчины принадлежало моему старому приятелю, Хорну Алену... или Алону?

– Вот те на! – пробормотал я. – Если теперь из погреба появится мой шеф, с банкой самогона тридцатилетней выстойки, я уже не буду сильно удивлен. Пока Хорн не проснулся, я убрал фонарик и крадучись выбрался наружу. Серп луны уже висел над острием крыши моего дома. Зловредное дерево, свалившееся на него, помахивало, как тощей пятерней, выпростанным кверху суком, издевательски приветствуя меня таким образом.

Я попробовал сосредоточиться на письмах аспирантов, инженеров, преподавателей вузов, но всякое вновь открытое послание содержало косноязычную галиматью, пропитанную беззастенчивым высокомерием, словно каждый мнил себя Планком или на худой конец Максом Борном. Как, черт возьми, ребятам из архива удавалось выуживать темы для статей из всего этого калейдоскопа научной фантастики. Оставив бесплодные попытки разобрать почту, я попытался очеловечить язык статьи, посвященной «Бродяге-14», но быстро сообразил, что воплощаю в жизнь ухудшенную версию первого варианта. В итоге я совсем бросил работу и принялся лазить по интернету, подыскивая мастера по ремонту крыш. Выбрал парочку объявлений и написал сообщение. Неожиданно мне повезло: мастер ответил почти тут же и, обрисовав ему ситуацию, я осведомился о цене. Окончательно мы договорились увидеться в среду, то есть – на послезавтра, в результате чего я имел время обследовать покрытие, чтобы хоть капельку облагородить внешний вид этого стихийного безобразия.

Отключив компьютер и погасив свет, я спустился в столовую, планируя чего-нибудь перекусить. Обнаружил на столе коробку с начатой пищей, решил, что вполне удовлетворюсь этим, тем более, что к завтрашнему утру она уже станет жесткой и невкусной. Включил телевизор, бухнул коробку перед собой и только изготавился набить рот, как вспомнил про свой минибар. Небольшое снотворное мне бы не помешало, ведь как заснуть после такого переполоха.

Моя превосходная рюмка и добрый сейшельский ром «Takamaka» отлично поладили с моей непритворливой снедью. Алкоголь и еда слегка растормошили мыслительные способности, я подхватил листок, лежащий возле коробки, и в очередной раз принялся его разглядывать. Набросано моей же ручкой на плотной бумаге, произведенной где-то неподалеку... простой гладкой белой бумаге... земной бумаге. Но картинка в ее обрамлении, походила на Землю не больше, чем Марсианский сфинкс – на Египетского.

Значит, выходит, что у меня тут пришелец с другой планеты. Нет, пришелец из другого измерения.

«Не ХОДИ в ДЫРУу».

Меня разбирало нарастающее с каждым мигом любопытство, да к тому же вся катавасия пахла таким открытием, что работы Цюрихских ученых казались огоньком крошечной свечки в сравнении с излучением целой галактики. Это же надо, восторгался я и вместе с этим пребывал в некотором смятении, все эти чудесные события разыгрались именно возле меня. Почему так должно было случиться?

«ПОтому что Ты – СМЕРТЬ».

Я отмахнулся. Ну, в самом деле. Как я влип в такой переплет? Я не ученый, хотя и пишу про науку. Да и пишут, по большому счету, другие – мое дело лишь сделать выбор, какой материал подать в номер, чтобы читатель не заскучал. Чтобы кто-нибудь за завтраком произнес с важной миной: «А знаете, что изобрели там-то или сям-то...», или школьный учитель, не парясь особенно, смог бы продемонстрировать какой-нибудь несложный физический опыт, собрав установку при помощи простых доступных средств.

Я находил отраду для себя лишь в том, что, просочившись через тысячу глаз – которые, пробежав по страницам, навсегда забудут и сами статьи, и название журнала – мои строчки

встретят того единственного, которому сама судьба уготовила стать новым Ньютоном, Менделеевым, Пуанкаре... Этот единственный воспримет с благодарностью каждый отредактированный мною абзац и, может быть, после какого-нибудь потрясающего открытия в одном из множества интервью всплывут теплые для меня фразы: «Каким образом я впервые познакомился с наукой? О, это просто: журнал «Доступная физика» познакомил меня с ней...»

Я решил, что это не для меня: я не пойду в дыру, пусть поисками истины займутся другие, те, кому это принадлежит по праву. Открыв обложку ежедневника, я погладил чистую страницу, затем приложил руку и принялся писать.

Он появился неожиданно посреди утра, одетый в джинсы и байковую рубаху. Куртку он где-то оставил и у меня не было ни малейшего шанса его опознать (тем более, что впервые я увидел его со спины). Хорн Алон – так представился этот человек, во взгляде которого смешивались растерянность и отчаяние... Он пытался сказать мне, что потерялся, пытался донести простую мысль: что родной дом Хорна Алона, вовсе не наша маленькая планета – не Земля, однако странный рисунок, начертанный его рукой, не сумел меня убедить...

Глава четвертая

Утром я решил проводить своего гостя: отнести ему что-нибудь из еды и, самое главное, тщательно расспросить этого Хорна, может ему удастся растолковать всю эту чертовщину, которая здесь происходит. Возможно, он даже сможет пролить свет на обстоятельства, связанные с пугающим телефонным разговором, и приоткрыть мне личность звонившего.

Было еще довольно рано, поэтому я сполоснулся, побрился и юркнул на кухню – поколдовать у плиты. Я подумал, что пара вареных сарделек, омлет с помидорами, сыр и размороженная зелень, будет достаточным набором для нас с Хорном, чтобы не вспоминать о еде до конца дня. Мне жутко недоставало кофе, но кофеварка моя была мне не доступна, а растворимое кофе, увы, не в силах вытеснить мысли о живом зерне. Решил, что апельсиновый сок, при желании способен заменить кофеин, если не в возбуждающем смысле, то в бодрящем – точно. Нацедил два больших стакана с мякотью и принялся завтракать. Пока ел, обдумывал тот небольшой сундучок вопросов, которые я задам посланцу другого измерения. Подготовка была очень важна, а то ведь как дойдет до дела, то половину забудешь, остальное перепутаешь, и толку выйдет – ни на грош.

– Вот те на! – Разочарованный, до крайности, я стоял в хате, держа в руках приготовленное для гостя угощение, и любовался на скомканный кусок обоев, расстеленное пальто и проточенный насекомыми плинтус, который должен был бы скрываться за плотным туловищем пришельца, однако моего приятеля и след простыл.

«Наверное, он привык очень рано вставать, – подумал я. – Может, когда на твоей планете два солнца, то и выспаться как следует не получается?»

Пройдя к импровизированной постели, я присел на корточки и, отстранив еду, ощупал ворс пальто и доски с краю подстилки – ворс был теплым, доски – почти ледяными, из чего я не сделал никаких выводов. Когда и куда он ушел? Я оставил еду рядом с лежанкой, а сам вынул из-за пояса штанов (поскольку в руках была еда, других мест кроме этого не оставалось) свой ежедневник и ручку, при помощи которых собирался интервьюировать Хорна, открыл обложку – под ней был подклеен Хорнов рисунок (в качестве основной улики), аккуратно перегнутый пополам.

Я вырвал один из листов, написал по-английски: «Приди ко мне!», затем передумал и замалевал буквы. Я вспомнил, что надписи на латинице, мелькающие на ярлычках одежды пришельца, содержали странные сочетания букв, которые в англоязычных (как и в других, использовавших подобный алфавит) текстах мне видеть не приходилось. Таким образом, если его язык походил на английский с большой натяжкой, то написанное мною могло ничего ему не сказать. К тому же – я разложил рисунок Хорна – вот здесь вообще не латиница, какие-то геометрические символы и попугай, но это явно письмо, а не шифр. Такой расклад не особенно меня удивил, иероглифы, бывало, смешивались с латиницей или другим алфавитом – как, например, в Японском письменном языке, или на ранних стадиях развития Коптской орфографии, когда древнегреческие символы соседствовали с иероглифами фараонов. Следовало использовать что-то универсальное и я, как мог, нарисовал свой дом, соединив его с хатой прямой линией – тропинкой. На линию, поместил корявого человечка идущего в сторону коттеджа по направлению указующей жирной стрелки, которую я втиснул в промежуток между фигуркой и местом, куда ей следовало идти. Подсунул листок под тарелку и вышел.

Послonyaвшись без дела, я вспомнил про крышу и, видя, как благоухает природа, вознамерился поработать на высоте.

Вооружившись лестницей и бензопилой, я собирался избавиться от остатков дерева и полностью очистить кровлю к приезду специалиста. Первым делом опилил нижнюю часть, свисающую, словно шелудивый нос тролля и портившую впечатление от постройки, потом при-

ставил лестницу и принялся опиливать все, до чего доставала рука, скидывая сползающие на меня чурки и стараясь своим рвением не наделать в кровле незапланированных прорех, иначе мастер поселиться здесь на всю неделю.

Разделавшись с этим, я спустился на траву, чтобы перевести дух, вытряхнуть из волос опилки и подготовиться к более тяжелому и опасному испытанию.

Я вынес из гаража другую лестницу – специально для кровли, трехметровую конструкцию из алюминия, весившую всего четыре кило. Высыпал из пакетика горстку барашков и шайб; минут за десять приладил специальные крючья, дабы лестница прочно сцепилась с коньком. Водрузил предмет на край крыши и при помощи колесиков взгромоздил конструкцию на конек. Снял с крюка бензопилу и принялся крайне осторожно двигаться вверх. Добравшись до конца, решил немного посидеть и обдумать, с чего мне начинать.

Вид с конька открывался просто загляденье: верхушки лесных угодий казались до того близкими, что хоть рукой их щупай. Я наблюдал и садик бывшей соседки, тот совсем захирел – похож на табунок гигантских кактусов из какой-нибудь мексиканской прерии, выпилить бы все и посадить что-то молоденькое, вон сейчас, сколько всего понавывели. Тракторы уже выгнали на поля, их тарыхтение не докучало, если сидеть в доме, но здесь назойливый рокот весьма раздражал; за плугом деловито следовали грачи, среди которых пристроилось несколько чаек, доказывающих с успехом, что водяные жители они, только отчасти. Солнечное тепло привело с собой мух, они сажались невдалеке от меня и грели крылья и ножки теплом исходящим от раскаленного битума.

Полчаса заняло у меня очистить пространство вокруг пробитой дыры, побросав деревяшки и ветки вниз, я присел, держась пальцами за край разодранного покрытия. Ковыряясь в углублении, я пролистывал слои подстилающих материалов, прикидывая, что скажет на это мастер. Чутко поглазев в дыру, полюбовался дочкиным драконом, блестящий глаз которого следил за мной с покрывала. Подумал, что если сейчас крыша обвалиться, то моя задница приземлится прямо в лужу, про которую я совершенно забыл, позволив испаряться самой по себе.

– Эти мухи совсем обнаглели, – проворчал я, чувствуя жужжание и холодок от движения крыльев, обдавший сквозняком мою шею. Насекомое пристало не на шутку, даже попробовало присесть мне на загривок – прикосновение волосатых лапок было весьма неприятным. Взревев, я обернулся и едва не рухнул в дыру, потому что перед моим носом порхала гигантская стрекоза! Она была просто ошеломительно огромной – сантиметров сорок от кончика одного крыла до другого.

Обезумев от отвращения, я вскинул бензопилу и принялся трясти ею перед чудовищем:

– Не приближайся б... такая! Слышишь, прочь, прочь от меня! Ячеистые глаза-шарики, обследовали мою голову, что меня сильно тревожило. Тварь отлетела всего на полметра и сейчас висела как раз напротив, жужжа и перемалывая воздух устрашающими на вид челюстями.

Я продолжал орать и махать своим единственным оружием, противник же мой шамкнул жвалами и, поймав, пролетающую мимо, муху принялся тут же ее переваривать.

Насытившись, лишь самую малость, невесть откуда взявшееся ископаемое, всерьез нацелилось попробовать и меня на вкус. Правда я все же не мог решить: представляет ли насекомое такую уж опасность или просто пытается познакомиться поближе. Как бы то ни было, я не горел желанием оказывать ему честь и, подняв пилу на уровень плеч, махал ею, наплевав на равновесие и тяжесть инструмента способного вывихнуть мне запястье. Стрекоза принялась маневрировать тем же образом, каким делали это все ее сестры уменьшенного размера: смещалась то влево, то вправо (словно выгадывала подходящий момент) и зависала на миг, достигнув крайнего бокового положения. Поскольку ступни мои танцевали без остановки, а туловище и руки вращались вразброд, весь я напоминал, сломавшуюся электрическую балерину, – одну из тех, что вставляют в сувенирные шкатулки или приделывают к настольным часам, забавы ради, – поэтому не удивительно, что, будучи разбалансированным, я, в конечном счете, поте-

рвал равновесие и, выронив бензопилу, рухнул вперед, сотресь всю крышу, принявшую на себя мой довольно внушительный вес.

Заскользив по нагретому покрытию, я начал съезжать к краю крыши, а поскольку никакого ограничения там и в помине не было, должен был непременно сорваться и рухнуть вниз, угодив головой прямо в спутанный клубок колючих розовых кустов. Что сделало это чудище? Бестия пронеслась над моей задницей, развернулась и повисла на том самом месте, куда стремилась попасть моя голова, недаром же эти твари ловят других насекомых не из засады, а попросту рассчитывая траекторию по которой будет перемещаться их крылатый обед. Челюсти стрекозы ходили ходуном, очевидно, примериваясь, куда бы им лучше всего вонзиться. Я даже слышал их скребыхания, чего не услышишь от мелких экземпляров, и думал: что раз уж такое дело, стоило бы, наверное, зажмуриться, дабы не расстраиваться еще больше и, возможно, сохранить глазные яблоки (ну или хотя бы ресницы) в неприкосновенности.

Предвкушая все беды, что свалятся через секунды на мою бедную шею, я все же заметил большущую черную тень, которая пала на кровлю, разбив ее на косые треугольные сектора. Словно горный ручей, она стремительно пронеслась вдоль меня и, сорвавшись с края, исчезла где-то под карнизом. «Ну, привет стрекоза...», – только и успел подумать я, как нечто гигантское взвилось от земли и, клацнув неимоверным ртом, поглотило моего врага со всеми его насекомыми потрохами. Не дав мне времени даже удивиться, оно поднялось вверх, и все что я увидел, оказалось прямо перед моим лицом: черный, шерстистый шнур, казалось бы сброшенный с вертолета специально для моего спасения. Недолго думая, я выбросил руки и впился в шнур так, словно меня к нему приварили. Мое тело сорвалось вниз, но будучи прицепленным к чему-то надо мной, я не упал, а наоборот начал подниматься и вот тогда-то и поднял голову.

Лучше бы я просто свалился в кусты, решил я, осознав, что за существо оказалось моим спасителем.

«А то, за что я сейчас держусь, стало быть, хвост». – Дела мои несколько не улучшились, стало даже хуже. Намного, намного хуже: там над моей головой, закрывая своими дюжими крыльями добрую половину небосвода, порхал себе самый обыкновенный, если можно так выразиться, птеродактиль. Немного позднее, я понял, что не птеродактиль (ибо у них не было хвоста), а их родственник, рамфаринх – летающий ящер, монстр с размахом крыльев около двух метров, метровым телом и челюстями, с избытком наполненными, зубами-гвоздиками. Откуда взялись две этих твари? Может из цирка сбежали, раздумывал я, летая над своей лужайкой и покачиваясь на хвосте, словно самый нелепый маятник в мире.

«Брось молоть чепуху! – отругал я себя. – Ты прекрасно знаешь, что во всем этом есть связь: дыры, пришелец, страшный голос по телефону. Только клубок еще больше запутывается, а спросить-то и не у кого».

«Может, следует куда-нибудь позвонить... Куда звонят в подобных случаях? В НАСА? В музей палеонтологии... Стивену Спилбергу? В зоопарк?»

Совершенно ясно, что для животного такой тяжелый груз, как я, был весьма чрезмерной обузой, поэтому рамфаринх недовольно покрикивал. Выглядело так, словно голос пищавшей мыши пропустили сквозь усилитель, добавив басов для пущей солидности, а затем нашпиговали этой смесью динамик средней мощности и тот, дребезжа и вибрируя, принялся сотрясать атмосферу заунывно-тревожными полувыкриками-полусвистами.

Я же, поглядывая вниз (мои тапки болтались на высоте не менее восьми метров над землей и выглядели довольно привлекательно на фоне яркой зелени газона, когда мы над ним пролетали), раздумывал над тем, насколько больно будет упасть с такой высоты и непрестанно высматривал наиболее мягкое местечко. Однако в апреле листья и трава еще только набирают силу, так что особенно выбирать было не из чего.

Вместе с этим меня заботил вопрос, насколько быстро происходит пищеварение у данного вида ящеров, ибо известно, что летающие животные довольно быстро избавляются от

балласта, дабы максимально облегчить свой вес. Эта особь только что смолотила громадную стрекозу, что она поглотила до этого, – неизвестно, поэтому вполне понятно, насколько существенным выглядел для меня этот вопрос. Хотя надо отдать должное и рамфаринху: несмотря на истерику, он, очевидно, был летуном со стажем и сообразил, что освободиться от переваренного обычным способом не удастся, так как все выброшенное непременно окажется расщепленным по моей одежде и не избавит животное от лишнего веса.

Таким образом, ему оставалось только одно: попытаться сбросить незваного пассажира тем или иным способом, что он незамедлительно и принялся осуществлять. Сперва он предпринял попытку отскоблить меня при помощи торчащих в разные стороны древесных сучьев, которые будучи абсолютно голыми и заостренными на концах, выглядели, по его разумению, достаточно грозным оружием. Но он не учел степень ветхости моего сада, а также не мог избрать такой угол подлета, чтобы и самому не напороться на сук. В результате предпринятого им маневра мы пронеслись сквозь колоннаду сухих яблонь – он сбоку, слегка наклонив корпус, чтобы центробежная сила втянула меня в кроны, я – внутри насаждений, ломая хрупкие ветви с изяществом тарана разбивающего соломенные хибары. По всему саду пронесся треск сопровождающий обрушение несметного количества сухостоя. Я вырвался из частокола всего с парой царапин, зато с ног до головы покрытый старой листвой, ошметками коры, паутиной и мошками, сразу принявшимися меня щекотать, кто во что горазд.

Поняв, что его план дал осечку, летающий ящер издал самый громкий и злобный выкрик из всего своего репертуара звуков, наклонил остромордую голову и зыркнул на меня черным налитым кровью глазом, потом приоткрыл пасть и показал коллекцию, словно подточенных надфилем, иголок. Он словно бы давал мне намек, по поводу того, что меня ожидало в ближайшем будущем. Садиться на землю эта злюка явно не желала, наверное, в ее мире это было чревато всяческими осложнениями. Усилил работу крыльями и двигаясь по спирали, тварь принялась набирать высоту. Попад на нужный уровень, животное развернулось в сторону дома и понеслось вперед, предпринимая лобовую атаку на мою крышу. Едва не врезавшись в конек, ящер резко взмыл вверх. Я тут же разгадал его план: он собирался впечатать меня в строение, чтобы мы с моим жилищем слились в едином порыве любви и это был мой шанс, ибо носки тапок очутились в считанных сантиметрах от твердой поверхности. Ликуя, я выпусти хвост и по инерции побежал по скату, я бы замедлился у самого конька, если бы не спотыкнулся. Проклиная инерцию, я пронесся поверх конька – как когда-то Ганнибал перевалил через Альпы – получив неожиданный импульс скорости. Остановиться я уже не мог и тупо бежал по скату, к тому же самому исходу, к которому привела меня битва со стрекозой, только теперь это была другая сторона крыши. И так же, как и в случае с обратной стороной луны, здесь меня поджидали сюрпризы: по всем расчетам, прямо под карнизом располагались качели, которые и должны были послужить посадочным местом. «Какой же неудачный сегодня день... Да что день, вся неделя ни к черту!» – Пронеслось в мозгах во время моего вынужденного забега. На мое счастье ящер не успел улететь далеко, задрав освобожденный хвост и клюв, он выдал победный клич, исполненный такого облегчения, что я ощутил стыд за то, что сделал, но другого выхода не было. Прыгнув вперед изо всех сил, я поймал зверя за его шершавый отросток и снова оказался в роли маятника к великому недовольству крылатого трудяги. Поскольку тот немного передохнул за время моего отсутствия и поднабрался сил, он принялся неистово работать крыльями, наращивая высоту и делая гораздо более широкие круги, нежели ранее. Я же чувствовал себя крайне хреново – родная земля уходила все дальше и дальше, а пальцы ныли от напряжения требуя дать им разрешение отпустить проклятую штуковину. Мой взгляд, при этом, непрерывно захлестывали мельтешащие кадры из окружающей обстановки: то впереди вырастали ровные, как струны, стволы сосны, как только зверь резко поворачивал, сосны исчезали, и стена леса сдвигалась вглубь метров на сорок, зато мне открывался прекрасный вид на сад и пристройку, над которыми я в тот момент проплывал (я даже усмотрел гнездо

зяблика, прошлогоднее, разумеется, прицепленное к одной из развилок и незаметное с земли), затем лес приближался снова, только уже по правому, так сказать, борту. С каждым витком упругие стволы превращались в остроконечные пики еловых вершин и с ужасом я осознал, что мы парили уже не над садом, а над кронами самых высоких деревьев леса.

Набрав достаточную, по его мнению, высоту, ящер завершил кружение и, взяв неведомый для меня курс, устремился куда-то в самые дебри, неся меня в двух-трех метрах над макушками и производя, тем самым, невиданный переполох среди пернатого населения: из под моих ног постоянно выпархивали корольки, иволги, дятлы и еще какие-то мелкие птички название которых было мне неведомо.

Прежде чем унести нас с глаз долой, рамфаринх пересек мой сад по диагонали, и я увидел внизу Хорна Алона. От неожиданности потные ладони поехали и, если бы не вырос на конце хвоста (в виде ромба или маленького воздушного змея), то я бы уже через пять секунд мог пообщаться с Хорном, вопрос только в том, насколько долго длилось бы наше общение. Хорн в точности следовал нарисованному мной указанию: неспешным шагом шествовал к коттеджу, прижимая к животу край пустой тарелки, в которой я относил ему еду. «Ну, хотя бы ты перекусил немного», – подумал я с удовлетворением, а затем, пока еще был здесь, прокричал:

– Хорн, дружище! – Пришелец застыл, как вкопанный, глаза на маленького человечка, коим я должен был ему казаться, летящего на чем-то, что не похоже ни на воздушный шар, ни даже на самолет. – Оставайся в доме! Не уходи никуда, слышишь... Нам надо многое обсудить. Я скоро вернусь.

Последнюю фразу я произносил с некоторой болью в сердце, однако надежда все еще не покидала меня. Даже когда мы с птицевзавром исчезли из виду и устремились вслед заходящему солнцу.

Я не знал, куда держит путь крылатый ящер, но догадывался, что прямо туда, откуда появился, ведь все мы, потерпев неудачу или сбившись с пути, стремимся попасть только в одно на планете место – наш родной дом. Чувствовалось, что рамфаринх начинал сдавать: он то и дело нырял вниз, затем набирался сил и выравнивался, но с каждым разом подошвы моей обуви оказывались ближе к вершинам деревьев. Ящер тоже осознал, что следует принимать решительные меры, взыв на облака, словно призывая их в защиту, он вытянул шею, насколько это было возможно, и сделал попытку достать меня своим зубастым клювом. Однако гибкости шейных позвонков бедному ящеру явно не доставало: острые иглы щелкали в полуметре от меня, неистово кусая воздух, налившийся краснотой глаз, источал такую ненависть, что будь это лазер, во мне бы уже было с полсотни дыр.

Бросив бороться, ящер гордо вскинул плечи и, сделав мощнейший рывок, резко изменил направление: теперь солнце откатилось вправо, а перед глазами распростерлись бесчисленные поля и перелески, посреди которых возвышалось ограниченное дождями и ветрами, черно-коричневое тело террикона.

Осознав, что если мы грохнемся в пашню с высоты в пятнадцать метров, и какой-нибудь не особенно наблюдательный тракторист спустя сутки замурует под землю наши тела, то никто никогда не узнает, куда исчезли один выпускающий редактор научно-популярного журнала и один недалекий рамфаринх, по чистой случайности залетевший не туда, куда нужно было. А еще через год, обыватель, бродящий по полю с металлоискателем в надежде наткнуться на золотое ожерелье семнадцатого века, отыщет среди валунов горстку мелочи из моего кармана. Секунды падали на землю, словно камни, и каждый такой приближал нас к опушке. Еще немного и мой живой летательный аппарат вылетит на дорогу. Приметив наиболее подходящую сосну (с верхушкой погуще), я отпустил свой канат и рухнул прямо в иголки. Благо большой скорости не набрал, ведь рамфаринх пролетал чуть ли не задевая макушки. Взмывленное животное не сразу осознало, что, наконец, обрело свободу, а когда до него дошло, ящер продемонстрировал, что и миллионы лет назад животные радовались точно таким же способом,

как и сейчас: триумфальные ноты разнеслись над полями, отразившись эхом от массива леса. Ящер совершил разворот и устремился ко мне, очевидно, чтобы запомнить на всю жизнь к каким существам лучше не приближаться ближе, чем на десять-пятнадцать метров. Он не сделал попытки клюнуть меня или схватить, лишь описал над моим «гнездом» пару самодовольных витков и полетел восвояси. Насколько я мог видеть, направлялся он точно на террикон.

«Так вот где твое логово, – думал я, в то время, как крылатое создание медленно превращалось в едва различимую точку. – А ведь как раз там я видел свет, бьющий из штольни... свет, который, весьма вероятно, окружает преддверие... Куда ведет оно?»

«Не ХОДИ в ДЫРУу».

– Но я обязан выяснить. Ожившие динозавры... такое дело! Пришелец из другой реальности. Это же сенсация из сенсаций! Даже новости о «Бродяге-14», кажутся теперь комариным писком, – уговаривал я себя, раскачиваясь от ветра на своем неудобном, колючем ложе. Только когда очередной порыв раскачал вершину настолько сильно, что я – державший в пальцах охапку пружинистых ветвей – в полной мере ощутил, насколько они тонки, начал понемногу осуществлять попытку вернуться на твердую поверхность земли.

Мало-помалу мне удалось пробиться сквозь щетину иголок и прикорнуть к стволу вблизи самой верхушки кроны. До чего же тонким был этот ствол – прямо и не скажешь, что он принадлежит сосне, рост которой превышает трехэтажный дом. Стараясь прилечь как можно ближе, я принялся осторожно съезжать на нижние ярусы, сгребая своим свитером целые пригоршни хрупких чешуек, слезающих со ствола, словно выпревшая на солнце кожа.

Когда я был уже на середине пути и заносил ступню над первой достаточно толстой ветвью из всех, что мне попались по дороге, увидел в перепутье иголок, как по тропе вдоль леса медленно едет человек на велосипеде: его грязноватая серая куртка раздувалась в солнечном свете, напоминая при этом парус обанкротившегося пиратского судна. Глядя в отверстие, я понял, что это мой знакомый курьер едет на очередное задание. Вот он скрылся за ветками и теперь через обрамление – словно метеор пересекающий поле зрения телескопа – проплывала громадная коробка с заказами, привязанная к багажнику его транспорта. Я подождал, пока он минует меня (не хотелось объяснять, почему я оказался в таком нелепом положении), а затем принялся уже увереннее двигаться по стволу и под конец мог бы зачислить себя в мастера третьего уровня по древолазанию.

Придя домой, я обнаружил, что Хорна Алона нигде не было: ни у меня в доме, ни в заброшенной лачуге, где он ночевал, – вообще нигде. Несколько раз я звал его, но тщетно. Возможно, добрый странник, увидев в какую беду попал его знакомый, решил последовать в том же направлении и прийти на выручку, когда такая возможность представится. Да, воображал я, это очень похоже на Хорна, насколько я смог его узнать.

Не успел я вычистить одежду от всевозможного мусора, как телефон настойчиво звонил.

– Слушаю, – пропел я беззаботной птичкой.

– Алло, пап, что ты с мамой сотворил? – сбивчивым голоском затараторила дочь.

– А что?

– Да она вся сияет, как бриллиантовое кольцо... неужели только из-за букета? Она сообщила, что ты подарил ей целую оранжерею.

– Обманщица! Там всего-то несколько роз. – Меня покорило, что девочка упомянула про украшение. Возможно, это лишь фигура речи, но может статься, что в плане подарков Игорь снова оказался на шаг впереди меня. Я не стал уточнять по поводу кольца, ибо забот у меня и без того скопилось на два курьерских коробка.

Прослушав порцию девичьего смеха, я решил капнуть поглубже и спросил:

– Она что, и, правда, настолько рада?

– Не то слово, – хмыкнула дочь, с некоторым оттенком ехидства. – Вспоминай какая она ходила серьезная, вся такая в делах: мне надо посудой заниматься, мне надо пропылесосить, надо просмотреть медкарту... то да се... А после того, как ты принес цветы – никакого раздражения. Мягкая, как котенок, и хихикает словно дурочка.

– Нина! – строго сказал я. – Ты говоришь о маме.

Телефон взорвался от залпов и свистов. Какие-то детские голоса истошно вопили, произнося походя, совсем не детские речи. Под конец наступил полный бедлам, который полоснул по нервам, заставив их загудеть в каждом миллиметре моего тела.

– Нина, заглуши ты свой телевизор!

Стало немного тише, словно арену цирка накрыли куполом, сделанным из войлока или пенобетона.

– Ой, прости, у нас тут очередное сражение.

– Какое еще сражение! – рявкнул я, и все иголки с корой, разом выскочили из моей одежды. Было очень досадно, что в таком важном для меня деле, дочь не могла набраться серьезности.

– Звездочка Баттерфляй, папа, из «Звездная принцесса и силы зла».

Вот такая у меня помощница, мрачно думал я.

– А твоя Звездочка не подскажет, случаем, как мне заарканить твою маму, а?

– Да у тебя и так, хорошо получается. Двигайся в том же направлении и успех придет, это знают все в Эхо-Крик!

– Где?

– Это Академия такая.

– Ладно, – вздохнул я, – смотри свое кино, увидимся на выходных.

– Ладушки! Целую, пока!

«Надо же, Академия из мультфильма!» – подумал я, возобновляя чистку.

Спустя полчаса, я сидел в кабинете, глаза на экран включенного ноутбука, и напряженно мусолил в голове россыпь головоломок, пытаюсь сложить из них объяснение всех событий уходящего дня. Сперва я собирался немного поработать, но мысли танцевали вокруг дыры, а как только я попытался их урезонить, устроили мне самый настоящий бразильский карнавал. К тому же я непрестанно прислушивался – не вернулся ли Хорн, и это не позволяло сосредоточиться на работе. Положив перед собой ежедневник и ручку, уперев подбородок на сложенные домиком пальцы, я размышлял:

«Допустим, я отправлюсь туда. С чем я там столкнусь? Будет ли это чем-то угрожающим, вроде динозавра или меня встретят маленькие добрые гномы, споют мажорный гимн, сводят на экскурсию, напоят старым добрым элем из наперстка или...»

«Не ХОДИ в ДЫРУу».

От воспоминаний об жутком голосе захотелось отправиться к шкафчику за выпивкой, но я сдержался. Внизу принялись бить часы, я не стал считать их удары, а попросту бросил взгляд в уголок экрана компьютера, он сообщил мне, что уже четыре часа дня.

«Определенно обладатель странного голоса был отлично осведомлен, однако это не означало, что следовало верить каждому его слову – он мог использовать свои знания, как для того, чтобы упредить меня от реальной опасности, так и для того, чтобы сбить с толку из-за каких-то своих, неведомых моему разумению, выгод».

И совсем не факт, что интересы эти могли обернуться для меня бедой. Может даже наоборот.

Подводя итоги, я все же решил, что не ходить, может стать еще хуже, чем попробовать разузнать в чем там дело. Эх, если бы Хорн был поблизости, может быть, и удалось бы что-нибудь из него вытянуть, но парень куда-то запропостился...

Взяв ручку, я занес ее над листком и написал:

28 Апреля. Вторник.

Тот проходимец (который то ли из прошлого, то ли из будущего, то ли из какого-то измерения, находящегося по соседству с нашим) про которого я упоминал ранее, к несчастью прячется и нет ни единого шанса выяснить, где он теперь находится.

Снова я остался один, в пустом доме и лишь бой часов, да шелест вентилятора в компьютере оживляют атмосферу сонного безмолвия вокруг меня. Я бы с удовольствием написал, как шуришит крошками, копошащаяся за плинтусом мышь, но в прошлом году мы купили отличное средство...

Черт возьми! Какую-то чушь ты пишешь. Давай строго по делу, журналист ты или кто?

И все же, я в который уже раз задаюсь вопросом: почему вся эта дребедень (если подобное слово здесь уместно) закрутилась именно вокруг меня? Может, дело в месте расположения моего дома? Может, это потому что я первым обнаружил портал, когда он только-только родился на свет божий? Или таинственная ситуация – есть причудливая цепь совпадений, а значит стоит лишь только остановиться, не делать ни единого шага навстречу познанию, тогда, возможно, череда случайностей так же случайно изменит вектор своего направления и я, смею надеяться, вернусь к нормальному существованию, исключаяющему полеты на динозаврах и прочие феноменальные каверзы, которые подкинула мне судьба.

Хотя какое к черту нормальное существование. Без жены, без семьи, безо всяких про-светов на горизонте будущего.

И все же меня это безумно тревожит: ведь я не обычный селянин, не пахарь, не курьер, не аптекарь даже, тем или иным образом, но я связан с наукой и более чем другие, подготовлен к такого рода событиям. Поэтому я оставляю свой вопрос открытым: случайностью ли объясняется моя вовлеченность во все вышеописанное, либо это какая-то (пусть я и считаю такую возможность дичайшим бредом) чудовищная закономерность, не доступная ни разуму, ни интуиции...

Голос сообщил мне, что я принесу беды всему живому. Что я могу разрушать миры и вселенные... Безумие? С другой стороны, что мы знаем о вселенных, кроме того, что они состоят из водорода и гелия? Он убеждал меня не ходить в дыру (так он, да и я тоже, окрестил порталы охваченные кольцами голубоватого света), но желание знать – один из тех наших грехов, которые похожи на затягивающийся капкан, и чем настырнее ты пытаешься выбраться из петли, тем вернее она удерживает твою конечность.

Я притворился для себя, что голос лгал... Может, не во всем, но по части всего самого дурного – точно. Я сделал вид, что априори раскусил происки негодяя. (Что, очевидно, характеризовало меня, как человека с недюжинными дедуктивными способностями, имеющего за пазухой пару-тройку весомых аргументов, питающих мою убежденность. Скажу наперед: ничего такого не было, и доводы свои я строил, исключительно доверяясь чутью и велению сердца.)

Поскребывая подбородок, я силился предугадать, какой инструмент для исследований лучше всего прихватить с собой в шахту. У меня не было ни микроскопа, ни бинокля, черт, даже фонарь куда-то запропастился и, если бы не крошечный светодиод на задней крышке телефона ... однако что-то, все-таки, следовало взять в дорогу, например, бутерброд.

Звонок по Skype оторвал меня от важных мыслей, что было весьма некстати, ибо я уже вовсю загорелся идеей расследовать цепь свалившихся на меня сенсаций и совсем не хотел отвлекаться на что-то обыденное, как, например, работа или видеозвонок, от кого бы он ни был.

Приглядевшись к фотографии вызывающего, я с удивлением обнаружил, что это Лиза пытается получить доступ к веб-камере моего ноутбука. Какого рожна ей надо? Ах да, мы же договорились скооперироваться по интернету для пользы дела. Простенькая мелодия из

трех нот, вгрызалась в мозги, раздражая своей тупой настойчивостью. Я принял решение не отвечать сейчас. Я занят, если отвлекусь, можно весь день потерять.

Переведя курсор на кнопку отбоя, я безжалостно оборвал телефонную трель и, съездившись, ожидал, что последует дальше: отвяжется ли сотрудница или будет трезвонить еще и еще. Обесточивать ноутбук не имело смысла: она бы принялась терзать телефон, а тот отключить я никак не мог.

Как я и боялся, корректорша снова взялась за свое – белая точка двигалась на голубом фоне от ее фотографии к моей, как будто одной мелодии было недостаточно. Я не мог оборвать звонок во второй раз, поэтому девушка могла поблагодарить себя за настойчивость:

– Да, Лиза. Слушаю.

«И смотрию», – мысленно добавил мой внутренний Матвей.

Фото сменилось на видеоряд: с задержкой и зависаниями миниатюрное изображение из статичного превратилось в движущееся. Девушка находилась в своем кресле – за рабочим столом – я без труда узнал и кабинет, и китайскую фарфоровую статуэтку, которую она поселила среди всевозможных папок, календариков и авторучек. На Лизе была надета невероятной белизны рубашка, черный чокер, притягивал взгляд к изящной шее и выемке между ключиц. Прямые локоны выглядели тщательно уложенными в замысловатую высокую прическу. Не стану скрывать: невольно, я залюбовался ею и мне это несколько не понравилось. Но я решил сделать доброе дело и похвалить образ, в котором она предстала и, как выяснилось в дальнейшем, совершил досадную промашку.

– Спасибо, это так мило, – она растаяла, как пломбир при сорока градусах жары, – ты раньше не делал мне комплименты.

– Так и ты раньше так не одевалась, – заметил я с усмешкой.

– Одевалась, – с улыбкой возразила Лиза.

Черт, как неловко, – выходит, что сам признался, как невнимателен ты был по отношению к своей подчиненной.

– В калейдоскопе твоих образов я просто запутался... Ты по какому поводу?

– Шеф поделился, что у тебя проблемы в семье. Попросил, вроде как, присмотреть за тобой.

«Вот старый сплетник», – оскорбился я. – Не ожидал от него». Я почесал нос, в надежде, что из него вылетит джин и посоветует, что сказать по этому поводу.

– Да все нормально, – промямлил я, наконец. – Что он сказал?

– Он беспокоится из-за номера, боится, что ты сорвешь публикацию...

– Ха! Я в нашем деле ничуть не меньше, чем старикан, ты забыла?

– Нет, конечно! Но ты давно не занимался такой работой, к тому же у тебя неприятности...

– Да какие там неприятности, – начал, было, я, но спорить не имело смысла, ведь только неприятностями и можно оправдать мой отпуск и затворничество вдали от цивилизации, – есть немного, разумеется, но, думаю, я разберусь.

Лиза подалась вперед, словно собиралась поведать какую-то тайну, ее красивое личико приблизилось к камере и стало гораздо уже по ширине, чем в реальности.

– Я хотела предложить тебе свою помощь.

– По работе? – насторожился я.

– Ну, разумеется. Я могла бы приехать к тебе на пару дней, и вместе мы бы разобрались со всеми вопросами.

– Приехать? Сюда? – я ошарашено смотрел на изображение, пытаюсь понять, как мне реагировать на неожиданное предложение.

Какого дьявола я так пугаюсь ее? Ну, наверное, потому, что за пару дней увидел в этой женщине, что-то такое чего раньше не хотел видеть. Пока я доверял своей жене и та, как я счи-

тал, всецело верна мне и счастлива, засыпать подле меня в постели, эта невысокая девчушка – Лиза – существовала, как фон в моей жизни. Эдакая легкая затененность из чехарды полутонов составляющих образы людей, с которыми ты вынужден ежедневно соприкасаться. Но в последние дни фигура и фон начали резко меняться ролями, и стало казаться очевидным то, что ранее ускользало от взгляда: идеальное тело, упругая грудь, завиток белокурых волос, скачущий по плечу, словно теннисный мячик...

«Просто она сумела запасть тебе в душу, признай это. Ты даже жену назвал фоном, а ведь недавно мечтал, чтобы она снова тебя полюбила». «Но я же оказался не тем... – спорил я сам с собой, – не героем ее романа...» «Ну тогда стань хотя бы его подобием, вопреки всему, отшей эту вертихвостку куда подальше – этот жест станет добрым началом». Лиза ждала. Я откашлялся и, откинувшись на стуле, небрежным тоном проговорил:

– Вообще-то это не очень удобно...

– Ясно, ты там в компании. Женщина?

Тут уж я возмутился по-полной:

– Представь себе: совершенно один! «А мог бы сказать, что с женщиной. Почему ты не сделал этого?» Я слегка отклонился на стуле, показывая сотруднице пустоту своей кельи.

– Ух, ну и темень там у тебя. С тобой все в порядке, ты выглядишь как-то бледно?

Я обернулся: действительно задняя стена пряталась в темноте, свет от экрана компьютера лишь слегка разгонял мрак и прибавлял интриги – мне чудилось, что среди искусственных бликов скрываются настоящие: огоньки глаз чужеродных созданий, лезущих в мой уютный мирок прямо сквозь стены. Я даже подался к столу и, взяв ноутбук в руки, вытянул его в сторону черноты, дабы убедиться, что сотни глаз это всего лишь плод разыгравшейся фантазии.

– Что ты делаешь? Матвей. – Голосок девушки звучал теперь спереди меня, пока ее видеокартинка углублялась в чернильную мглу. Мое же изображение превратилось для нее в абсолютно непроницаемый темный квадрат. Экран осветил брусчатую стену, никаких существ там и в помине не было. Я брякнул ноутбук на его законное место и произнес шутливо:

– Бледно? Ну, это только полбеда, я, вдобавок, еще и не брит.

– Да? Не заметила...

Я потер подбородок, ощущая себя хряком, которому щекочут пузо. Лиза засмеялась:

– А, теперь слышу. Надеюсь, ты хотя бы умылся сегодня...

– Не превращай меня в неряху, я вполне чистоплотен, знаешь ли.

– Я просто шучу. Так почему нельзя приехать? Мм?

– Потому что у меня небольшая прореха в крыше – дерево рухнуло. Я вызвал мастера, и он приезжает как раз завтра.

– Ах, вот оно что. Надеюсь, он справится. Ну, тогда послезавтра?

– Я...

«Мямля»

– Я...

«Соплежуй»

– Я не вижу причин тебе отказать, – сдался я, наконец, ибо причин таковых действительно не находилось. В конце концов, пока я буду заниматься исследованием сверхестественного феномена, девушка могла бы существенно помочь мне с работой.

– Только, знаешь, приезжай-ка лучше завтра, пусть мастер занимается этой крышей, не думаю, что от него будет большой шум.

– И я про то же. Хорошо, значит, увидимся завтра. Старик не будет против, если работа пойдет споро. Я сама с ним поговорю, тебе ничего не надо делать.

«Надо же, какая она вдруг стала предприимчивая», – слегка удивился я, а следом пожалел, что согласился ее принять. Собственно и день приезда я переменял из-за того, что не

хотел оставаться с ней один на один. Может она влюбится в этого кровельщика и сбежит с ним в тартарары?

– Я объясню тебе как доехать...

– Не надо, ты как-то рассказывал про свой дом, и мне стало так любопытно, что я посмотрела по карте... поселок Родничок, правильно?

– Рудничок. Ты смотрела по карте?

– И дом твой на ней есть. – Она назвала мой точный адрес.

– Приеду около десяти-одиннадцати, устраивает?

– Вполне, – выпало из моего рта, ибо я несколько опешил от ее словоохотливости.

– Тогда до завтра.

Она отсоединилась не дав даже попрощаться, словно чувствовала, что я могу и передумать. Ну, что ж, сказал я себе, теперь будь с ней начеку, похоже, твоя сотрудница души в тебе не чаяла, а ты все старался ее кому-нибудь сосватать, теперь и лопай кашу, которую сам же заварил.

– Надо было просто взять и сказать нет. Теперь, вот увидишь, будет только хуже: ты вооружил Лизу надеждой и она живет теперь с этим подарком, кретин.

Вскинув кулаки, я жажнул по столу, да так что блокнот с ручкой взметнулись вверх, а несколько каких-то вещей жалостно скрипнули, словно заточенные в них духи спросили: «А мы-то, здесь причем?»

– Спокойно, – произнес я очень спокойно. – Надо собираться в дорогу, нас ожидает нечто невиданное и нервы лучше бы побережь.

Я стоял аж в пяти шагах от нее, а все равно страшно было до дурноты. Сперва немного поколотилось сердце, но мне удалось выправить его ритм при помощи мысленной релаксации и пары другой медленных и глубоких вдохов-выдохов.

Солнце переместилось за деревья и обстановка у террикона уже не выглядела, как писанная маслом картина: тона притихли, краски не ели глаза. По прежнему я был одинок (по крайней мере, мне так хотелось думать). Легкий ветерок блуждал промеж крон, нашептывая мне на ухо то ли песнь, то ли сказание – страшную сказочку про то, как один человек забрался в старую шахту и больше никто никогда его не видел. Я медлил – с одной стороны, потому что боялся (и не только того, что мог найти в этом голубом свечении, но и того, что старая крепь из полусгнившей доски не выдержит вибрации шагов и рухнет на мою же спину), с другой – потому что минутой ранее мне почудился шорох в кустарнике, а когда я повернулся в ту сторону, все звуки растаяли, как не бывало. В тот миг я вспоминал темную фигуру, будто выросшую из вершины угольной кучи и волны дрожи пробежали по телу, стало так холодно, что закрыв глаза можно было вообразить себя в центре пронизанного арктическим солнцем ледника. Но я – чуточку ученый, а нам не пристало давать волю чувствам, имели значения лишь твердые факты, а они говорили о том, что никакой опасности пока что и в помине нет, и пугает меня лишь мой наивный несведущий мозг. Надо только потрянуть головой и паутина домыслов, основанных на суеверии и неправильной трактовке событий, рассыплется в клочья и улетит прочь.

Приблизившись к отверстию, я достал телефон и включил заранее его жалкий светодиод на задней панели – неблагополучного братца настоящего мощного фонаря с рефлектором. Подвигав плечами, поправил лямки походного рюкзака, который висел у меня в кладовой и использовался крайне редко. Там, в своем крошечном кабинете, освещенном лишь маленьким настенным светильником, я сосредоточенно размышлял о том, какие же вещи могли понадобиться мне, как исследователю и путешественнику. Все зависело от того, что именно скрывается во чреве штольни – многие захваченные мною предметы могли оказаться попросту бесполезным или ненужным барахлом, а быть ходячей лавкой древностей мне как-то не улыбалось.

В итоге я исходил в основном из логики и знаний о путешествиях. Поскольку без воды человек быстро издыхал, я нацедил полный термос прохладной жидкости и спрятал ее под надежную крышку, рассуждая при этом, почему в киношных приключениях все довольствуются флягами: в них так мало влезает, а защиты от нагрева почти никакой, не очень-то и приятно потягивать теплую воду. Я, конечно же, соорудил себе большой бутерброд (по факту это были два в одном) с – не скажу, что тонкими – ломтиками ветчины, пармезаном и несколькими дольками свежего персика, дабы обогатить витаминами то количество из белка, жира и углеводов, что были в основе моего рецепта. Когда приготавливал тормозок, мне пришло в голову, что, наверное, следовало бы отлить немного воды, ибо современная ветчина процентов на девяносто состоит из этого вещества.

Конечно же, в список необходимых предметов попал мой ежедневник, который я начал именовать дневником, перочинный нож, компас и маленький радиоприемник – все, что связано с распространением электромагнитного излучения всецело относится и к радиоволнам, тем самым он мог бы служить мне неким индикатором для исследования электромагнитного фона (слушать по нему передачи я естественно не планировал). Немного погодя, я присовокупил ко всему этому старенькую, но весьма надежную рулетку с лентой на два метра, натянул на джемпер легонькую ветровку и был таков. Пока добирался, пребывал в довольно беспечном настроении и даже немного насвистывал, возможно, частично в моем самочувствии была виновата Лиза и, допуская это, я пару раз отругал себя за неверность по отношению к супруге, но настроение мое все равно не ухудшилось.

От широкого некогда входа в штольню, остался наклонный проем (по форме напоминающий кабачок) края которого были вылизаны потоками воды, приходящими с верхних ярусов после каждого основательного дождя. Чтобы позволить себе протиснуться, мне пришлось отогнуть в сторону ржавый кусок железной таблички, наполовину вмурованный в грунт. Внутри был почти что мороз, зубы мои застучали, однако вскоре я по обыкusu и внутренний климат начал казаться вполне комфортным. Смущала лишь темнота, хотя она не была крошечной, потому что призрачное свечение кое-как освещало углы, в дополнение к этому помогал мой неказистый фонарик.

Тоннель вытянулся перед ногами метров на двадцать, но дыры видно не было – лишь тупик впереди, несущий на себе росчерки ее света. Я понял, что перед стеной пролегал поворотный рукав, пожившись, я побрел по направлению к тупику, на середине дороги обернулся, чтобы убедиться что выход все еще был на своем месте. Все было нормально, вечерний свет проникал в тоннель, вместе с шорохом нарождающейся листвы и запахами благоухания, которые были не чета здешним: вблизи сильно воняло креозотом, которым пропитывали шпалы и балки, спасая те от плесени и гниения. Воздух был отсыревшим, с привкусом помойной кучи, даже вдыхать его не хотелось. Пока шел, обнаружил, что был не первым посетителем этого склепа после его закрытия: на полу валялись остатки современных картонных коробок, два вороха одежды, немного дальше – пивные бутылки, в том числе и семилетней давности, консервные банки и пригоршни битого стекла, такого же темного цвета, как и уголь, который их окружал. С потолка, представлявшего собой конгломерат потрескавшихся досок и бревен, во многих местах капала коричневая вода, такая же вонючая, как и весь тоннель. Наконец, я добрался до тупика, здесь обнаружил поворот налево, повернул и побрел дальше. Как я понял, голубое свечение истекало из проема, находящегося метрах в тридцати от моего теперешнего положения. Позади, справа, звякнула пивная банка, одна из многих, мимо которых мне пришлось проходить. Я застыл отчаянно прислушиваясь. Хотелось вернуться и посмотреть, что там, но я просто стоял и ждал. В тоннелях держался только звук падающих с потолка капель и больше ничего.

«Наверное, – крысы или еще какой-нибудь небольшой зверек», – решил я успокаиваясь. Осветил себе путь на пару метров: спереди валяется всякий хлам, состоящий из дерева

и ржавого железа (бывшего некогда рельсами, скобами для крепления брусьев входящих в обшивку стен и потолка или табличками-указателями на которых были нарисованы изображения похожие на дорожные знаки). В двух местах, сверху, спадали огрызки толстого резинового кабеля, возможно, когда-то при помощи этого змея освещали пространство внутри тоннеля или запитывали мощные электродвигатели. Параллельно с наблюдениями, я не забывал работать ушами, пару раз мне казалось, что за спиной меня преследует еле слышимый шорох, но поскольку глаза утверждали, что позади ничего живого нет, то шорохи я списывал на буйное воображение.

«Похоже, я пришел». – Остановившись вблизи проема, я повозился немного, снимая с себя рюкзак. Сделал пару мощных глотков спертого воздуха и вошел в зал.

Когда-то это была широкая площадка, одна из многих, на которые было поделено шахтное поле, но многочисленные обвалы заполнили большую часть зала и от бывшего простора остался лишь узкий крысиный лаз: наполовину забаррикадированный рукав шириной метра два с чем-нибудь, в этом уютном местечке и находилась дыра в другой мир.

Пока я, почти не дыша, пробирался сквозь расставленные ловушки – в виде мусора – свет отливающий холодной голубизной, равномерно пульсировал и тонкие струи фотонов сочились с краев этой оболочки, касаясь холодных и вечно влажных стен террикона.

«Мама родная, да ведь это и в самом деле портал!» – Словно только сейчас до меня дошла вся ошеломляющая правда о голубом обруче. Пальцы мои задрожали, колени принялись подгибаться и, не выдержав, я присел на остаток деревянного бруса. Неожиданно для себя, я вдруг осознал, что портал не думал исчезать, как в прошлый раз: он стоял себе и стоял, источая сияние. На его круглой поверхности скользили тени, то превращаясь в почти узнаваемые образы, то размываясь так сильно, что в пятнах можно было узнать птичку, своего ненаглядного песика или голый череп, скалящийся в темноту пещеры.

Но все же... Я вытащил радиоприемник и рулетку. Положил на рюкзак дневник. Потом я попробовал сделать фотографию дыры, но фото получались ужасными: словно пытался сфотографировать слепящий меня прожектор. Тогда я принял решение не использовать камеру вовсе, объяснялось это тем, что, во-первых, это могло меня отвлечь от чего-нибудь важного – имеющего историческую или научную ценность – а во-вторых, попросту погубить: будучи увлеченным съемкой, я мог пропустить подкрадывающуюся из-за спины опасность. С другой стороны фото и видеосъемку в наше время мало кто воспримет всерьез, по причине разгула компьютерных алгоритмов, способных нарисовать любое не мыслимое изображение. Поэтому буду действовать по старинке: вести записи на бумаге и по возможности делать небольшие наброски, хотя художник из меня не ахти какой.

Следовало как-нибудь укрепить фонарик, ибо держа телефон в ладони, я мог использовать лишь одну руку. По счастью в кармане завалялся носовой платок, мне пришло в голову обвязать его поперек панели и, просунув под тряпку один из пальцев (вроде, как перстень надел), я тем самым освободил оставшиеся, обретя такую важную для меня мобильность. Приблизившись к portalу, я обнаружил, что по его поверхности скользят тут и там радужные пятна, похожие на те, что мы наблюдаем в пугатых мыльных шарах.

«Интерференция света, – размышлял я, приблизив лицо к дыре. – Видимо оболочка состоит из слоев, иначе никакой интерференции не было бы...»

Потом я включил радиоприемник. Конечно же, в пещеру не проникали радиоволны, и из динамика устройства неслышимо шел лишь шум, напоминающий звуки водопада, но вот странное дело: как только я проводил антенной мимо зева портала, водопад исчезал, превращаясь в журчание тихого ручейка, и вновь появлялся, стоило лишь удалить приемник к самому краю поверхности. Это могло говорить о том, что изнутри исходят какие-то радиоволны, которые не под силу расшифровать моему простенькому устройству.

Обмерив портал по двум взаимно перпендикулярным диаметрам, я обнаружил, что в ширину длина проема составляла около двух метров, в высоту – чуточку больше, таким образом, идеальной окружностью эта штукавина не являлась. Записав всю полученную информацию в дневник, я был готов шагнуть в неизведанное. Мне не было особенно страшно: я уже полетал на динозавре, победил (по крайней мере, мысленно) черно-угольного призрака террикона, придумал отличный способ борьбы с подозрительными шумами (списывать все на грызунов), и мне жутко хотелось во всем разобраться. Я решил не совать в проем руку или ногу, а нырнуть туда целиком, ведь, если там крокодил, и он откусит мою конечность, то я, разумеется, выдерну из дыры то что от нее останется и, если выживу, то будучи жалким калеккой, так никогда и не узнаю, как выглядит мир по другую сторону.

Не дав себе времени опомниться, я ринулся на поверхность, и она без колебаний впустила меня.

Глава пятая

В первую секунду мне показалось, что я нахожусь на окраине безбрежного поля или лужайки: повсюду виднелась лишь трава – невысокая (такая трава характерна для выжженной солнцем степи). Присутствовали так же редкие кустики более высокорослых растений и клочья тумана, которые появлялись, словно бы ниоткуда, проходили сквозь друг друга в таинственной тишине и уносились прочь, освобождая пространство для новых сгустков. То, что было над моей головой (небо ли?), также было укутано слоистой пеленой: облизывающими друг друга, языками невероятно плотных облаков, а, может, шмотками все того же тумана, который в этом необъятном пространстве являлся, похоже, главной достопримечательностью. Как я не напрягал зрение, так и не сумел установить, откуда же в это место попадал свет: никакого намека на солнечный круг, упрятанный под шубу атмосферы, не было ни на гран. Освещение просто присутствовало, как факт, и все – причем цвет его почему-то отливал синевой, словно повсюду плавали вечные сумерки никогда не переходящие в ночь.

Насчет величины этого места я довольно сильно ошибся, оно не являлось таким уж необъятным, как я сперва подумал: прямо напротив моей дыры (хотя и в неопределенной дали, но все-таки вполне досягаемо) виднелась маленькая голубоватая окружность – другая дыра. Мне пришло в голову, что это был проход в другой – отличный от нашего – мир. «Наверное, оттуда и появился мой приятель – Хорн Алон». – Я шагнул в том направлении, но был остановлен одним из тех высоких кустиков, что величиной своей выбивались из общего ряда. Кустарник походил на *Origanum vulgare*, которую у нас именуют попросту Оригано, и используют в качестве ароматной приправы для пиццы или спагетти, ну или просто заваривают при простуде, как целебное снадобье. Я наклонился над растением, чтобы получше его рассмотреть и понял, что листья его были весьма необычны: напоминали маленькие ладошки с пятью остроконечными пальчикам охваченными голубовато-зеленой перепонкой. Какие интересные листья, надо будет порыться в энциклопедиях и выяснить, встречаются ли подобные у земных растений. На верхней трети цилиндрического стебля располагались цветоносные черешки, несущие на вершинах крепко сомкнутые бутоны цветов, главный побег тоже оканчивался бутонном, который выделялся из всех остальных особенно крупным размером. Мне захотелось ощутить структуру растительной ткани и, протянув палец, я прикоснулся к одной из чешуек бутона. Он среагировал почти мгновенно: весь бутон разом вздрогнул, словно пробудился от сна. На моих глазах чешуи принялись раскрываться и по мере того, как сизые чашелистики прижимались к стеблю, из сердцевины бутона выбрасывались шлейфы растительной ткани, похожие на обрывки молочно белого полотна из фатина. Они были до того легковесны, что будучи выброшенными наружу не спешили опуститься к земле, а плавали в синеватом воздухе, точно в невесомости. Последний чашелистик отпал и нутро красивого пушистого, как белый пион, цветка предстало моим глазам. Что-то удивительное таилось в самом центре венчика, затаив дыхание я опускался все ближе и ближе, пока мой разум, наконец, не показал мне, что же такое все-таки я вижу: крохотное человеческое лицо, белое, как молоко, раскрыло удивленные глазки, взирая сквозь меня в небо «синего мира». Оно недовольно морщилось и куксилось, словно я сделал нечто непозволительное: нарушил ритмическую последовательность безжизненного оцепенения, придя слишком рано и в самый неподходящий момент. В полном ступоре я разглядывал, как кривиться беззвучный рот, как морщины противления проносятся по мордашке, точно крохотные водяные вихри. И вдруг оно начало восставать из цветка, крутясь по спирали, а шлейфы фатина взметались и плескались вокруг его туловища не позволяя разглядеть больше, чем я уже видел. Оно выбросило ко мне маленькие руки, словно хотело крепко обнять, и рот его исказился в крике мольбы, только голоса не было вовсе: это был крик немого, безголосого существа. Оно словно упрашивало меня:

«Не ХОДИ в ДЫРУу».

От неожиданности я сделал шаг назад и, запутавшись в траве, повалился на спину. Туловище мое вывалилось из прохода обратно в штольню, ноги, начиная с колен, так и остались по ту сторону. Я медленно сел, благословляя судьбу, что не довелось напороться затылком на какой-нибудь штырь или острую палку, которых тут торчало немислимо. Сидел и любовался видом своих ног, разделенных гладью поверхности дыры на две части. Свет с окраин падал мне на грудь, чередуя всполохи и глубокие тени на ткани джемпера. Часть лучей освещала фрагменты мусора, между которыми я прохлаждался, и дальние углы зала на которые я старался вообще не смотреть, ибо там могло померещиться все, что угодно. Что же это за человечек такой? Житель цветка, фея? Скорее всего, – это и есть сам цветок. А ты ожидал, что в чужих мирах все так же, как и в твоём собственном? Нет, такое бывает только в кино... Чуждое должно быть чуждым, решил я, наконец, и полностью успокоился, дав себе зарок не реагировать на странности, как девочка, увидевшая бегущую мимо ноги мышшь. Перебирая руками, я снова вполз в дыру: в том мире ничего не изменилось за исключением известного цветка. Он теперь стал таким, как и был до моего прикосновения: запечатанным накрепко, полностью глухим ко всему, что происходило снаружи. Оно и к лучшему, решил я твердо, устремившись к другой дыре. Пока шел, голубой круг неуклонно увеличивался в размере, свидетельствуя о том, что я все-таки приближался к нему, мой же круг, наоборот становился все меньше и меньше. Глядя по сторонам, я убеждался, что «синий мир» между дырами, был не таким уж однообразным: помимо кустиков и кустов попадались деревья, хотя и невысокие и, довольно жалкие с виду. Они напоминали своих земных братьев в пору глубокой осени, когда большая часть листьев уже облетела и только наполовину истлевшие остатки покрывают собою куцые ветви.

Кроме того появились и звуки: жалобные выкрики, напоминающие плачь кулика или голодного галчонка, вывалившегося из гнезда. Пребывая в движении, я не ленился считать шаги (длину своего разлета ног, я, как и полагается, принял эквивалентной метру). Достигнув, наконец, портала, я убедился, что, в поперечном направлении, синее пространство между дырами оказалось не так уж и обширно, – я насчитал всего лишь тридцать шагов, (хотя дыра представлялась находящейся метрах в двести от первой). Остановившись на секундочку, я записал полученные мною сведения в дневник. Достал компас и повертелся с ним на одном месте. Как это не покажется странным, прибор продолжал работать и здесь: синий конец указывал в одном и том же направлении, расположившись вдоль загадочного меридиана, в какую бы сторону я не повернулся. С легкой тревогой (ведь по ту сторону, именно я являлся пришельцем «из космоса»), я сунул голову во второй портал, туда же попали кисти моих рук, в одной из которых был ежедневник, в другой телепался компас, удерживаемый за ремешок. Но в том мире я пробыл не долго, уж слишком шокирующим и непривычным оказалось зрелище, открывшееся моему взору, даже почище человечка-растения. Я сразу же успел заметить, что все, что обитало там: полосы зелени, горы, ландшафты – виделось словно бы в разбитом на две половины стакане, при этом одна из частей была смещена относительно другой. Но самым большим потрясением оказалось солнце, оно было не круглым, как полагается, а словно бы разорванным на две крупные области, с изогнутой пуповиной между фрагментами. Неужто светило должно было раздвоиться?

К тому же, небо (по-моему) походило по цвету на прозрачный янтарь. Ну, нет, решил я, в ту сторону я пока идти не готов. Уловив еще один всполох, справа от себя, я задал резонный вопрос: а сколько же всего здесь этих дыр? Но я не направился к следующему portalу напрямик, захотелось обследовать ту субстанцию, в которой находились дыры. Я дотронулся до некоей стенки – упругой и подверженной колебаниям – и тут же, за моими пальцами потянулись сгустки белесого вещества, напоминающие сливочные нити, которые прилипают к ложке, когда ею размешивают тягучую массу. Вдоль нитей (и огибая их), проскакивали сине-белые

росчерки молний или разрядов электричества. Я резко убрал пальцы, прижав ладонь к груди: отросток из вещества подержался несколько секунд, а затем втянулся в пузырь (так я окрестил барьеры, которых, кстати, снаружи видно не было) в котором повисли порталы.

Я двинулся вдоль пузыря, направляясь к тому месту, где брезжил свет. Когда добрался, понял, что там была не дыра, а сильное средоточие молний, бьющих из начала образовавшейся длинной перетяжки, тянущейся от меня до противоположной стены. Она походила на тот вырост, который следовал за моими пальцами, только этот не втянулся в стенку, а дорос до противоположной, соединив обе стены своим телом – напоминающим скопище перекрученных белесых канатов, сделанных то ли из очень гибкой и прочной резины, то ли из весьма плотно переплетенных ручейков тумана опалесцирующего белизной. Струи разрядов проскальзывали по структуре, двигаясь туда и сюда.

Я побрел обратно к «земной» стене, по-прежнему, считая шаги. Досчитав до тридцати, понял, что нахожусь только лишь на подходе, из чего следовало, что стены не были параллельными оградками, а поверхность их (по крайней мере, на такой протяженности) напоминала ветвь гиперболы – так называют кривую линию, описываемую одной из математических функций.

«Что это за соединительная ткань?» – задумался я, присаживаясь на крепкий поваленный ствол, дабы предоставить ногам необходимую передышку. Я захотел есть, вероятно, виною тому была интенсивная ходьба, вместе с напряженной работой мозга. Развернув бутерброд, я так жадно набросился на него, что целые куски персика и сыра падали наземь, застревая где-то среди травинки. Запивая еду водой, обратил внимание, что рядом с моими кроссовками крутятся два здоровенных жука – сантиметров пятнадцать в длину, не меньше. Без лишней паники я отодвинулся от ствола, но принялся пристально следить за жучарами. Особой тревоги по их поводу у меня не было: выглядели они довольно миловидно (приятного коричневого оттенка, с короткими усиками и округлым тельцем), нападать на меня, по всей видимости, насекомые не планировали – похоже их привлекли остатки еды. Один жук вынырнул из травы, держа во рту кусочек персика. Второй, обнаружив, что напарник не собирается делиться добычей, выпростал передние лапки и, при помощи мохнатых зазубрин на концах их, вцепился во фрукт, пытаясь отобрать сочную дольку. Чем-то это все напоминало борьбу сумо. Жуки грохнулись в траву, и пропали из виду. Я примостился на стволе вновь, соблюдая достаточную дистанцию от места жукиного поединка. Достал дневник, и принялся излагать кое-какие из соображений, возникших по ходу тщательного обдумывания полученных в ходе прогулки данных. Записав все, я хрустнул коленями и продолжил свой путь до места выхода перетяжки на поверхности той из стен, которая несла на себе «мой» портал.

Это было, по-видимому, само время. Точнее некая структура, служившая его выражением. Вот что я обнаружил, приблизившись к молниям и коснувшись их антенной своего радиоприемника (мне хотелось проверить, велика ли там сила тока, что равносильно фразе: «уцелеет ли аппарат или его цепи перегорят к чертям»). Едва я прислонил кончик антенны к разряду, как меня вместе со всеми причиндалами всосало в перетяжку и выбросило на другой стороне – в моем же мире, только не в моем времени. Оглянувшись назад, я понял, что появился из аналога первых двух дыр: маленького портала, диаметром не больше сита для просеивания муки. Она, как и ее старшие сестры висела прямо в воздухе, интерферируя своей поверхностью и извергая струйки голубого сияния на краях.

Передо мной раскинулась обширная равнина, купающаяся в лучах и зелени. На дальнем плане, за гектарами шелестящего леса, клубилась дымка тумана, охватывающая теряющийся в небесах горный хребет. Протяженные лоскутья снега (я знал, что там тонны снега), сбегали с вершины горы, еще не имеющей даже своего имени, превращая горный пик в роскошный граненый опал, так здорово сочетающийся с голубизной небесного купола, который этот пик подпирает. Что-то тоненько пискнуло вблизи моей головы, я ахнул от неожиданности и обер-

нул. Подле меня порхал крошечный, размером с летучую мышь, птеродактиль. Он не планировал напасть на меня: просто перепархивал рядом, вероятно, обуреваемый любопытством. Я вытянул руку с зажатым в ней дневником, и это создание спланировало на кожу тетради и село, пропищав при этом что-то свое.

«Боже, на этой тетради сидел живой динозавр!» – с восторгом подумал я, вертя импровизированный насест с моим маленьким новым знакомым. Вдруг ящер заверещал, словно был чем-то недоволен или испуган, вспорхнул вбок и направился в сторону леса.

Как же все-таки было жарко на этой равнине. И не только мне одному, шагах в тридцати, я заметил стаю динозавров, они были огромными: метра четыре в высоту, а в длину раза в три больше. Они двигались к протекающей неподалеку реке, с медленным течением, вероятно, чтобы утолить жажду. По ходу движения бригада издавала трубящие звуки, оповещая округу о приближении необычайного по габаритам духового оркестра. Из созерцания этой благодушной картины меня вывел неожиданный и довольно свирепый звериный рык. Я резко повернулся в его направлении и обнаружил себя под прицелом глаз надвигающегося с тыла чудовища. Огромный, как два поставленных один на другого быка, длиной – не менее размеров моей гостиной, трицератопс, уверенной поступью подбирался все ближе, обуреваемый желанием проучить за вторжение на его территорию. При каждом шаге гиганта, я ощущал низкий гул, передаваемый сквозь землю в мои ребра.

Следовало немедленно ретироваться. Я протянул руку и повернулся, намереваясь коснуться портала и унести в «синий мир», но маленькая дыра исчезла, и мои пальцы юркнули в пустоту.

Динозавр был настроен надеть меня на рог – это читалось и в его мутном взгляде, где белки купались в крови набухших от ярости сосудов, и в самих рогах начинавших выглядеть все страшнее и страшнее по мере их приближения. Я наскоро бросил дневник в рюкзак (так как очень не хотел потерять записанную туда ценную информацию) и бросился наутек. Окраины леса находились неподалеку, и я надеялся, что заросли дадут мне надежную защиту. Хрипя и порывая, рогатый бронепоезд мчался по моим следам, неумолимо сокращая дистанцию, я, было, хотел подобрать какой-нибудь камень и швырнуть в зловещную морду, но по несчастью на моем пути встречались лишь увесистые валуны, к тому же, наполовину закопанные в грунт. Ворвавшись в тенистую рощу, я принялся лихорадочно шарить по ней глазами, разыскивая плотный густой кустарник, по возможности колючий, но ничего такого не замечал: все кусты были какие-то хлипкие, словно их отбирали специально для украшения аллеи парка или какого-нибудь дендрария. Делать было нечего, поэтому я выбрал ствол поудобнее и, не теряя времени понапрасну, вскарабкался на одно из местных деревьев – благо по стволам я научился лазить вполне неплохо. К слову сказать, этот последний отличался от соснового тем, что в определенном месте разветвлялся на несколько очень крепких суков. Один из них я и выбрал в качестве своего спасителя, дабы тот отдалил меня от земли на максимально возможную высоту. Пока полз, ощущал себя обезьяной собирающей букет цветов к празднику, поскольку весь ствол был усажен большими белыми корзинками с остроконечными лепестками, которые пахли невероятно привлекательно, внутри виднелись крупные желтовато-оранжевые тычинки. Добравшись до верха, я первым делом притянул к себе рюкзак и лихорадочно застегнул молнию, чтобы обезопасить драгоценную тетрадь от падения. Большая масса густой отблескивающей глянцем листвы скрывала от меня тушу трицератопса, однако я слышал, что он возится где-то внизу, словно муравьед раскапывающий термитник. Похоже, зверь сообразил, что я не умею летать, и вознамерился вытрясти меня из листвы, как какое-нибудь, зависевшее дольше остальных, яблоко: принялся терроризировать ствол, попеременно применяя то рога, то просто раскачивая дерево, толчками массивного бока, покрытого твердой и прочной, словно броня, кожей. Этот настырный подонок добился-таки своего: меня выбросило из

уютной шелестящей ниши, и, если бы не цепкая хватка за сук, быть бы моему задку насаженным на два превосходных доисторических рога. (Вот бы был подарочек археологам, если бы мой скелет так и остался на лбу трицератопса до его кончины – в качестве почетного трофея.)

Треклятый динозавр все еще не мог ухватить мои ноги до тех пор, пока находился на опоре, используя все четыре лапы. Однако на короткое время это животное приспособилось обходиться только двумя из них (наверное, этот трюк позволял ему дотягиваться до самых далеких веточек с сочной листвой), таким образом, трицератопс приподнялся от земли и прикусил своим ртом подошву моей кроссовки. Я инстинктивно вырвал ногу, пока моя ступня еще пребывала в моей собственности. Отбрыкиваясь что есть сил, я попал подошвой на один из его рогов (тот хоть и был острым, но очень относительно – это была острота обломка породы, а не гвоздя или меча) и, используя кость, как трамплин, оттолкнулся, для того чтобы перекинуть одну из конечностей через мой спасительный насест; трицератопс же, получив противоположный импульс, не смог более держаться на двух задних ступнях и рухнул вниз, приняв естественное для него положение. Взглянув на него мельком, я заметил, что вся зеленая морда покрыта белыми лепестками, осыпавшимися во время нашей борьбы, а один из цветков застрял между костных выростов на его гребне, придав чудовищу миловидный кокетливый вид. В этот самый миг над нами обоими на короткий период воцарилась прохладная тень – гигантский птеродактиль, размером с небольшой самолет, деловито спланировал над деревом, осыпав меня и трицератопса ворохом мелкого мусора, так как зачем-то тащил в своем клюве охапку травы и тонких ветвей (клубок растений по размерам напоминал небольшой стог). Я принялся копошиться, силясь отыскать ветку покрепче и, высунув голову из листвы, увидел ее – свою маленькую дыру. Она висела в неглубоком овраге – на другом берегу реки, и хорошо выделялась на общем фоне сочным голубым свечением и почти идеальной формой круга. Поскольку мне уже стало ясно, что дыра способна мигрировать после непродолжительного пребывания на одном месте, то весь вопрос заключался во времени: сколько минут или секунд портал находился в плену у определенной пространственной точки. Я прикинул, опираясь на первоначальный опыт, что где-то минут пять. С другой стороны: а сколько она уже висела в овраге? Мне хотелось верить, что не более минуты, так как я наверняка углядел бы ее до того, как сорвался с сука. Я пощелкал кнопкой на наручных часах, нашел секундомер и включил его – на табло бешено понеслось время, в виде молниеносно меняющихся циферок. Мне нужно было добраться к portalу, до того, как часы отсчитают четыре минуты. Потом вытащил из кармана компас и засек азимут дыры, ибо, когда я буду внизу, портал исчезнет из виду и мне останется только одно: двигаться в направлении найденного угла. Теперь надо как-то переместиться вниз и бежать со всей мочи. Мне повезло: большой шмоток ветоши, упущенный птеродактилем, угодил прямо на голову моему недругу – густая сеть спутанных трав сцепилась с рогами динозавра, сделав его похожим на неухоженную рок-звезду, и совершенно затрудняла ему обзор. Белый цветок щегольски выглядывал из вышеописанного безобразия, несколько не облагораживая испорченную внешность чудовища.

Воспользовавшись моментом, когда трицератопс, который неистово мотал головой, окажется в нужном мне положении, я прыгнул на его спину, поскольку она была ближе ко мне, чем земля и определенно мягче. Спина оказалась кургузой: мощный хребет гнулся подобно западному побережью Австралии и совершенно не годился для того, чтобы гулять по нему удерживая равновесие, поэтому в итоге я слился с поляной (если не по цвету, то, по крайней мере, повторил своим корпусом очертания рельефа). Когда вскочил, моему взору предстал дикий вид: что-то блестящее сканировало меня лучом, скрываясь за зарослями болотной тины. Меж двух покрытых зеленой плесенью коряг, белая кувшинка каким-то чудом пробилась к поверхности и выглядела совершенно чуждым объектом в этом странном гербарии. Не сразу до меня дошло, что этот блестящий предмет – глаз динозавра, выглядывающий из спутанной требухи. Я не кинулся сразу же на открытое место, иначе зверь меня бы догнал. Я бросился в

густоту леса, рассчитывая, что динозавр запутается своим париком обо что-нибудь торчащее, ну или, по крайней мере, ветошь приминаемая ветвями плотно запечатает вражеские глазницы. Наверное, так и случилось, потому что, пролетев по дуге вдоль края зубчатой поросли, я вырвался на простор саванны в полном одиночестве. Мой преследователь ревел где-то в гуще леса, и я так и не узнал: застрял ли он, прикрепившись к кустам шевелюрой, или просто плюнул на меня и сосредоточился на избавлении морды, от болтающегося на ней, препятствия. Я бросил взгляд на часы, прошло две минуты, следовательно, за две оставшиеся минуты мне надо добраться до выхода. Повертев компас, я развернул тело на нужный угол, и помчал в том направлении, не разбирая дороги. Река оказалась не глубокой (где-то по колено), в этот период на Земле не было еще такого разнообразия растений, как в наше время, и я без сопротивления пересекал водный поток. Неподалеку от середины реки, рядом со мной, из воды вынырнула громадная голова и наблюдала за моим забегом, раскрыв широкий лунообразный рот, совершенно не имеющий зубов и только на берегу я понял, что повстречался с гигантской доисторической черепахой.

Когда я достиг оврага, время было почти на исходе, однако дыра все еще красовалась на своем месте. Спрыгнул в яму, ощутив подошвами мягкое песчаное дно. Я уже собирался исчезнуть, когда заметил скелет маленького динозавра, скромно лежащий поодаль среди редких кустиков жесткой травы. Над головой погибшего малыша рос маленький папоротник, наверное, динозаврик ел это растение перед смертью, а крохотный черешок, прилипший к его губам, возродился в таком вот необычном для себя месте.

«Может быть, часть тебя сохранилась, чтобы жить в черешке? – подумалось мне с легкой грустью. – Ну, по крайней мере, здесь вполне чисто – ни единой пивной банки во всей необъятной Пангее!» Мои пальцы коснулись портала, и я перенесся в странный «синий мир».

Аккуратно развесив мокрое белье перед жарким огнем камина, я вслушивался в потрескивание дров и делал записи в своем дневнике. Опустилась ночь, родные звезды галактики Млечный путь засеяли каждое пятнышко неба над моей дырявой крышей. Хорн Алон так и не появился и я подумал, что он снова заблудился в нашем, последнее время, не таком уж приветливым лесу, где на ветках посиживали не совы а морские рыбы – скаты, где не очень то уважали мерзких болотных жуков, а над крышами кружили древние ящеры и иной раз уносили с собой человека, чтобы полакомится им, спрятавшись в зарослях дикой ежевики. Маленький стаканчик текилы, словно сгусток сияющего янтаря красовался среди разложенных по столу справочников и книг по палеонтологии. Он приветствовал меня теплотой своего взгляда, однако я твердо сказал ему: «Нет», и оставил нетронутым, дабы сохранить атмосферу в уюте, а голову – в ясности. Поскреба по сусекам своего разума, я взял со стола ручку и продолжил писать:

...Итак, представляется вполне очевидным, что дыра-портал способна совершать перемещения в окрестностях того места, где ее впервые заметили (насколько широк этот район, говорить не берусь, возможно, в пределах одного квадратного километра). Однако дыра, найденная мной в заброшенной итольне явно не испытывала потребности перемещаться.

Отсюда следует лишь один вывод: портал присоединяется (прилепляется) только к определенным веществам, например, к кальцию или углеродистым молекулам, к которым имеет определенное сродство, наподобие того, какое имеют молекулы бензина к молекулам жира, неподдающимся соединению с водой. Не находя такого сродственного материала, портал хаотически мигрирует, оставаясь при этом в некоей вероятностной области доступных ему мест для материализации.

Была ли дыра в итольне той же самой, с которой я повстречался в лесу или это другая? Данный вопрос подлежит тщательной проверке, поэтому остается открытым.

Почему вообще возникли у меня мысли об одинаковости порталов. Дело в том, что дыра в штольне пребывала под поверхностью земли, в то же время, маленький портал хоть и переместился, однако оставался над этой поверхностью. Как-то не верилось, что данные образования могли гулять в пределах вероятностной сферы, а не окружности (то есть перемещаться не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскостях).

«И еще стрекоза», – перешел я на следующую страничку.

Я задался этим вопросом, после того, как случай спас меня от рогов ужасного Юрского чудовища. Каким образом она появилась в нашем мире? Пролетела через перетяжку, про которую я упомянул ранее? Но во времена трицератопсов, да и вообще динозавров никаких гигантских стрекоз не существовало – вымерли задолго до эры могучих ящеров.

Это наталкивает на мысль о существовании другой перетяжки, ведущей в более раннюю эпоху, нежели Юрский период. Но это означало, что коридоры в форме гиперболы являлись пространственным отражением времени и позволяли переместиться не только из мира в мир, но и по времени каждого из миров. В моем случае, перемычка прилежала к стене вблизи моего мира и, значит, я перемещался по временной шкале именно моего мира.

Время... В нашем сознании оно ассоциируется с расстоянием – неким зазором или длиной между двумя последовательными событиями. Недаром же, время и пространство, в теории относительности, объединяются, как бы в единый сплав: пространственно-временной континуум или четырехмерное пространство (именно пространство). Однако если время – это четвертое измерение пространства, то какова его форма? Ведь любые пространства имеют какой-либо обобщимый облик: например, трехмерное – мы уподобляем кубу...

Возможно ли, что форма гиперболической стенки, являлась в «синем мире» пространственным отображением понятия времени... Понятия, выражающего последовательную смену одного события другим.

Этот момент, связанный со временем, следовало более подробнейшим образом изучить, ради чего я создал некую теоретическую базу, суть которой состояла вот в чем:

Допустим, форма гиперболической стенки – есть искривленная стрела времени, бывшая до этого момента прямолинейной и равномерной. Если бы она и сейчас оставалась прямолинейной, тогда количество пространственных зазоров – шагов, соответствовало бы перемещению по времени – прямо пропорционально (с учетом некоего коэффициента, который мог бы быть определен из опытов).

(Поскольку шаг человека моего роста был в среднем равен одному метру, то выражение «шаг» в моей теории заменяло попросту слово – метр.)

В моем же случае, я имел дело с искривлением временной шкалы, и следовало применить иной подход. За основу вычислений я взял аналитическое определение гиперболы: ветвь – которая есть искривленная стрела времени – характеристический четырехугольник и асимптота между ветвями – вот и все компоненты, на которые я опирался. В качестве асимптоты временной ветви, я избрал угол, вычисленный по компасу. (В упомянутом случае, я не использовал именно стрелку компаса, а применил его просто как угломерный инструмент.) Что позволило мне найти асимптоту? Асимптота есть прямая, которая неограниченно близко прилегает к ветви гиперболы. Для того чтобы определить компоненты формулы, мне требовался тангенс угла наклона асимптоты, а для этого нужно было знать сам угол. Поскольку на некотором расстоянии мне был замечен вырост перетяжки – гейзер синих молний, бьющий из стены – то направление визира компаса на эту точку давало угол (пятнадцать градусов) наклона касательной к ветви гиперболы, а этой касательной вполне было достаточно, чтобы заметить ее асимптоту. Найдя этот угол, я и вычислил его тангенс, используя калькулятор в своем мобильнике...

В качестве оси, я взял среднюю линию между гиперболическими стенками (то есть середину пути между порталами: тридцать шагов разделить на два... пятнадцать метров,

это и была, по сути, вещественная полуось). Для вычисления так называемой мнимой полуоси, я использовал значение вещественной, умножив его на тангенс (0,27), получилось четыре метра. Далее, используя сведения о том, что в районе выхода перемишки, время (за нулевую отметку я принял свой календарный день) соответствует прошлому, отделенному от моего настоящего на 200 миллионов лет – Юрский период, и, применив известную формулу вкупе с вычисленными компонентами, я нашел, что этому моменту времени на гиперболе должно соответствовать «шаговое» расстояние (по средней линии между стенками в которых рождаются порталы) равное пятидесяти четырем шагам. С этого места мне стало как-то неловко именовать их шагами, ведь несколькими шагами соответствовал огромный скачок во времени. Посему я принял решение применять впоследствии выражение «временной прыжок». (Ах да, – без специального коэффициента, цифры получаются просто огромные, поэтому найденные расстояния вдоль средней линии требуется умножить на одну миллионную. Кроме того, для близких временных расстояний, коэффициент следует подбирать заново.) Еще замечу, что для значений времени менее шести лет, решения получались чисто мнимые. Другими словами, перемещаться в прошлое или будущее я мог только на количество лет превосходящих число шесть.

Понимая, что мои объяснения несколько сумбурны, поясню проще. Я вывел формулу, дающую возможность высчитать, по шагам вдоль средней линии, – черта пролегающая «вдоль» между стенками «синего мира» и лежащая точно на половине расстояния между ними – на какое количество лет (ил и в какую временную эпоху – считая от настоящего момента) я перемещусь, если сделаю перетяжку (и соответственно – мини-портал) в том месте стенки, которое будет находиться напротив меня в момент моей остановки. (Считаю, что эти мини-порталы можно производить самостоятельно, если вспомнить тот факт, когда за моими пальцами устремились нити белого вещества, породив зачаточную структуру в точке прикосновения.)

Чтобы испытать найденную формулу, я должен обязательно провести эксперимент, удалившись в гораздо более отдаленное прошлое, насколько это представлялось мне возможным.

Мне пришлось отложить дневник, поскольку работая головой несколько часов, я сильно проголодался. Поднялся на кухню, поставил кастрюльку на плиту, приготовил легкий салат. «Может сходить еще раз в тот дом – проверить, не объявился ли Хорн?» – раздумывал я, помешивая салат, и, одновременно поглядывая на кухонное окно, в котором виднелся погруженный во тьму сад. Я надеялся увидеть какое-нибудь бледное пятно – лицо незадачливого странника по мирам, но лишь корявые стволы демонстрировали мне свои шершавые лики. В конечном счете, я решил никуда не ходить. Думал, что после дневного происшествия Хорн обязательно зашел бы меня проведать, если бы был где-то поблизости...

Когда сварились спагетти, я щедро добавил в них соуса и пряных трав. Плеснул прохладной минералки в высокий бокал, принялся быстро поглощать пищу – новые мысли пришли в голову во время готовки, и мне не терпелось изложить их на бумаге. Только что часы пробили десять вечера и, чтобы не поперхнуться, – поскольку образы порталов не хотели оставить меня в покое – я постарался полностью сосредоточиться на блеске бронзового маятника. В этот момент прострации, я очень остро ощутил свое одиночество. Щепка, болтающаяся на волнах посреди океана, была гораздо менее одинокой, чем я, – ведь на поверхности моря плавают миллионы разнообразных существ. Мне так не доставало маленькой девочки, которая, ворвавшись ко мне в кабинет, приметя настойчиво требовать помочь ей решить трудную математическую задачу и одновременно будет тыкать пальцем в картинки на экране компьютера, допытываясь, что же это такое там нарисовано. И никого не взволнует, как некогда волновало мою жену, когда же я отлипну от этого стола и пойду спать. А когда, наконец, я потушу в кабинете свет, почищу зубы и приду к постели... меня там встретят лишь ледяное одеяло и подушка без единой вмятины.

Мне уже начинает казаться, что мою жизнь проживал кто-то другой, а я лишь читал об этом в его опубликованных мемуарах.

«Вернись ко мне, – проскулило мое разбитое вдребезги сердце, – вернись или отпусти». Телефонный голос пророчил, что я буду разрушать миры... Один мир уже, кажется, приближался к этому, мой личный мир, представлявшийся некогда таким непоколебимым. Вот только в том была не моя вина. Или наоборот?

«По поводу актера, как его там... Он слишком переигрывает. Наверное, ему уже надоело сниматься в этом «мысле» и он подыскивает другой сериал. Что-нибудь про стрельбу, погони, приключения...»

Было уже за полночь, но я пребывал в шутовском настроении и совершенно не хотел спать. Женя повернулась на подушке, ее блестящие глаза еще хранили прикосновение магии рождающейся внутри экрана. Она улыбалась, может не мне, может своим мечтам, откликающимся на незадачливые ловушки, которые расставила судьба для героев в каждой серии этого неимоверно долгого телефильма. Она сказала, что это мне самому наскучило, и я перестал следить за сюжетом. Что я начал засыпать еще до того, как закончится половина серии, а актеры тут совершенно ни при чем: играют просто великолепно, очень жизненно.

«Да нет же. Говорю тебе: им всем уже надоело. Раскрой ленту ВК, там наверняка написано где-нибудь, что сериал выдыхается, и все они друг за дружкой тянутся к другому оазису, а этот сад уже вянет и чахнет», – настаивал я, больше для того, чтобы затеять шутовскую ссору, поскольку телефильм уже давно перестал волновать меня. Женя нахохлилась и пхнула меня ступней под одеялом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.